В.В. Поликарпов

Нетуристическая Африка

Поликарпов Виктор Васильевич

+7 (985) 366-81-53 v.polikarpov@mail.ru

Нетуристическая Африка Поликарпов В.В.

Всем, кто служил и работал в Африке, выполняя профессиональный долг, посвящается...

Содержание

От автора	4
ЧАСТЬ І.	
Дела давно минувших дней	
(1971–1991)	
Египет	6
Гвинея (Конакри)	
Ангола	
ЧАСТЬ II.	
Из России с любовью: возвращение на конти	инент
(1997–2013)	
Танзания	100
Южно-Африканская Республика	
Намибия	
Мозамбик	160
Эфиопия	173
Заключение	175
Литература	
Список сокращений	

OT ABTOPA

Эта книга для тех, кто интересуется нашей историей, славной и зачастую героической страницей которой было наше сотрудничество с Африкой в далёкие времена существования Советского Союза. Долгое время информация о нашем военном присутствии на континенте, участии в локальных войнах, подготовке кадров для национально-освободительных движений и армий молодых африканских государств оставалась за семью печатями.

Геополитическое противостояние с нашим главным противником — США — не обходилось без Африки. В 70–80-е годы прошлого столетия десятки тысяч наших военных и гражданских специалистов пребывали в странах континента далеко не с туристической миссией. К сожалению, некоторым из них так и не суждено было вернуться на родину живыми. Светлая им память!

В 90-е годы нам стало не до Африки. Менялся строй, менялись судьбы людей и отношения между странами. Африка нас стала быстро забывать. Но, как говорится, свято место пусто не бывает. Нас заменили другие. По меткому выражению кенийского посла в Москве на одной из встреч в конце 90-х: «Русские разбросали много зёрен по всей Африке, но забыли собрать урожай».

Современный курс Запада по возрождению «холодной войны» и выдавливанию нашей страны со всех крупных экономических рынков мира заставляет Россию искать новые пути для манёвра и вспоминать о своих забытых друзьях, которые нас ещё помнят и ждут. Если Россия вновь заявляет о себе как о сильной мировой державе, мы просто обязаны быть в Африке.

Нет никакого смысла сейчас воспроизводить опыт сотрудничества со странами континента времён Советского Союза. Африка стала другой, да и мы уже не те. В современных условиях нужно учиться у тех, кто давно работает на

континенте, и внимательно анализировать успехи и неудачи своих первых бизнес-шагов. Этому посвящена вторая часть книги, в которой автор ретроспективно описывает наиболее интересные события и эпизоды собственной жизни и работы в Африке с акцентом на новые реалии и новое качество. В этом смысле наблюдения за особенностями деловой культуры африканцев и стандартами их поведения в бизнесе продолжают и уточняют тему, подробно раскрытую в книге «Как вести бизнес в Африке» (ISBN 978-5-91615-151-0, издание 2021 года).

Очевидно, старый урожай мы уже не соберём, но посеять новые зёрна на континенте просто обязаны. Не имеем права мы забывать и прошлое. Это наша история. Слишком много было отдано Африке! Об этом книга.

ЧАСТЬ І.

Дела давно минувших дней (1971-1991)

Египет

Моё первое знакомство с Африкой случилось весной 1971 года, когда в качестве военного переводчика на борту военно-транспортного самолёта АН-12 с грузом боеприпасов для египетской армии я прибыл на базу военно-воздушных сил (BBC) Кайро-Уэст (Cairo West), на тот момент Объединённой Арабской Республики (Египет и Сирия). Получив оглушительный удар по голове массой раскалённого воздуха при открывании загерметизированной двери припаркованного самолёта и оглядев безбрежное море песка Аравийской пустыни, я осторожно, как американский астронавт на Луну, ступил на занесённый серой пылью плавящийся асфальт рулёжной дорожки. Ощущение было такое, что в моей юной жизни произошло нечто очень важное, сродни высадке на другой планете. Во-первых, я приземлился за границей, что для времён Советского Союза начала 70-х само по себе было событием для избранных, а во-вторых, в свои 19 лет я оказался в какой-никакой, но загадочной Африке, о которой имел весьма смутное и, как оказалось впоследствии, искажённое представление исключительно по «предупреждению» от детского писателя Корнея Чуковского: «Не ходите, дети, в Африку гулять».

Однако прошло очень много времени, прежде чем удалось увидеть всех тех африканских животных, о которых писал автор. Попадались, образно говоря, и «бармалеи» — так мы называли мошенников от африканского бизнеса, которых десятилетия спустя мы встречали на своём пути.

Это был мой первый полёт в качестве борт-переводчика, который открыл дорогу не только в мир авиации, но и на «чёрный континент» в целом. В то время росли наши международные связи с Ближним Востоком и Африкой, особенно в военной сфере. «Поставки советской военной техники и оружия в Египет начались ещё в 1955 году, когда от такого рода сотрудничества отказалась Великобритания — прежде главный египетский оружейный «донор». СССР отправил в североафриканскую республику колоссальное количество вооружения — от танков Т-34 и самолётов МиГ-15 до подводных лодок и боевых кораблей. Естественно, вместе с техникой стали прибывать и военные инструкторы, обучавшие египетских военных обращению с нею»¹.

Поставки вооружения и боевой техники в дружественные нам государства были поручены военно-транспортной авиации. Воздушные перевозки грузов осуществлялись по международным авиационным маршрутам, что подразумевало использование английского языка для коммуникации с землёй. Военные лётчики языком не владели, и после пересечения нашей границы в эфир с иностранными диспетчерами выходили борт-переводчики, то есть мы.

Будущие военные лингвисты, которым достался английский в качестве первого языка, постоянно летали, пропадая неделями на военных аэродромах и в воздухе. Пишу «достался», так как никакого личного участия в выборе языка не принимал. После вступительных экзаменов и прохождения мандатной комиссии успешных абитуриентов построили на плацу и объявили языковые подразделения. Так я оказался в группе изучения английского языка. Видимо, сказалась моя подготовка в английской спецшколе Ленинграда,

¹ Трофимов. А. По праву братства. Пять африканских стран, в которых служили советские военные. 14.02.2020. Режим доступа: https://histrf.ru/read/articles/po-pravu-bratstva-piat-afrikanskikh-stran-v-kotorykh-sluzhili-sovietskiie-voiennyie

которая на момент моего поступления в 1969 году была одной из лучших в стране и числилась под номером 1.

Поступив в институт, мы учились с большим напряжением, урывками, осваивали курс молодого бойца, одновременно неся службу в карауле и на кухне. Американский слоган «If you want to see the world — join the Army» (Если хочешь посмотреть мир — поступай на службу в армию) воплощался на практике, и уже на втором курсе Военного института иностранных языков (ВИИЯ), после обозначенного выше полёта в Египет, едва овладев азами иностранного языка, я посетил Венгрию и практически все страны Ближнего Востока, а также ряд регионов европейской части СССР. Это были времена, когда ещё в относительно мирном Багдаде обращали на себя внимание роскошные финиковые пальмы, а на центральном базаре было такое изобилие товаров, что разбегались глаза; когда простые уборщицы в Триполи ходили увещанные золотом с ног до головы; когда в Бейруте можно было приобрести одежду последнего модного сезона, доставленную из Парижа. Заканчивались счастливые месяцы затишья после войны 1967 года, пока регион вновь не погрузился в жестокие битвы, щедро спонсируемые американцами.

«Радиообмен в авиации» стала первой настольной книгой, которую пришлось выучить наизусть. От знания английских авиационных терминов зависели выполнение задания на полёт и его безопасность. Ответственность на переводчике была колоссальной. Всё общение с диспетчером каждого района полётной информации на маршруте полёта, как я уже писал, велось на английском. Временами из-за атмосферных помех связь с землёй ухудшалась, разборчивость падала до минимума, а психологическое напряжение борт-переводчика в связи с этим нарастало до предела. Реагировать на изменения воздушной обстановки нужно было мгновенно, докладывая командиру экипажа о командах, поступающих с земли.

Бывали нештатные ситуации: кому-то вдруг хотелось занять новую высоту, или, как говорят лётчики, «эшелон»; кто-то не мог связаться с «вышкой» — наземной станцией контроля воздушного пространства — и обращался с просьбой передать его сообщение; могла внезапно измениться погода, и по курсу вдруг оказывался грозовой фронт; кто-то уклонялся от маршрута или не понимал вызова диспетчера, и т.п. Эфир на протяжении всех 6-7 часов полёта приходилось слушать постоянно, выходя на связь с диспетчером только в заданных точках маршрута. Самым ответственным моментом в работе переводчика был заход на посадку: в то время как одни экипажи садились, другие с этой же полосы взлетали. В зоне аэродрома, как правило, находилось одновременно несколько бортов, и диспетчер разводил их для захода на посадку: одних — сходу, других — «по коробочке», заставляя наматывать круги со снижением. Были моменты, когда самолёт в воздухе экстренно требовал посадки, а тот, который приземлился перед ним, никак не освобождал полосу. Ошибиться в понимании команд с земли было никак нельзя. Летали с красными звёздами на борту под позывными Аэрофлота, поэтому вызов наземного диспетчера, обращённый к нашему борту, звучал, к примеру, так: «Aeroflot 11420 Over» (Аэрофлот 11420, приём).

В солнечном небе над бирюзовым Средиземным морем нас постоянно сопровождали американские «Фантомы» (McDonnell Douglas F-4 Phantom II) и «Скайхоки» (Douglas A-4 Skyhawk), которые поднимались с палубы авианосца Independence («Индепенденс») — флагмана 6-го американского флота, находящегося на боевом дежурстве, и парами подходили так близко, что на борту можно было не только разглядеть очертания лиц лётчиков в кислородной маске, но и прочитать их фамилии, звания и имена. Занимательным и необычным казалось то, что все американские самолёты были разрисованы цветными граффити — оскаленными пастями разных животных, птиц и даже драконов.

Расхожая пропагандистская фраза времён холодной войны «звериный оскал империализма» имела, таким образом, физическое воплощение. По канонам Советской Армии, имеющим строгую регламентацию, такие творческие вольности были недопустимы, поэтому и американское «искусство» восторга не вызывало, а если и производило устрашающее впечатление, то только не на наших пилотов. Тихоходные транспортники Ан-12 [ФОТО 1] с оружием и боеприпасами на борту уверенно вгрызались винтами своих моторов в голубое небо, и никто не смел свернуть их с пути. Авторитет и могущество СССР были непререкаемы. Американцы знали, что в случае любой провокации незамедлительно «получат по зубам». Когда нашим пилотам нужно было совершить манёвр, американским лётчикам жестами подавали сигналы, и те безоговорочно отводили свои «Фантомы» на почтенное расстояние, чтобы после завершения манёвра вновь «прилепиться» к нам.

Под Каиром, над районом Гиза, заходили на посадку так низко, что казалось вот-вот заденем вершины египетских пирамид². Познакомиться ближе с первым и единственным чудом света — пирамидой Хеопса, сохранившейся до наших дней, как и со всем комплексом пирамид, удалось практически сразу. Небольшой отель, куда заселяли прилетающие экипажи, располагался напротив, и, воспользовавшись свободным временем, мы сразу приступили к изучению окрестностей.

В то время район Гиза был малонаселённым и достаточно бедным пригородом Каира. Туристов практически не наблюдалось, кроме бродивших небольшими группами англичан. Пирамиды-исполины потрясли своей загадочностью, при этом ответы на вопросы относительно возможностей человеческих рук в XXVI веке до н.э. все ещё остаются

² Википедия. Пирамиды Гизы. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пирамиды Гизы.

на уровне научных предположений. Ведь только пирамида Хеопса была сложена из 2,5 миллионов каменных блоков, средним весом 2,5 тонны каждый, да ещё скреплённых между собой раствором. Ощущение участия какой-то неземной силы в строительстве пирамид сохранилось навсегда. Впоследствии я неоднократно бывал в Египте в качестве туриста, и это ощущение только усиливалось.

В те далёкие — начало 70-х — времена туристов, посещающих пирамиды, развлекали отчаянные арабские скалолазы, которые за деньги поднимались безо всякой страховки на вершину пирамиды по стене, расположенной под углом свыше 50 градусов к горизонту. В случае пирамиды Хеопса — это 138 метров в высоту. Зрелище не для слабонервных. Опаснее всего выглядел спуск: одно неверное движение, и человек разбивался насмерть. За последние 200 лет наблюдений зарегистрировано свыше 1600 случаев гибели в результате падения с пирамид. Египет формально запретил восхождение на пирамиды ещё в 1951 году, но фактически оно продолжалось вплоть до недавнего времени, получив распространение среди туристов-экстремалов. Каких только людей из каких только стран мира там ни побывало. Ради лайков в интернете блогеры отмечаются на вершине и сейчас, правда некоторые потом попадают в египетскую тюрьму или платят огромные штрафы (в эквиваленте нескольких тысяч долларов). А в 70-е годы прошлого века всё было по-другому. Мало кого интересовали жизни тех, кому не удавалось добраться до вершины. Египтяне зарабатывали на еду, специально участвуя в этом зрелище для туристов.

Вечерами мы выезжали в Каир, который светился неоновыми огнями бесконечной череды магазинов, ночных клубов и лавок. В сравнении со скудным ассортиментом советских магазинов там было на что посмотреть. Товары завозились со всего мира, а сам город был похож на яркий базар.

Интересным местом был старый Каир, где сохранились древнеримские строения и древнейшие коптские церкви. Христианская часть Старого города, или Коптский Каир, является сегодня одним из самых посещаемых туристами мест в Египте. Тогда, много лет назад, это был мрачный район, с домиками, похожими на склепы, который безопаснее всего было пересекать на транспорте без остановок. Гидов не существовало, как и не было паломничества туристов. На глаза попадались исключительно англичане в колониальных пробковых шлемах, шортах и лёгких рубашках цвета хаки. Достаточно скудную информацию можно было прочитать на английском языке в издаваемых справочниках и буклетах.

В Каире я впервые познакомился с Нилом. Честно говоря, с земли река большого впечатления не произвела: вода была грязной, а течение — довольно быстрым. Впоследствии я много раз оказывался на берегу Нила, в том числе и в его верховьях, но всё же величие одной из самых длинных рек мира (6700 км) почувствовал только в воздухе, наблюдая, как её русло пересекает Египет с юга на север. Да и вся жизнь в стране была сосредоточена вдоль узкой полоски зелёных берегов, покрытых густой растительностью и сельхозугодиями. Взгляд в сторону открывал уже безбрежное море жёлтого безжизненного песка пустыни, расчерченного в разных направлениях стрелами утрамбованных дорог и караванных троп. Тогда мы мало интересовались историей древнего Египта. Нас больше заботили моменты, связанные с выполнением поставленных задач и скорейшим возвращением домой. Нужно было продолжать учёбу.

Постоянно летая над Средиземным морем, мы пересекали его с севера на юг и обратно. Настоящим подарком стало приземление в расположенном на побережье египетском городке Мерса-Матрухе. Только сравнительно недавно я узнал, что там находилась советская военно-морская база, и наш прилёт был связам с доставкой материальных

средств и боеприпасов. Место славилось своими песчаными пляжами и арбузами, которыми нас охотно угощали арабы. А вот с купанием вышла накладка — у берега появились акулы, кто-то пронзительно закричал, и мы выскочили из бирюзовой воды, как ошпаренные. Морские хищники действительно появились, но они были не такими большими, как я себе представлял. К слову сказать, акулы Средиземного моря насчитывают порядка 47 видов, 16 из них достигают около 3 метров в длину, а 15 видов считаются опасными для человека. Тогда мы этого не знали, но желание купаться пропало совсем. К вечеру улетели в Союз, чтобы через какое-то время вновь появиться на Ближнем Востоке с новой партией военного снаряжения, оружия и боеприпасов.

В 1971 году высшим политическим руководством СССР было принято решение направить Каиру эскадрилью самолётов (десять машин) Ту-16КСР-2 из состава 9-го гвардейского морского авиационного полка. Командиром авиагруппы был назначен полковник В.И. Колчин. Командование ВМФ СССР приступило к выполнению этого решения, отдав соответствующие распоряжения. Самолёты Ty-16³ уже поставлялись Египту в 1962 году, но практически все, а это 23 единицы, были уничтожены на земле израильской армией в ходе июньской войны 1967 года. Это были самолёты модификации ТУ-16КС. Тогда же были уничтожены или серьёзно повреждены на аэродромах ещё 27 фронтовых бомбардировщиков Египта Ил-28. Примечательно, что ещё в 1969 году президент Гамаль Абдель Насер назначил начальником штаба египетских ВВС будущего президента страны Мухаммеда Хосни Мубарака, который руководил несколькими успешными боевыми операциями ВВС в 1970-1972 годах и впоследствии был назначен командующим ВВС и заместителем министра обороны Египта. Он и возглавил действия египетских ВВС в войне Судного дня 1973 года.

³ Википедия. Ту-16. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ty-16

Отношения с Израилем, оккупировавшим арабские земли, оставались крайне напряжёнными. Дело шло к очередной войне. Наращивание вооружений происходило непрерывно с обеих сторон. История умалчивает о том, на каких условиях Советский Союз предоставлял очередные «тушки» Египту. Поговаривали, что эскадрилья «Барсуков» (Beaver), как называли их в НАТО, была нашим подарком египетскому народу. В состав экипажа каждого бомбардировщика был включён военный переводчик, который заменил командира огневой установки (КОУ). Его место находилось в самом хвосте самолёта, а «управлял» он двумя спаренными пушками калибра 23 мм в кормовой турельной установке, прикрывающей заднюю полусферу. Управлять в действительности совсем не пришлось. Пушки были зафиксированы в крайнем верхнем положении. Мы так и летали с задранными стволами. По рассказам бывалых, это случилось после того, как один наш товарищ решил «поиграть» пушками в ответ на приближение «Фантомов». Американцы этого простить не могли. Заняв положение перед нашим самолётом, они включили форсаж и ушли на сверхзвуке, искусственно создав зону высокой турбулентности. Только мастерство наших пилотов не позволило машине свалиться в штопор [ФОТО 2].

В конце лета 1971 года лучшие «англичане», отобранные из трёх языковых групп нашего курса, прибыли в местечко Веретье, или Остров-2, что в Псковской области, и поступили в распоряжение командира авиационного полка морской авиации Ту-16. В ходе подготовки к перебазированию в Египет, которая длилась до самой осени, мы совершали регулярные тренировочные полёты в составе своего экипажа, изучали матчасть, наблюдали, как матросы рисовали камуфляжную окраску и наносили на крылья и фюзеляж опознавательные знаки и надписи египетских ВВС. Кстати, арабского никто не знал, малевали по картинкам, и восточная вязь на русский манер была исполнена настолько

плохо, что по прилёту в Египет арабам пришлось её смыть и рисовать заново.

Время тянулось медленно, решение о перелёте затягивалось. По выходным все пропадали на танцплощадке, расположенной на острове одноимённого старинного русского города посреди реки Великой в 7 км от аэродрома. Было весело. С окрестных деревень в город стекались толпы молодёжи. Совсем ещё юные столичные курсанты в армейских пилотках и лётных куртках, заботливо выданных нам на складе авиабазы, пользовались явным успехом у местных барышень. Возвращаться на базу приходилось пешком, иногда и за полночь. Больше двух месяцев мы провели в Веретье, когда в конце октября — начале ноября 1971 года самолёты Ту-16 были перебазированы в г. Асуан, а точнее, на аэродром в нескольких километрах от него, где экипажи приступили к изучению района полётов в новых, непривычных для северян условиях. [ФОТО 3].

До прибытия в Псковскую область морские лётчики служили под Мурманском. Самолёты перегоняли парами через Венгрию и Югославию; технический состав эскадрильи был перебазирован самолётами Ан-12. Формальной задачей эскадрильи было обучение египетских лётчиков управлению Ту-16КСР-2. Это был новый ракетоносный вариант известной «тушки» с дальностью пуска новых крылатых ракет до 200 км [ФОТО 4]. Американцы по-прежнему уделяли нам много внимания: в ходе перелёта над Средиземным морем каждый наш ракетоносец подвергался фотографированию с «Фантомов», а журнал «Ньюзуик», который еженедельно появлялся в местном газетном киоске, регулярно публиковал качественные снимки наших самолётов с арабскими опознавательными знаками. Сомнений в том, что пилотировали их русские лётчики, не оставалось.

Посёлок бывших советских строителей Асуанской гидроэлектростанции (ГЭС) стал местом нашего постоянного проживания почти на 9 месяцев. Обустройство прошло успешно. Наши строители Асуанской ГЭС оставили после себя прекрасный компактный посёлок из каменных двухэтажных домов со всей инфраструктурой: столовой, клубом и кинотеатром, теннисным кортом и бассейном.

Переводчиков расположили в отдельной квартире, по 2–3 человека в комнате. После казармы военного института, где мы проживали по 6–8 человек в помещении с двухъярусными кроватями, это казалось раем. Питание и быт были обустроены блестяще. Арабские повара старались вовсю: такого разнообразия блюд и продуктов мы не видели в своей жизни. На авиабазе в Псковской области мы тоже питались в лётной столовой и успели почувствовать, что лётчики — это привилегированная каста: ресторанное меню с огромным выбором блюд, шоколад, молоко, фрукты и соки в обязательном порядке, к тому же обслуживали экипажи молоденькие официантки. С началом интенсивных полётов на реактивной технике стало понятно, что без добротного трёхразового питания физически долго не протянешь. Расход энергии был огромный. Вот почему на столе уже египетской столовой было такое изобилие еды. Арабы не скупились на фрукты, в основном знаменитые египетские апельсины, мандарины и арбузы. Большим сюрпризом стала положенная по норме довольствия выдача шоколада (30 плиток) и местных сигарет «Клеопатра», высшего на тот момент в Египте качества (3 блока в месяц). Те, кто не курил, быстро наладил сбыт сигарет местным гражданам в обмен на египетские фунты и пиастры. Вскоре в дело пошёл и шоколад, что давало весомую прибавку к денежному довольствию, которое начислялось где-то в неведомом нам казначействе Каира и выдавалось по заказу наличными раз в месяц. Остальные деньги конвертировались в чеки Внешпосылторга и хранились на наших счетах. Наличные требовались на всякие мелочи, которыми были полны лавки нашего посёлка. Обмен сигарет и шоколада на живые деньги, мягко говоря, не поощрялся. Переводчики, как

люди, общавшиеся напрямую с местными гражданами, находились под тщательным присмотром «особистов». Пришлось учиться конспирации. Заходили в лавку по очереди: одни стояли «на стрёме», пока другие обменивали товар на деньги, потом — наоборот. Египтяне всегда были хорошими торговцами: в накладе не оставались, да и нас не обижали.

Бытовой арабский язык мы освоили очень быстро и к концу командировки разговаривали на нём практически свободно.

С перелётом на базу под Асуаном всей эскадрильи начались военные будни. Задача наших экипажей, как я писал, заключалась в том, чтобы обучить молодых арабских лётчиков пилотированию и боевому применению поставленных самолётов. Учились и мы сами, овладевая навыками военного перевода и осваивая сложную авиационную терминологию. Обучение египетских лётчиков шло на английском. После второго курса института, когда мы едва познали лишь азы языка, это занятие было весьма напряжённым. Ежедневные лекции по 6-8 часов в учебных аудиториях аэродрома заставляли переводчиков трудиться наизнос. Интереснее стало, когда начались практические полёты. Основной задачей была тренировка, прежде всего лётчиков и операторов. Самолёты были способны нести крылатые ракеты, и умение их правильно применять ставилось приоритетом. При совместных полётах с арабским лётчиком он перемещался на место командира, а командир экипажа переходил в кресло правого пилота. Переводчика размещали между креслами, и сидением ему служил парашют. Так и взлетали. В ходе полёта приходилось приподниматься между креслами, обращаясь то к командиру, то к египетскому пилоту. Шлемофон переводчика был подключён к самолётному переговорному устройству, и разговор осуществлялся посредством ларингофонов. Каждый член экипажа мог слышать все переговоры. Очень часто непосредственно перед самим полётом последний инструктаж

арабских лётчиков проводился на земле при включённых двигателях. Приходилось в буквальном смысле кричать: голос в результате садился, а хрип сохранялся продолжительное время. Так проходил день за днём. Лётчики стали понимать друг друга, изъясняясь мимикой и жестами практически без переводчика.

Когда арабские офицеры заканчивали трёхнедельный курс обучения, их отправляли на неделю в Каир, где они отрывались по полной. Это были ночные клубы и бордели. По возращении в Асуан на них было жалко смотреть — исхудавшие и измождённые. Но ничего сделать было нельзя — горячая природа молодых арабских парней брала своё, и командование египетской армии вынуждено было считаться с этим.

Советские лётчики не переставали трудиться даже во время «каникул». Мы летали самостоятельно. Прежде чем переводчик занимал своё привычное место в хвосте бомбардировщика, спиной к пилотам, он должен был приложить усилия, чтобы попасть в кабину КОУ, которая находилась достаточно высоко от земли. С удивлением прочитал в описании Ту-16 о существовании специальной лестницы. В нашем случае никакой лестницы не было, и каждый раз для того чтобы забраться в кабину, нужно было подпрыгнуть с бетонки и, зацепившись за край открытого люка, сделать выход силой на руках. Иногда не было ни желания, ни сил выполнять такое тяжёлое упражнение. Приходилось просить техников подсобить. Но это происходило лишь в крайнем случае. Считалось большим шиком проникать в кабину самому, без лестницы и посторонней помощи, и мы не хотели отставать от профессионалов, вспоминая добрым словом методы физического воспитания нашего начальника курса, который отпускал в увольнение через подтягивание на турнике. Через некоторое время стали чувствовать себя бывалыми лётчиками, полноправными членами экипажей.

Ощущение при взлёте было не из приятных. Казалось, что при отрыве от полосы хвост вместе с кабиной вот-вот коснётся её и расплющит КОУ. После посадки хвостовую часть самолёта начинало бешено швырять в двух плоскостях. В этот момент главное было не удариться головой о приборы узкой кабины. Отрабатывались и специальные задания: полёты на предельно малых высотах, бомбометание, симуляция пусков крылатых ракет. Думаю, не случайно для подготовки арабов были выбраны асы морской авиации, которые привыкли летать над морем, ориентируясь в основном по приборам. В пустыне ориентиров практически не было, как, прочем, над Средиземным, а впоследствии и над Красным морем. В условиях безбрежных песков полёты на малых высотах (50 метров и ниже) поднимали огромные клубы жёлто-серой пыли, и рассмотреть что-либо на земле со стороны задней полусферы не представлялось возможным. Под воздействием палящих лучей солнца кабины КОУ и радиста нагревались до такой температуры, что прикасаться к металлическим приборам и частям становилось опасным — можно было обжечься, выданные специально для полётов в Египте хлопчатобумажные комбинезоны были насквозь мокрыми, а экипаж после приземления ощущал себя побывавшим в парилке.

Бомбометание, особенно если в составе экипажа находился арабский лётчик, напоминало аттракцион «американские горки». Арабский пилот так старался вывести самолёт на цель, пилотируя вручную и постоянно дёргая штурвал, что часто делал эту самую «горку», вследствие чего хвост подпрыгивал, а затем резко проваливался, и наоборот. Создавалось полное ощущение секундной невесомости — и так много раз за полёт. Оставалось только молиться, чтобы скорее всё заканчивалось. Спасал кислород, которым мы дышали из маски даже на малой высоте, иначе потерять сознание в таких условиях ничего не стоило. После полётов отлёживались дома, восстанавливая силы.

Весной 1972 года обстановка на Ближнем Востоке накалилась ещё больше. Мы не знали, что уже планировалось наступление египетской армии, но в арабской и американской прессе читали о том, как наши разведчики МИГ-25, базировавшиеся в то время под Каиром на авиабазе Кайро-Уэст, совершали регулярные полёты над территорией Израиля на большой высоте, оставаясь недосягаемыми для систем противовоздушной обороны (ПВО) и израильской авиации. О том, как наши лётчики-разведчики выполняли уникальнейшие задачи, составившие, несомненно, одну из золотых страниц Воздушно-космических сил России, рассказали члены Совета ветеранов войны в Египте на страницах «Красной звезды»⁴. МиГ-25 (по классификации НАТО «Foxbat» — «Летучая лисица»). Мы же узнавали о полётах советских самолётов-разведчиков над территорией Израиля из местных газет и американских журналов.

Нашим экипажам Ту-16, кроме обучения арабских лётчиков, была также поставлена задача вести разведку израильских позиций на Синае⁵. Пересекая Красное море, подходили к израильским позициям так близко, что слышали в эфире, как на нас уже наводили истребители. Удавалось вовремя отвернуть на базу. Преследовать нас за Красным морем израильтяне не решались. Можно было наткнуться на наши системы ПВО, развёрнутые в пустыне для охраны Асуанской ГЭС. Об этом я узнал совершенно случайно, когда в медпункте посёлка встретился с нашим солдатом срочной службы, которого привезли с какой-то ужасной болезнью ног. Врачи-скандинавы из миссии ООН говорили по-английски и попросили помочь с переводом, пока я ожидал

 $^{^4}$ Андрей Почтарёв. Ближневосточный триумф «Летучих лисиц» // Красная звезда. 17.08.2002. Режим доступа: http://old.redstar.ru/2002/08/17_08/4_01.html

⁵ Как СССР помогал Египту в войне с Израилем. Режим доступа: https://russian7.ru/post/kak-sssr-pomogal-egiptu-v-voyne-s-izrai/

своей очереди к стоматологу. Оказалось, что рядом с нами, окопавшись на позициях прямо в песках, нёс службу целый зенитно-ракетный дивизион. Вызывают восхищение мужество и стойкость наших бойцов, которые выполняли свой воинский долг в нечеловеческих условиях пустыни, палящего солнца и отсутствия достаточного количество воды. Это было тяжёлое испытание, которое они с честью выдержали.

(Для справки: «В ходе первой арабо-израильской войны, начавшейся осенью 1967 года, руководство Египта столкнулось с серьёзной угрозой со стороны ВВС Израиля. К концу 1969 года в результате постоянных воздушных ударов ПВО Египта фактически перестала существовать и не могла обеспечить безопасность важных государственных и военных объектов. В декабре 1969 года президент Египта Гамаль Абдель Насер лично прибыл в Москву, где провёл переговоры с Л.И. Брежневым и А.Н. Косыгиным. Основной просьбой Насера была отправка советских воинских частей для организации противовоздушной обороны Египта. Руководство СССР решило удовлетворить просьбу. В том же месяце Генеральный штаб ВС СССР и Главный штаб войск ПВО разработали и представили руководству план операции «Кавказ». Согласно плану, предполагалось разместить на территории Египта группировку советских войск, численно соответствующую одному корпусу ПВО, которая должна была противостоять ВВС Израиля. План был утверждён, и началось формирование группировки войск. Организационно сформированная группировка состояла из следующих формирований: авиационная группа, формирование зенитно-ракетных войск, военно-морская группа и группа РЭБ. Зенитно-ракетные войска представляла 18-я особая зенитная ракетная дивизия (ОЗРД). В феврале 1970 года сформированная 18-я ОЗРД была погружена в порту г. Николаева Украинской ССР на 16 гражданских грузовых судов Министерства морского флота СССР. Первого марта караван с судами отправился в Египет. Официально военная техника, загруженная в трюмы, была оформлена как

сельскохозяйственное оборудование. Личный состав дивизии был одет в гражданскую одежду и оформлен как туристы и спортсмены. В период от 4 до 8 марта все корабли вошли на разгрузку в порт Александрии. В период с середины марта по начало апреля все дивизионы заступили на боевое дежурство. Пунктами дислокации соединения 18-й особой зенитно-ракетной дивизии были выбраны (ОЗРД):

- 86-я зенитно-ракетная бригада авиабаза Кайро-Вест (англ. Cairo West Air Base) на западной окраине Каира;
- 87-я зенитно-ракетная бригада авиабаза Иншас (англ. Inshas Air Base) в 40–50 км от Каира на северо-восток;
- 85-я зенитно-ракетная бригада Гиза прикрывала Каир с восточной стороны;
- 4-я зенитно-ракетная бригада н.п. Эль-Амрия, южнее Александрии, выполняла задачу по прикрытию военно-морской базы «Александрия» и близлежащих военных аэродромов;
- 8-й отдельный зенитно-ракетный дивизион н.п. Сахара, возле Асуанской плотины, —прикрывал Асуанскую плотину и аэродром вблизи него;
- 1058-й отдельный зенитно-ракетный дивизион г. Мерса-Матрух в 240 км западнее Александрии — прикрывал военно-морскую базу и аэродром базирования нашей авиации.

Общая численность личного состава 18-й ОЗРД была около 10 000 человек. Дивизия состояла из 24 ЗРДН и имела на вооружении 96 пусковых установок С-125, 96 ЗСУ-23-4 «Шилка» и 48 пусковых установок Стрела-2. К концу 1970 года 18-я ОЗРД была переименована в 28-ю ОЗРД. В результате действий советских зенитчиков ВВС Израиля понесли потери в количестве 9 сбитых и 3 повреждённых самолётов «Фантом» (F-4 Phantom II) и «Скайхок» (A-4 Skyhawk). К сожалению, не обошлось без гибели наших военнослужащих. За время пребывания в Египте 18-я ОЗРД безвозвратно потеряла 12 человек» 6.

⁶ Википедия. 18-я особая зенитная ракетная дивизия. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/18-я особая зенитная ракетная дивизия

Лётчикам эскадрильи Ту-16 было легче на земле, но сложнее в воздухе: если бы сбили, шансов выжить практически не было. Катапультирование всех членов экипажа, а всего их было 6 человек, производилось вниз, за исключением двух пилотов, которые выстреливались вверх. Поскольку всё время летали на предельно малых высотах, я быстро понял, что спасения не будет — парашют раскрыться не успеет.

Ситуации случались разные, порою экстремальные.

Как-то в полёте над Средиземным морем на предельно малой высоте автоматически сработала газовая система пожаротушения, и кабина заполнилась белым густым дымом. По самолётному переговорному устройству, обвиняя переводчика в нажатии каких-то рычагов, в панике закричал стрелок-радист. Его место тоже было в хвосте, за КОУ, прикрытое по бокам двумя прозрачными броненепробиваемыми блистерами. Командир быстро оценил обстановку и разгерметизировал кабину. Задымление ушло.

Отрабатывая полёты над Красным морем, мы периодически садились на аэродромы вблизи тогда ещё никому не известных Хургады и Шарм-эль-Шейха — рыбацких деревушек всего в несколько маленьких домиков. На аэродроме одной из них случилась аварийная посадка, когда арабский лётчик «приложил» самолёт о полосу так, что колёса левой тележки лопнули, и мы продолжали движение по полосе в фейерверке огня, образованного от трения колёсной стойки о бетонку. Самолёт трясло. Лётчики с трудом удерживали его на взлётно-посадочной полосе (ВПП). Покидая накренившуюся машину, мы прыгали в пенное облако углекислоты, щедро сотворённое прибывшими по тревоге пожарными машинами. В небе темнело. Солнце уходило за горизонт, и ночь падала практически мгновенно. Самым интригующим было то, что на посадку практически с пустыми баками заходил ещё один самолёт. Нужно было срочно принимать решение. Передняя стойка шасси в последний момент съехала с полосы, зарылась глубоко в песок, а сам самолёт развернуло на 90 градусов. Наша машина встала поперёк полосы как вскопанная. Сдвинуть её с места не представлялось возможным даже двумя тягачами, которые по тревоге прибыли на место. Пришлось отложить мероприятие до утра. Но все вздохнули свободно, когда узнали, что отправленный на запасной аэродром ведомый борт всё же успешно приземлился практически с пустыми баками. Была уже чёрная арабская ночь с яркими звёздами на небе, когда мы отправились спать в один из домиков на аэродроме Хургады. Отмечали удачное приземление уже после возвращения на базу, ведь если бы не мастерство нашего командира, дело могло закончиться катастрофой. Наутро техники доставили транспортным бортом запчасти. Самолёт вытащили из песка краном, стойку заменили, и мы возвратились в Асуан.

Ближе к июню 1972 года стали тренировать арабских лётчиков запуску крылатых ракет. Цели были вполне реальные. Мы подходили к Израилю со стороны Синая, наводили ракеты и осуществляли фото-пуск. Главное было вовремя «унести ноги», а точнее, крылья. Израильтяне реагировали мгновенно, поднимая истребители на перехват. Эфир сразу заполнялся характерным интенсивным радиообменом на иврите с использованием хорошо знакомых английских фраз. Наши лётчики были настоящими мастерами: иногда они закладывали такие виражи, что складывалось ощущение полёта на истребителе. Говорили, что так уходили от пущенной «Фантомами» ракеты. Переводчику в кабине КОУ приходилось хуже всех: перегрузки возрастали многократно, и его швыряло в стороны, как в десятибалльный шторм на корабле.

Все наши старания, как оказалось, были ненапрасными. В октябре 1973 года, когда началась вторая арабо-израильская война, подготовленные нами экипажи блестяще справились со своими задачами, нанеся чувствительные удары

крылатыми ракетами по стратегическим объектам Израиля, при этом со стороны нашей эскадрильи потерь не было.

Профессия лётчика уникальна. По личному опыту (170 часов налёта только на бомбардировщике Ту-16) могу сказать, что это призвание. В основе его — романтика неба и бесконечная любовь к своей работе, которую лётчики считали самой обыкновенной.

Командиром моего корабля был уже немолодой лётчик, но всё ещё в звании капитана. Второй пилот — старший лейтенант. Полковник Колчин — строгий, но справедливый командир, которого уважали все за мастерство и высочайший профессионализм. Эти люди составляли костяк советской морской авиации: порядочные и честные, профессионалы без гонора и амбиций, летали, как боги, и были готовы выполнить любой приказ командования. В авиации всё было проще. Люди были на виду и познавались в реальных делах командной работы. Авторитет приходил к тем, кто качественно делал свою работу вне зависимости от звания.

В эскадрилье поддерживалась строгая воинская дисциплина. Экипажи тосковали по своим близким и ждали вестей из дома, однако письма приходили редко. Случались застолья по праздникам или по особым случаям, при этом в каждом экипаже были свои особые случаи. Водку пили, как летали, — самозабвенно! Справедливости ради надо отметить, что никакого пьянства не допускалось. Водку иногда привозили прилетавшие из Союза товарищи, но вскоре ей нашли замену — чистейший египетский спирт, который обнаружился в аптеках г. Асуана, куда нас периодически вывозили на экскурсии. Спирт оказался качественным, а разбавленный кока-колой или соком, он вообще представлял собой эликсир бесстрашия. Бывали случаи, когда после очередных посиделок по какому-нибудь поводу наутро нам предстояли полёты. Главное было приступить к ним как можно раньше, пока не успевший накалиться воздух ещё создавал подъёмную силу. Известно, что увеличение

температуры приводит к расширению газа и одновременно к уменьшению плотности воздуха. Из-за высокой температуры плотность воздуха для Ту-16 становилась слишком низкой, чтобы оторвать 70-тонный самолёт от земли. ВПП перед полётами часто поливали водой. Вспоминается случай, когда ближе к полудню мы взлетали с нашей базы в Асуане. Как обычно, КОУ, т.е. я, «прочитав карту» (процедура перечисления действий экипажа перед взлётом), приготовился к разбегу. Начинаем. Штурман отсчитывает увеличение скорости каждые двадцать километров в час. На скорости 200 км/ч приступает к созданию угла 4 градуса, который определяется по прекращению вибрации передней стойки. Вот в таком полуподнятом положении и продолжается разбег. На рассчитанной скорости отрыва, а это уже в пределах 240 км/ч, штурман произносит: «Внимание!» Но... отрыва не происходит. Несёмся дальше, благо ВПП позволяет. Скорость растёт. Мы ещё на земле. Вижу «зебру», означающую конец полосы. Дальше пустыня, песок... Это конец! Отрываемся уже над песком. Чудо! Сзади огромные клубы песчаной бури, поднятой реактивными струями двигателей. Абсолютно ничего не видно, но чувствую, что летим. Неестественно надрывно воют двигатели. Идём резко с набором высоты, по ощущениям — будто висишь в воздухе на лямках парашюта. Внезапно появляется голубое небо. Всё хорошо... Жизнь продолжается! Бог есть! Это наши асы — не растерялись, не струсили, подняв в небо далеко непростой самолёт в таких условиях, да ещё после крепкой попойки накануне. Нет, мы непобедимы, если можем так летать!

Ещё мы все любили египетское пиво «Стелла». В Союзе такого не было. Капитан Душкин, штурман нашего экипажа, любил его особенно, а потому брал с собой в полёт в штурманском портфеле, в который была встроена по размеру фляга из нержавейки. Туда он и заливал бутылочный напиток перед стартом, а во время полёта непрерывно его

потягивал. Традиция маскировать фляги в штурманских портфелях пошла от технических особенностей эксплуатации некоторых наших моделей боевых самолётов, Ту-22 например, который заправлялся 450 литрами чистого виноградного спирта для различных гидравлических и антиобледенительных систем, который личный состав зачастую использовал не по прямому назначению, разбавляя водой и получая брендовый флотский напиток под названием «шило». Особенно этим баловались те, кто служил на севере. Вот тогда и появилась эта хитрость с флягами и портфелями.

Выходной, а это было только воскресенье (суббота — парко-хозяйственный день), проводили у открытого бассейна, на теннисном корте или в клубе, где периодически показывали привезённые из Союза фильмы. Представление арабов о русских выражалось словами: «Они много пьют, много работают, и все фильмы у них про войну». Арабские же фильмы, которые местные граждане встречали с большим восторгом, нам были непонятны совсем. Как правило, это были сентиментальные любовные истории с изобилием арабской музыки и танцев. Периодически арабы завозили и голливудские киноленты, которые мы, переводчики, смотрели с большим удовольствием. Многие из них, сделанные очень качественно, становились мировой классикой. Запомнились «Солдат в синем мундире» (Soldier Blue), «Тора! Topa! Topa!» (Tora! Tora! Tora!), «Уловка 22» (Catch 22), «Человек по имени Лошадь» (A man called Horse).

Раз в месяц мы коллективно выезжали на экскурсию в г. Асуан и его окрестности. Здесь я впервые увидел верховье Нила с многочисленными островками, отелями, расположенными на них, и сосредоточением деревянных египетских лодочек, в которых перевозили туристов. Нам удалось даже поплавать по весьма узкой порожистой реке на экскурсионном пароходике и увидеть знаменитых нильских крокодилов. Их чучела и изделия из крокодиловой

кожи продавались на каждом углу. По городу, растянувшемуся вдоль набережной Нила на километры, можно было передвигаться только группами, по 2-3 человека минимум. Наших лётчиков можно было опознать издалека: на них были форменные чёрные брюки и парадная белая рубашка. Поскольку было жарко, рукава рубашек разрешалось закатывать, тоже однообразно. На фоне британских туристов, прогуливающихся по набережной в шортах и пробковых шлемах, мы смотрелись как агенты из одного американского фильма, посланные на задание в одинаковой униформе, о которых в шутку говорилось, что они вообще-то должны были оставаться незаметными. Переводчики выглядели иначе: нам не полагалась форма военно-морской авиации. Перед отлётом в командировку со склада в Москве мы весьма респектабельно были одеты в финские и австрийские костюмы. По меркам Советского Союза, это был большой дефицит. Нам выдали даже галстуки и шляпы, носить которые, впрочем, в условиях жары не представлялось возможным. Полетав уже прилично по Ближнему Востоку и заработав несколько сотен чеков Внешпосылторга, мы успели отовариться в специальных валютных магазинах «Берёзка» и выглядели по последней моде: американские джинсы, модные рубашки, замшевые ботинки. В магазинах Асуана к тому же продавалась итальянская и английская одежда, чем мы незамедлительно воспользовались. Надевали «гражданку» только при выездах в город. На службе в будние дни у всех была одинаковая форма серо-песочного цвета из плотного хлопчатого материала, без знаков различия, с рубашкой навыпуск, без ремня [ФОТО 5].

Позднее, когда закончилась командировка, и мы бодро шагали разодетые в «гражданку» по территории альма-матер, дежурный по институту, жутко перепуганный внезапным появлением на военном объекте людей, похожих на иностранцев, остановил нас у главного корпуса в то время, когда оттуда выходил начальник

института — генерал-полковник А.М. Андреев, которого все виияковцы называли за глаза «дедом» и любили за его героическое прошлое, человечность и заботу. После того как мы представились, нам был устроен публичный разнос за несоблюдение формы одежды с угрозой строгого дисциплинарного наказания. Никакие возражения относительно того, что мы только что прилетели с войны, не принимались.

Тогда, в Асуане, нам было по 20 лет, нас не связывали семьи. Денег мы не копили, а тратили в своё удовольствие. В первую же зарплату все обзавелись модными часами «Ориент», некоторые купили даже «Ролекс», благо оклады у нас, по советским меркам, были весьма достойными. Это была лишь маленькая толика того, что в реальности платил Египет Советскому правительству за подготовку своих лётчиков. Вечерами слушали хит-парады из Бейрута, который на тот момент именовался «ближневосточным Парижем», записывая популярные мелодии с помощью новеньких японских кассетных магнитол, только что появившихся на мировом рынке. Вся эта капиталистическая роскошь становилась предметом зависти наших старших товарищей, копивших на автомашины «Жигули» и даже «Волги», но переводчиков уважали, так и не понимая, как к нам относиться — то ли как к офицерам, то ли как к гражданским. Мы были ни теми, ни другими, к тому же ещё и прикомандированными, поэтому чувствовали себя достаточно свободно.

При появлении нашего автобуса на улицах Асуана его облепливали десятки попрошаек и торговцев, которые зазывали в свои лавки, хватая людей за руки. Их поведение было настолько раздражающим, что приходилось иногда звать полицейских, чтобы оградить себя от нападок толпы. Египтяне торговались до последнего, не отпуская покупателя. Нам тоже приходилось осваивать это искусство. Уже в автобусе, сравнивая стоимость купленных одинаковых вещей, обнаруживали разницу в цене в 2–3 раза. Те, кто научился

торговаться, покупали всё значительно дешевле. Искусство заключалось в том, чтобы сразу предложить половину от озвученной египтянином цены, а затем понемногу сдавать назад. Когда торговец останавливался и стоял на своём, нужно было гневно произнести «Ана калям масбут!», что означало «Это моё последнее слово!», и направиться к выходу. Что тут начиналось! Торговец, чувствуя себя оскорблённым тем. что его товар не купили, хватал покупателей за руки и падал на колени, соглашаясь на последние условия. Навыками кросс-культурных коммуникаций владели переводчики, а поэтому мы были нарасхват во время вылазок на шоппинг в Асуане. Практически во всех египетских лавках и магазинах появлялись сутенёры, которые открыто предлагали проституток фразой «Мадам лязем?» («Женщина нужна?»). Узкие улочки Асуана, уходящие от набережной в глубину кварталов, напоминали Стамбул, изображённый в фильме «Бриллиантовая рука». На ум сразу приходила фраза из фильма: «Руссо туристо! Облико морале!» Все мы были комсомольцами, и приключений на свой юный возраст нам не хотелось.

Запомнилась автобусная экскурсия в Луксор⁷. Сегодня это одно из самых посещаемых туристических мест Египта. В те далёкие времена египтянам было не до туризма. Храмы были предоставлены сами себе. Мы буквально вдыхали историю, бродя по развалинам и вспоминая учебники, по которым ещё совсем недавно изучали этот предмет в школе.

⁷ Город на восточном берегу Нила на юге Египта, расположен на месте древних Фив — столицы египетских фараонов в XVI–XI вв. до нашей эры, когда они находились на пике могущества. В городе сохранились два огромных архитектурных памятника — величественный Луксорский храм и находящийся на полтора километра севернее Карнакский храм. На западном берегу реки расположены Долина Царей и Долина Цариц, которые получили всемирную известность благодаря гробницам фараонов. (Материал из Википедии).

Знаковым событием стало посещение Асуанской ГЭС. Мы часто пролетали совсем низко над плотиной и образовавшимся перед ней огромным морем Насера, но в машинный зал нам удалось попасть лишь однажды, по особому распоряжению местного руководства. Творение советских инженеров впечатлило не меньше египетских пирамид. Его называли восьмым чудом света. Сегодня каждый желающий может посетить гидроузел в качестве туриста в установленные часы. Тогда же, в начале 70-х, объект был абсолютно закрыт для экскурсий. Весь гидротехнический комплекс тщательно охранялся, в первую очередь, как я писал, нашими системами ПВО. Прорыв дамбы означал смерть для большинства населения Египта — людей, проживающих в основном по берегам Нила, просто смыло бы мощной волной в Средиземное море. Плотина общей длиной 3600 метров имела ширину 980 метров по основанию и 40 метров по гребню. Высота плотины впечатляла — 111 метров. При строительстве сооружения течение Нила отводилось в новый водовод длиной 1950 метров, состоящий из двух открытых каналов, соединённых между собой шестью туннелями. Каждый туннель, раздваиваясь, подводил воду к зданию ГЭС, где размещалось 12 турбин мощностью по 175 тысяч киловатт. Табличка с надписью «Электросила» на каждой турбине возвращала на малую родину, в славный город Ленинград, где в то время на Московском проспекте, недалеко от знаменитого завода, проживали мои родители. Искусственное водохранилище, созданное плотиной, является одним из крупнейших в мире — 500 на 10 км. Каждый раз, взлетая с авиабазы под Асуаном, мы проходили над этим морем на малой высоте. Зрелище неописуемое, особенно на закате солнца, когда огромный огненный шар медленно сползает в зеркало зеленоватой воды озера, разливаясь багряной полосой по всему горизонту. И всё это на фоне жёлтого песка арабской пустыни.

Однажды, когда во время полёта над Средиземным морем я находился в передней кабине между лётчиками, командир предложил мне «порулить» бомбардировщиком. Я с энтузиазмом сел за штурвал. Функции приборов я уже достаточно хорошо изучил, ибо неоднократно переводил арабам инструкцию по их работе. Взяв штурвал в руки, стал старательно ровнять горизонт. Но, как оказалось, тангаж⁸ выдержать не смог, и самолёт пошёл вниз. Для выправления положения потянул штурвал на себя — машина стала задирать нос. Повторив это несколько раз, в самолётном переговорном устройстве вдруг услышал матерный голос испуганного стрелка-радиста, адресованный командиру. Его, бедного, швыряло в хвосте вверх и вниз! Кабина стрелка-радиста Ту-16, как я писал, также располагалась в хвостовой части самолёта, за кабиной КОУ. Пришлось снова занять своё привычное место на парашюте между креслами. Но непередаваемое ощущение управления огромной реактивной машиной сохранилось на долгие годы.

Часто летали ночью. «Стратеги» с грохотом турбин и ярким пламенем, вырывающимся из двигателей, уходили, как факелы, один за другим в тёмную бездну, усеянную яркими звёздами. Впечатление незабываемое. Звёзды на небе были такими близкими и огромными, что, казалось, протяни руку, и их можно будет потрогать. Ночью наступала долгожданная прохлада, и в пустыне дышалось невероятно легко. Вот почему после полётов нам часто хотелось пройтись с аэродрома до посёлка пешком. Это несколько километров. Водители-арабы уже тогда лихачили, и мы часто на поворотах «улетали» с дороги в пустыню, находясь в кузове ГАЗ-66. Водитель давал задний ход, чтобы продолжить движение. Когда сейчас читаешь об авариях туристических автобусов в Египте, понимаешь — ничего не изменилось. Видно,

⁸ Угловое движение летательного аппарата или судна относительно главной (горизонтальной) поперечной оси инерции. (Википедия).

лихачество и безалаберность у египтян в крови. Тогда мы часто ходили на аэродром пешком, чаще из соображений безопасности. Был случай, когда машина с арабскими солдатами в кузове перевернулась, и люди получили увечья. За каждым арабским офицером-лётчиком был закреплён личный водитель на легковой машине, который встречал его после полёта. У нас же персональная машина была только у командира авиагруппы.

Шагая по ночному асфальту при ярком свете луны, иногда можно было наблюдать уникальное зрелище, которое не описано ни в одном туристическом справочнике. Это миграция скорпионов. Десятки тысяч особей, подсвечиваемые яркой луной на ночном небе, медленно переползали чёрное асфальтовое шоссе, перемещаясь с одной части пустыни в другую. Скорпионы — это паукообразные существа более 1750 видов, из которых ядовитых только 50. Самые крупные достигают в длину 20 см. Скорпионы имеют голубую кровь, до 8 глаз и светятся в темноте под воздействием ультрафиолетового света. Они могут «воскреснуть» после того, как их заморозили на ночь, и могут замедлять метаболизм настолько, что способны питаться одним насекомым весь год. Интересные существа, но встреч в природе с ними лучше избегать. В Египте скорпионы варьируют по цвету от почти белого до жёлтого и светло-коричневого. Различаются они и по размерам. Большая часть скорпионов имеет длину тела (не считая хвоста) от 8 до 10 сантиметров. Яд скорпионов нейротоксичен, их укус болезнен, провоцирует удушье и приводит к печальным последствиям, если не оказать своевременную помощь. В Египте обитают толстохвостые скорпионы — одни из самых смертоносных в мире. Их яд может убить человека менее чем за час. При движении по шоссе скорпионы не представляли для нас опасности. Армейские ботинки с высоким берцем из толстой кожи надёжно защищали от укуса, чего нельзя было сказать о других ситуациях. Каждую ножку кроватей, на которых мы

спали, ставили в отдельную жестяную банку, наполненную водой. Считалось, что такую преграду на пути в наши кровати эти твари преодолеть не смогут. Случаи, когда скорпионы заползали в квартиру, были нередки, поэтому перед сном мы производили тщательный осмотр помещения. Самое страшное случалось во время заступления в караул. Все наши самолёты охранялись на базе совместно с египтянами. Переводчик назначался помощником начальника караула и взаимодействовал с арабским офицером подразделения охраны, которое непосредственно выставляло посты часовых в пустыне рядом с каждой машиной. Походив некоторое время вокруг самолёта на посту, арабы искали место для того, чтобы немного прикорнуть. Мы тоже пользовались моментом и по очереди с начальником караула, нашим офицером, дремали, но в палатке и на армейской кровати с панцирной сеткой. Душераздирающие крики в ночи заставляли вскакивать и нестись к египетскому бойцу, которого только что ужалил скорпион. Боль была нестерпимая. Солдат корчился, дико крича, держась то за руку, то за ногу, то за бок. Человеку нужно было срочно оказывать медицинскую помощь. На дежурной машине часового экстренно вывозили в медсанчасть, а через какое-то время, сделав уколы антидота, снова выставляли на пост. Местные граждане, похоже, были привычные к такому явлению, и не делали из этого большого события. Что характерно, укусы скорпионов в египетской армии случались регулярно. Я всегда вспоминал наших бойцов ПВО на позициях в открытой пустыне, как же им приходилось нелегко. «Ежедневно 20-30 солдат подвергались укусам скорпионов, которыми кишела местность. В блиндажах спасались от них тем, что привязывали банки с керосином к ножкам кровати. В мальге (блиндаж по-арабски) и так было душно, а тут ещё испарения керосина. Простыни из-за жары обязательно смачивали перед сном, месяцами спали в сырой постели» (Из воспоминаний участников). Это трудно сейчас

представить, ведь нашим бойцам-срочникам было всего по 18–19 лет.

Читая сегодняшнюю прессу, я наткнулся на заметку о египетских скорпионах, в которой говорилось о том, что из-за проливных дождей в горах и пустынях в ноябре 2021 года опасные животные покинули свои убежища, так как потоки воды затопили все расщелины, где они обычно скрываются днём. Людей призвали оставаться дома и избегать мест с большим скоплением деревьев, отмечая случали гибели людей от укусов и необычно высокое число пострадавших — около 450 человек.

Думаю, что сейчас каждый, кто путешествовал по Африке или Юго-Восточной Азии, уже сталкивался с милыми существами — ящерицами гекконами, живущими рядом с людьми в их помещениях. Гекконы поедают комаров и мушек и являются помощниками человека. Вечерами они выползают из укрытия в ожидании добычи. Гекконы резво бегают по стенам и потолку, а иногда шлёпаются на пол или кому-то на голову. Столкнувшись с ними впервые в Египте, нам первое время было не по себе, мы не могли нормально спать. Ящерицы постоянно висели над кроватью, и казалось, что они вот-вот упадут на подушку. Но как показывает практика, ко всему быстро привыкаешь. Вскоре перестали замечать их совсем.

Настоящим бедствием в пустыне становился хамсин. Это сухой, изнуряюще жаркий местный ветер южных направлений. Температура воздуха нередко превышает 40°С при штормовой силе ветра. Этот ветер обычно наблюдается после весеннего равноденствия в течение периода, продолжающегося в среднем не более 50 дней. Отсюда — «хамсин». По-арабски — пятьдесят. Песчаная буря застилает горизонт и закрывает солнце. Становится темно. Песок и пыль забивают глаза и уши. Балконы квартир заваливает песком, как снегом. Стёкла становятся грязными от пыли. Находиться без головного убора нельзя. Лучшим спасением является

традиционная арабская косынка (куфия), когда, закутав голову, оставляешь одни глаза. При появлении на улице без неё кожа лица как будто обрабатывается наждаком и становится красной. Лазерный пилинг отдыхает! Все полёты отменяются, но не прекращаются дежурства на аэродроме. Палатку начальника караула в пустыне заполняет песок, который въедается в глаза, в волосы, в тело. Начинается чесотка, хочется быстрее в душ. А ведь дежурство только началось. Впереди ещё сутки. В этих условиях тоже происходят укусы скорпионов. Передвигаться навстречу египетскому бойцу, чей нечеловечески пронзительный крик разносится по пустыне, приходится с фонарём. Наши родные снежные бури, коих в детстве случалось немало в деревне у бабушки, кажутся райским наслаждением. Не прекращается в это время и боевое дежурство в пустыне наших подразделений ПВО. Это в основном солдаты-срочники, волею судьбы оказавшиеся в Африке с далеко не туристической миссией.

Хамсин хамсином, но приём пищи происходил по расписанию. Приходилось пробираться сквозь песчаную бурю в столовую. То же было и с теоретическими занятиями. Както во время таких занятий к нам прибыл Главный маршал авиации П.С. Кутахов, на том момент Главнокомандующий ВВС СССР, который прилетел из Союза с инспекцией. Вместе с ним были первый замначальника Главного штаба ВВС Г. Скориков и начальник ГлавПУРа СА и ВМФ А. Епишев. Прозвучала команда: «Товарищи офицеры!» Все застыли по стойке смирно, кроме прапорщика Ломова. Он сладко спал на заднем ряду аудитории. Это был радист нашего экипажа, лихой и своевольный парень, который любил повторять фразу «Против лома нет приёма!» Прапорщика разбудили. Он вскочил и тут же получил 5 суток гауптвахты, которые объявил ему Главнокомандующий. О том что маршал погорячился, мы поняли только на следующий день, когда пошли навестить Ломова. Гауптвахта в египетской армии представляла собой металлическую клетку, опущенную

в вырытую в пустыне глубокую яму. Не уверен, что туда заползали скорпионы, но крысы были точно. Арестованный находился под палящим солнцем, от которого можно было спрятаться, только прижавшись к одной из сторон ямы. Еду и воду приносили регулярно. Это были арабские лепёшки и овощи — помидоры и огурцы. Но, судя по осунувшемуся виду Ломова после 5 суток пребывания в клетке, он практически ничего не ел. Да и, видимо, не спал. После этого мы не слышали от него любимой присказки. Стал он тихим и покладистым. Мы тоже. По крайней мере самоволки в Асуан, коими переводчики периодически баловались в поисках новых впечатлений на свою юную голову, прекратились. На египетскую гауптвахту никому не хотелось.

Весной 1972 года стали бывать на родине, перегоняя самолёты на базу Веретье. Там проводилось плановое обслуживание наших «тушек», так называемые регламентные работы. Для этой миссии в Союзе был подобран отдельный новый экипаж, задачей которого было осуществлять переброску машин в оба конца. В качестве борт-переводчиков выбрали меня и ещё одного моего коллегу. В состав моего экипажа вместо стрелка-радиста включили начальника связи полка. Капитан оказался настолько талантливым бизнесменом, что от его предприимчивости кружилось голова. В универмаге г. Острова он оптом закупал фотоплёнку, фотоаппараты, сигареты, фонарики, батарейки, свечи и прочий дефицитный товар у арабов в те времена. На борту «стратега» всё это, упакованное в сумки, доставлялось в Асуан, а на обратном пути — в Каир. Там мы делали промежуточную посадку, останавливаясь на день-два перед перелётом домой на регламент. В магазинах города производился обмен товара на модные тогда в Союзе гипюр и дешёвое арабское золото. Капитан договаривался с хозяевами лавок, используя меня в качестве переводчика, благо торговаться к этому времени я научился превосходно. Гипюр разных цветов закупался тюками и грузился в бомболюки, после чего мы успешно прибывали в г. Остров и всё быстро сбывали по налаженным каналам. Прилетев как-то в Союз в самом конце мая и прогуливаясь по городу, я замер от изумления — весь народ был одет в модные тогда разноцветные гипюровые платья и рубашки.

В те времена мы не были искушёнными в политике, но арабские газеты на английском языке, журналы «Тайм» и «Ньюзуик» читали регулярно, просто чтобы развивать язык. Из них мы узнали, что наше пребывание в Египте стало результатом прямых переговоров Л.И. Брежнева с президентом Египта Гамаль Абдель Насером, который к нашему прибытию уже скончался вследствие инфаркта. Это случилось 28 сентября 1970 года. Существует версия, что его «убрали» спецслужбы Израиля. К власти пришёл Анвар Садат, симпатизировавший американцам. Это стало известно уже позже, когда мы практически заканчивали обучение эскадрильи. Анвар Садат прилетел к нам на базу. Это был первый африканский президент, с которым на общем построении лётного состава эскадрильи я встретился лично. Тогда, обходя строй наших лётчиков, он поздоровался с каждым за руку. Взгляды Садата к середине 1972 года стали настолько прозападными, что советские войска были просто выдворены из Египта. Происходило это поэтапно. Новость о нашем отъезде стала неожиданной даже для местных граждан. Наша миссия завершилась и, собрав вещи летом того же года и тепло обнявшись с нашими новыми арабскими друзьями, мы отправились на транспортнике в Каир, где в отдельной квартире для советских специалистов с видом на пирамиду Хеопса стали дожидаться своей очереди для отправки на родину. В это время я неожиданно заболел, подхватив кишечную инфекцию. Поднялась высокая температура, и меня направили в арабский госпиталь. Провалявшись там две недели, я вернулся на квартиру, взяв ключи у коменданта. Моих сокурсников уже не было — все улетели домой. После обеда пришёл

финансист для того, чтобы полностью рассчитать меня. Положенные чеки Внешпосылторга были вручены, кроме последней зарплаты. Мне сообщили, что по каким-то техническим причинам её выдадут в местной валюте. Это ни много ни мало 60 фунтов. Шоковое состояние! Сумма по тем меркам огромная, а вылет домой назначили на следующее утро. Ещё полностью не оправившись от болезни, я выхожу на улицу, ловлю такси и еду в центр Каира. Становится темно. Такси не отпускаю, машина следует за мной по пятам и ждёт у входа магазинов, в которые я просто забегаю. Лихорадочно хватаю всё, что приглянулось, не торгуясь. Сначала огромная кожаная сумка, затем все подряд: подарки родителям, брату, родным и друзьям. В основном одежда и арабские золотые украшения. Кольцо с огромным рубином стоит всего 4 фунта, также и серьги. Дальше радиомагазин — новая магнитола, затем книги. Их много. Покупаю самые дорогие словари, детективы, классику английской литературы. Большой Оксфордский словарь стал предметом гордости и самой важной книгой на время продолжения учёбы в институте. Электронных словарей тогда ещё не было. Все покупки совершаются под неугомонные крики зазывал, постоянные предложения «мадам» сутенёрами и крики детей-попрошаек, налетающих, как пираньи, при виде иностранца. Каир ночью только просыпается. Начинается своя полноценная жизнь, но уже поздно, нужно возвращаться. Завтра вылет на родину. Такой блиц-шопинг запомнился надолго.

Возвращался домой в десантном Ан-12, сидя на холодной скамье. Коротал время за разговорами с офицерами и срочниками. У каждого своя интересная история о том, что было пережито за командировку. Родина встречала своих лётчиков и зенитчиков скромно. На территории лётного гарнизона, куда мы приземлились, была создана импровизированная таможня во главе с замполитом, которая тщательно проверила все личные вещи. И не напрасно. У нескольких

бойцов-срочников обнаружили боевые патроны и даже снаряды, которые они прихватили с собой в качестве сувениров. Мои книги тоже вызвали вопросы. Комиссия долго и с пристрастием допрашивала меня относительно их содержания. В конце концов отпустили.

Продолжая учёбу в институте, мы были уверены, что египетская страница нашей биографии была перевёрнута раз и навсегда. Оказалось — не так. Наше третье пришествие в Египет случилось в октябре 1973 года. На Ближнем Востоке началась война «Судного дня», арабо-израильский конфликт9. Все, кто мало-мальски владел английским языком, были подняты по тревоге и переброшены в части нашей транспортной авиации. Их должны были задействовать в качестве борт-переводчиков, ибо между Советским Союзом и странами Ближнего Востока шёл непрерывный поток транспортных бортов с оружием, авиационным керосином для наших МиГ-25, базирующихся в Египте, и боеприпасами. Воздушные диспетчеры иностранных государств, которые мы пересекали по маршруту, похоже, пребывали в полной прострации: с одной стороны, от количества самолётов, перелетавших границы их зоны ответственности в оба конца, за которыми следили радары, с другой — от самого радиообмена. В воздухе одновременно находились десятки самолётов и все под позывным Аэрофлота. Как-то на подлёте к зоне ответственности Бриндизи (Италия) я услышал в эфире переговоры

⁹ Военный конфликт начался 6 октября 1973 года с совместной внезапной атаки арабской коалиции на израильские позиции в Судный день — день отдыха, поста и молитвы, широко отмечаемый в иудаизме. Египетские и сирийские войска пересекли линию прекращения огня, попытавшись захватить Синайский полуостров и Голанские высоты. США и Советский Союз предприняли массированные поставки оружия своим союзникам, что поставило мир на грань конфронтации между двумя ядерными сверхдержавами». (Материал из Википедии).

наземного диспетчера с одним из наших экипажей. Его вызывал наш борт: «Вышка Бриндизи (Италия), это Аэрофлот 11 542, прошу разрешение пересечь границу вашей зоны, приём». Вызов повторялся несколько раз, но, казалось, диспетчер ничего не слышал. После значительной паузы в эфире вдруг раздался его вопрос к нашему борту: «Простите, сэр, а... с какой стороны?» Казалось, что рой наших транспортников, пересекающих границу в обоих направлениях, уже не поддавался контролю.

Людей для миссии взяли с курса, где только-только начали учить английский язык в качестве второго, в основном с факультета восточных языков. Ни о каком радиообмене в авиации они не слышали, едва научившись выговаривать цифры своего бортового номера. Мы, уже асы радиообмена, помогали, как могли, передавая сообщения Будапешту, Бриндизи и Каиру. О масштабах транспортного моста можно было судить по географии наших посадок в Советском Союзе для загрузки бортов (Львов, Витебск, Рига, Шауляй, Мурманск, Вологда и др.) и организации ночёвки экипажей в огромных спортивных залах воинских частей на аэродромах Венгрии. Залетали мы и в Югославию (г. Дубровник), правда полноценного отдыха нам не предоставляли. Отключались на куче укрывного брезента прямо на борту. Отдохнув 3-4 часа на аэродромах Тёкель и Кишкунлацхаза (Венгрия), экипажи летели дальше. Их раскладушки, коих было несколько сотен, тут же занимали вновь прилетевшие. Лётные столовые работали круглые сутки. На суету и шум никто не обращал внимания. Всех одолевало одно желание — поскорее коснуться головой подушки. Иногда и этого не случалось. Бывали ситуации, когда по несколько суток не удавалось сомкнуть глаз. Как правило, вылетали на юг после обеда с наших венгерских аэродромов, чтобы приземляться на месте ночью, когда темно. Так было безопасней. Садились в Египте, Сирии и Ираке по приборам. Освещение полосы не включалось. Оставалась лишь синяя рулёжная подсветка на время

посадки. Было слишком опасно. Самолёты, а это были Ан-12, разгружались тут же, пока мы перекусывали прямо на борту. Арабы всегда старались и приносили нам бутерброды, соки и фрукты. Взлетали сразу же. Задержавшиеся до утра самолёты иногда бомбили прямо на земле. В памяти сгоревший на стоянке Ан-12. Старшина нашего курса был награждён тогда орденом Красной Звезды как член экипажа того самолёта. Экипажу, с которым летал я, тоже однажды пришлось пережить налёт израильской авиации, когда рано утром мы готовились к отбытию. Кругом начали рваться снаряды, и командир принял решение о немедленном взлёте, благо уже катились по ВПП, начиная разбег. Мы были в воздухе, когда лётчики заломили такой противоракетный вираж, что крылья были готовы сложиться пополам. Выдержали. В эфире творилось невообразимое. Кричали все на своём языке: израильтяне, арабы и русские. Русские преимущественно матом. Ответственность на переводчике была колоссальной. Из всей какофонии звуков нужно было различить команды, передаваемые только твоему борту. Как я узнал позже, атаку отбили, а ВПП оказалась вся повреждена воронками и стала непригодной для полётов. Арабы незамедлительно приступили к её ремонту. Уходя от береговой линии Средиземного моря, наблюдали горящий порт Латакия в Сирии. Пламя было таким огромным, что озаряло всё небо на многие километры вперёд.

За 40 дней этого периода, осенью 1973 года советская транспортная авиация совершила 935 вылетов, перевезя 15 тысяч тонн военных грузов. Нашим гигантом Ан-22 — «Антеем» — были совершены 85 вылетов. В НАТО он звался «Петухом» (Cock) и стал первым самым большим в мире широкофюзеляжным турбовинтовым самолётом. Он брал на борт одновременно до 80 тонн груза. Я познакомился с этой машиной на базе в Каире, побывав внутри кабины пилотов и в грузовом отсеке. Впечатляет! Там можно реально сыграть в футбол.

На море разыгрывались не менее драматические события, о которых мы стали узнавать только совсем недавно. Вот что пишут участники событий тех дней: «В октябре 1973 года Средиземное море превратилось в военно-морской театр с непредсказуемым исходом новой политической интриги. В его восточной части опасно сошлись, скрестились, столкнулись интересы всех мировых держав, не считая прилегающих к зоне конфликта стран».

Из воспоминаний вице-адмирала Евгения Волобуева, командира Средиземноморской эскадры: «6 октября в 15:30 я получил сигнал с ЦКП ВМФ (Центрального командного пункта) о переводе сил эскадры в повышенную боевую готовность. В этот момент у меня было 20 боевых кораблей, 15 вспомогательных судов и десять подводных лодок, развёрнутых на позициях... Я объявил по эскадре боевую тревогу...».

Цитирую капитана 1-го ранга Г. Белова: «На кораблях приступили к окончательному снаряжению боеприпасов: ввёртывались взрыватели снарядов главного калибра, окончательно снаряжались торпеды, готовились глубинные бомбы и другое вооружение. Офицерам было выдано из арсеналов личное оружие. На командном пункте эскадры развёрнуты посты боевого управления. Флагманский корабль — плавбаза «Волга» — снялся с якоря в точке № 12 (залив Эс-Саллум) и направился в район слежения за американскими авианосными ударными группами южнее острова Крит».

Вице-адмирал Евгений Волобуев: «В Средиземноморье для усиления эскадры стягивались дополнительные силы. Из Севастополя в Средиземное море шли через Дарданеллы 7 кораблей, в том числе крейсер «Москва», а также 2 десантных судна, способных к переброске 1000 морских пехотинцев, готовились к выходу из Чёрного моря, 5 подлодок были в Атлантике, на пути к Средиземноморью».

Подводные силы в составе эскадры насчитывали не менее 11 подводных лодок, в том числе дизельные ракетные и торпедные, а также две атомные с ядерными крылатыми

ракетами. Советские силы были тогда способны к запуску двадцати ракет в первом залпе. Наращивали свои силы и американцы¹⁰. Обстановка с каждым днём становилась все напряжённее и совершенно непредсказуемой. 11 октября из Шотландии вышла на усиление 6-го флота в Средиземном море авианосная ударная группа во главе с авианосцем «Джон Ф. Кеннеди».

Из воспоминаний тогдашнего премьер-министра Израиля Голды Меир: «Я звонила нашему послу Диницу в Вашингтон в любой час дня и ночи. «Мне всё равно, который у вас час! — вопила я. — Звони Киссинджеру немедленно, среди ночи. Нам нужна помощь сегодня! Завтра может быть поздно». Не дожидаясь решительных мер от госсекретаря США Киссинджера, «железная Голда» отдала распоряжение подвесить ядерные бомбы к самолётам эскадрильи особого назначения»¹¹. У Израиля тогда их было 13 штук. Мир завис над пропастью. 24 октября США привели обычные и ядерные силы в состояние повышенной боевой готовности по всему миру.

Война на Ближнем Востоке разрасталась с каждым днём. В бои уже втянулись бронетанковые дивизии армий Ирака и Иордании, дивизия марокканцев, бронетанковая бригада Кубы, северокорейские лётчики. Вопреки указаниям не ввязываться в боевые действия загремели орудия и советских кораблей. Было сбиты несколько израильских самолётов, пытавшихся их атаковать. Была объявлена повышенная боеготовность 7 дивизий советских воздушно-десантных войск. Мир оказался накануне Третьей мировой войны. Осознание этой ситуации пришло совсем недавно, когда рассекреченные данные и воспоминания участников

¹⁰ Война Судного дня. Противостояние флотов СССР и США. Режим доступа: http://alerozin.narod.ru/oktovr.htm

¹¹ Голда Меир. Моя жизнь. Война Судного дня. Режим доступа: https://jhist.org/zion/golda17.htm

тех событий стали достоянием общественности. Один из эпизодов документального фильма Сергея Медведева, показанного в августе 2021 года по центральному телевидению, посвящён событиям, которые произошли на Ближнем Востоке 11 октября 1973 года во время арабо-израильской войны. Тогда советский лётчик Александр Бежевец одним своим полётом на уникальном самолёте МИГ-25 фактически предотвратил начало термоядерного конфликта в регионе, появившись в небе над Израилем на недосягаемой для средств ПВО высоте — 22 км — с невиданной скоростью в 2,5 Маха [ФОТО 6]. Поднятые по тревоге зенитные батареи произвели пуски своих ракет в никуда, продемонстрировав полное бессилие перед нашим самолётом-«призраком». Израильские истребители-перехватчики «Фантомы» и «Миражи» не смогли даже приблизиться к цели, выпустив ракеты «в молоко». Александр Бежевец, впоследствии генерал-майор и Герой Советского Союза, полетав над Тель-Авивом 20 минут в полной боевой готовности, как в панике сообщали израильтяне, «произвести бомбардировку города», успешно вернулся на базу. Его полёт устрашения, о котором писали тогда все газеты мира, стал причиной полного отказа Израиля от применения ядерного оружия против арабских стран. В итоге второй «Карибский кризис» удалось разрулить. «В Москву прибыл госсекретарь США и советник президента США по национальной безопасности Генри Киссинджер. С 20 по 22 октября он вёл переговоры с советской стороной, в результате чего был выработан проект резолюции Совета Безопасности ООН, принятой 22 октября за номером 338. Резолюция предусматривала немедленное прекращение огня и всех военных действий с остановкой войск на занимаемых ими 22 октября позициях; воюющим государствам предлагалось «начать немедленно после прекращения огня практическое выполнение резолюции 242 (1967) Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года во всех её частях». «24 октября

советское руководство предупредило Израиль «о самых тяжёлых последствиях» в случае его «агрессивных действий против Египта и Сирии». Одновременно Леонид Брежнев послал Ричарду Никсону срочную телеграмму, в которой заверил американскую сторону, что в случае её пассивности по урегулированию кризиса СССР столкнётся с необходимостью «срочно рассмотреть вопрос о том, чтобы предпринять необходимые односторонние шаги» 12. После этого израильские войска прекратили наступление, и 25 октября состояние повышенной боевой готовности в советских дивизиях и американских ядерных силах было отменено.

В конце октября 1973 года мы вернулись в Москву и продолжили учёбу. Я ещё долго не знал, что волею судьбы оказался участником драматических событий, поставивших мир на грань уничтожения, как и не мог предположить тогда, что Северная Африка — это только пролог моей судьбы, связанной с этим континентом. Впоследствии, бывая много раз в Египте на отдыхе, я спрашивал молодых арабов о событиях тех дней на их территории. Увы, историю свою они не знают. В Советском Союзе участие в операции «Кавказ» наших военнослужащих ещё долго оставалось под секретом. В личных делах отсутствовали какие-либо отметки о командировках на Ближний Восток и участии в боевых действиях. Признание заслуг пришло много позже — в начале 90-х годов, когда нагрудные знаки «Воину-интернационалисту» и грамоты Президиума Верховного Совета СССР, подписанные М.С. Горбачёвым, стали находить своих героев. Справедливости ради следует отметить, что свои боевые награды мы получили сразу по окончании командировки с формулировкой «За выполнение задание Правительства». И всё. А потом молчание почти на 20 лет.

Теперь уже известно, что в пиковые моменты численность советского воинского контингента

¹² Материал из Википедии.

в Египте достигала 32 тысяч человек (на момент его вывода в 1972 году —20 тысяч), а число погибших во время исполнения интернационального долга составило от 40 до 60 человек.

Гвинея (Конакри)

Весной 1974 года совершенно неожиданно я и несколько моих сокурсников были вызваны к начальнику института. Задача была поставлена кратко: вылететь на Север, в Мурманск, где нас должны были встретить морские лётчики и доставить куда требуется. Дальше мы переходили в их подчинение. На сборы, как всегда, давалось несколько часов. Успел только получить гражданскую экипировку. Увидеться с новорождённым сыном мне пришлось только через два месяца. Жена оставалась ещё в роддоме. Как известно, приказы в армии не обсуждаются. Написав ей короткую записку, вылетел в Мурманск транспортным бортом Ан-26 из подмосковной Щербинки вместе со своими друзьями-переводчиками. На месте нас встречал ещё один борт, который доставил всех за Полярный круг, на базу стратегических бомбардировщиков морской авиации Ту-95 «Кипелово». Летели долго, хотелось спать, но на Севере наступил полярный день, и солнце светило так ярко, что стало не до сна. Ворочаясь, подремали до утра, когда весь лётный состав гарнизона плотно позавтракав, собрался в зале на совещание. Был зачитан боевой приказ вылететь на океанскую разведку с посадкой на Кубе и в Гвинейской Республике. Нас распределили по экипажам и отдельно каждому экипажу поставили задачи. Двум экипажам предстояло, пролетев над Атлантикой, совершить посадку в Гвинее, г. Конакри. По объявленным фамилиям командиров понял, что с одним из них должен лететь я.

Здесь стоит сделать небольшой исторический экскурс, чтобы понять, как мы оказались в Гвинее.

«2 октября 1958 г. после победы на референдуме была провозглашена независимость Гвинейской Республики. Страну возглавил глава Демократической партии Гвинеи А. Секу Туре. СССР установил с республикой дипломатические отношения и оказал ей всестороннюю помощь. В ноябре 1959 г. президент Секу Туре побывал в СССР. В 1959 г. по межправительственному соглашению СССР на льготных условиях предоставил Гвинее кредит в 31,5 млн рублей. Франция отозвала из страны всех чиновников и специалистов, а Советский Союз послал своих специалистов. В 1960 г. Секу Туре вторично побывал в СССР. Гвинейцы в это время вновь обратились к СССР за помощью: они хотели построить аэродром, который мог бы принимать самые тяжёлые самолёты. СССР опять охотно послал специалистов и материалы. В ноябре 1960 г. было принято постановление о реконструкции аэродрома Конакри. С 1961 г. в советских военно-учебных заведениях начали готовить кадры для ВМС Гвинейской Республики. Поставки и оказание советской помощи Гвинее шло по многим направлениям. Секу Туре, будучи националистом, преследуя свои политические цели, на протяжении долгого времени служил, что называется, и нашим, и вашим, переходя от СССР к сближению с США и Францией в обмен на денежные вливания. Итогом сближения с США стал запрет со стороны Гвинеи в 1962 г. для использования СССР аэропорта Конакри, который служил промежуточной базой для переброски на Кубу во времена Карибского кризиса продуктов питания и прочих необходимых грузов. События 1971 года, когда со стороны соседней Гвинеи-Бисау португальцами была предпринята попытка госпереворота и свержения, Секу Туре через советского посла в своей стране обратился с просьбой к советскому правительству об обеспечении постоянного присутствия военных кораблей СССР в Конакри. В начале 1971 года было подписано соответствующее соглашение, и в порту Конакри стали постоянно находиться отряды советских боевых кораблей. К 1972 г. советские моряки закончили оснащение гвинейских портов Конакри и Бенти навигационным оборудованием. Наша страна с давних пор имела в Гвинее свои интересы. В Гвинее были огромные залежи бокситовых руд, из которых получали

алюминий. При этом республика не имела квалифицированных кадров для добычи и переработки руд, поэтому Советский Союз направил туда своих специалистов, которые начали сооружение бокситового комплекса в Киндиа. На 1974 г. советские вложения в этот глинозёмный проект составили 92 миллиона долларов. Необходимые для него грузы доставляли в Конакри на судах наших пароходств. Только в 1972 г. советские торговые суда выполнили 140 заходов в гвинейские порты. Помимо этого, в Конакри часто заходили советские рыболовные и торговые суда. Наши рыбаки использовали эти стоянки для отдыха, пополнения запасов, переработки и передачи улова. В феврале 1972 г. была достигнута договорённость с гвинейским руководством о кратковременном (до 5-6 суток) пребывании самолётов Ту-95РЦ на аэродроме Конакри (для отдыха лётного состава и осмотра техники) с периодичностью два раза в месяц. Новым шагом в организации боевой службы явилось комбинированное использование аэродромов Кубы и Гвинеи в 1973 г. С них одновременно вылетали навстречу две группы самолётов Ту-95РЦ. Следуя различными маршрутами, они одновременно вскрывали надводную обстановку на значительных по площади районах Атлантики. Главный штаб ВМФ высоко оценивал результаты этих полётов, считая, что они позволяют оценить характер и интенсивность судоходства в этой части океана. Ранее подобной возможности просто не существовало. К моменту нашего перелёта в Гвинею в стране был создан и активно функционировал пункт материально-технического обслуживания. К 1974 г. в стране находилось приблизительно 110 советских военных советников. По американским данным, с 1960 г. было уже поставлено вооружений на 48 миллионов долларов. Порт Конакри регулярно посещали наши боевые корабли» 13 .

Ту-95 — советский и российский турбовинтовой стратегический бомбардировщик-ракетоносец, самый скоростной в мире серийный самолёт с турбовинтовыми двигателями, построенный по заданию И.В. Сталина ещё в 1952 году

¹³ Материал из Википедии.

для создания военно-стратегического паритета в холодной войне. Самолёт обладает уникальными характеристиками с возможностью его постоянной модернизации и продолжения эксплуатации в современных условиях. Вот почему спустя почти 70 лет его всё ещё можно видеть на военных парадах и на боевом дежурстве [ФОТО 7].

Тогда, в мае 1974 года, стартовав с Кольского полуострова ближе к вечеру, обогнув Скандинавию и пролетев над Атлантикой в общей сложности часов 15, мы уже солнечным утром следующего дня приземлились в маленьком городке на побережье Гвинейского залива. Назывался он Конакри и был столицей Гвинейской Республики. Так, на борту стратегического ракетоносца я впервые оказался в тропической Африке. Весь полёт проходил сидя на парашюте за креслами командира и второго пилота, напротив второго штурмана-оператора. Для переводчика отдельного места предусмотрено не было. Все части тела затекали и к концу полёта ныли так, что, стиснув зубы, в душе молился, чтобы поскорее всё закончилось. Постоянно хотелось встать и основательно размяться. Всю дорогу, пока мы огибали Скандинавию, летели мимо Великобритании и параллельно Европе, нас перехватывали и сопровождали истребители НАТО. Держались они на почтительном удалении, видимо, памятуя о недавнем случае столкновения слишком любопытного американского «Фантома» с нашим «Медведем». По классификации НАТО, Веаг — медведь. В начале 70-х над Атлантикой три истребителя ВВС США F-4 Phantom II были подняты с авианосца на перехват морского разведчика Ту-95МР. При попытке пройти над советским самолётом один из F-4 врезался ему в крыло и упал в море. Наш разведчик, выполнив боевую задачу, вернулся на свой аэродром. Ранее, в 60-х, подобным образом разбился и британский истребитель.

При посадке в Конакри рано утром следующего дня случилось непредвиденное: второй, ведомый, самолёт задел

лопастью одного из винтов ВПП. О возвращении домой через 5–6 дней, как это было предписано договором с гвинейцами, не могло быть и речи. Мы застряли в этой далёкой стране на целый месяц, ожидая новый двигатель и ремонтную бригаду. Гвинейцы с восторгом окружили наши самолёты и были горды тем, что такая страна, как Советский Союз, их защищает «атомным оружием». В местной прессе о Ту-95 писали, что он вооружён «атомной пушкой», принимая за неё штангу для дозаправки в воздухе, которая выходила вперёд из носовой части.

Поселили нас в один из лучших на тот момент отелей в центре Конакри. Нестерпимая жара, а самое главное влажность стали большим сюрпризом. О кондиционере не могло быть и речи. Тогда их просто не было, как и нормального водоснабжения. В условиях тропиков, как я уже отметил, я оказался впервые в своей жизни, практически на самом экваторе. В комнате непрерывно работал лишь потолочный вентилятор, бесполезно гоняя горячий воздух. Заснуть в таких условиях было проблематично. Смачивали водой простыни и укутывались в них, впадая в дрёму на несколько часов.

Экзотика встречалась повсюду. По комнате постоянно летали какие-то насекомые, от которых мы то и дело отмахивались, боясь укусов. Во дворе отеля стояла огромная клетка с обезьянами, которые проворно хватали личные вещи посетителей, стоило только тем подойти ближе и чуть зазеваться. В первый же день обезьяна стащила у меня солнцезащитные очки, как только я нагнулся к клетке, чтобы рассмотреть обитателей. Я оказался не первым. В клетке валялось с десяток таких очков. Без них было плохо. Солнце было настолько ярким, что глаза открывались с трудом, приходилось постоянно щуриться. Посещать местную столовую нам категорически запретили. Экипаж питался на пункте материально-технического обслуживания, куда нас каждый раз отвозили автобусом. Ели заспиртованный хлеб

из герметичных пакетов, яичницу из порошка, макароны с различными консервами и вяленую воблу из больших металлических консервных банок. Через неделю от такой еды стало не по себе. Для того чтобы скоротать время, экипажи вывозили на посольскую виллу на берегу океана, где мы проводили целый день. Местные граждане постоянно интересовались нашим присутствием, предлагая обменять некоторые экзотические продукты на предметы первой необходимости, в основном мыло и стиральный порошок [ФОТО 8]. Кажется, тогда я впервые попробовал ананасы, манго, кокосы и папайю. Этого добра было в изобилии. На кусок мыла можно было обменять ведро манго или 5-6 ананасов. Африканские подростки лихо взбирались босиком без всяких приспособлений на огромные кокосовые пальмы и манговые деревья высотой с трёхэтажный дом, сбрасывая сверху спелые плоды. Понравился сок ещё зелёных кокосовых орехов. Он освежал и хорошо утолял жажду. Приносили и необыкновенно спелые и вкусные жёлтые ананасы. В городе все эти фрукты сваливались огромными кучами прямо на красную утрамбованную землю, откуда и продавались местным гражданам. Асфальта в Конакри практически не было. Народ в каком-то хаотичном порядке передвигался кто куда. Женщины стирали белье в придорожных канавах, тут же пасся скот. Огромные тазы с различным грузом они переносили на головах совсем без поддержки рук, что казалось практически невозможным. Впоследствии я много раз видел эти чудеса эквилибристики в Западной Африке, и каждый раз задавался вопросом, как это у них так ловко получается. Запредельная нищета населения была видна невооружённым глазом.

В этих условиях, когда нестерпимо хотелось домой, мы старались не унывать. Однажды лётчики принесли кокосовые орехи, которыми их угостили наши специалисты, и, не зная, что с ними делать, обратились к переводчикам с просьбой подсказать, как их приготовить. Прикол

заключался в том, что мы посоветовали им поварить орехи часик-другой, пока те не покраснеют. Тогда все путешествовали со своими кипятильниками и брали в дорогу растворимый кофе с сахаром. Вот таким кипятильником лётчики и не замедлили воспользоваться, взяв на кухне отеля подходящую тару. Переводчики, уже забыв о своей шутке, сидели в отельном баре, заказав местного бутылочного пива, когда появился второй пилот одного из экипажей и на полном серьёзе посетовал на то, что орехи так и не краснеют, хотя варятся уже больше часа. Валялись от смеха вместе. Мы и сами-то попробовали кокосовые орехи впервые в Гвинее, но уже понимали, как их употреблять.

Именно в этой командировке я многое узнал о тропической Африке. Оказалось, что ананасы растут в земле, а бананового дерева не существует. Это просто большая трава, а жёлтые плоды — это, оказывается, ягоды. На манговых деревьях водится много опасных змей, а укус малярийного комара сложно заметить. Через несколько месяцев, когда я уже вернулся в Союз, малярия достала меня, и очень жестоко. После трёх приступов лихорадки, которую диагностировали как ОРЗ, я оказался в реанимации в бессознательном состоянии. Только в военном госпитале имени Бурденко был поставлен правильный диагноз и проведено лечение.

Мы впервые узнали, что такое тропические дожди, когда ливень в буквальном смысле смывает в океан всё на своём пути. После дождя начинает светить солнце, и испарения делают и без того влажный воздух практически паром. Нетронутая природа тропической Африки покорила. Необыкновенной красоты закаты можно было наблюдать на побережье Гвинейского залива, тропическая зелень и животный мир манили своими красками и экзотикой. Любимым времяпрепровождением стало купание в океане. И хотя побережье в районе Конакри представляло собой смесь острых камней с песком, а вода напоминала парное молоко, нам

всё равно нравилось это занятие. Других просто не было. Нужно было как-то убивать время — мы же изначально не рассчитывали задерживаться в Африке. Неприятным было и большое количество медуз и морских ежей, раны от которых долго не заживали. После обеда наступали отливы. Вода в заливе отходила на километры, обнажая дно, где шевелились крабы и другие моллюски. Во время наших купаний на побережье скапливалась целая толпа дружелюбно настроенных местных ребятишек, выпрашивающих еду и сувениры [ФОТО 9]. Обязательно подтягивались и китайцы. Их в Гвинее уже тогда было много. Одеты китайцы были в одинаковую тёмную форму со значками Мао Цзэдуна на лацканах. Они стояли молча и продолжительное время пристально смотрели на нас, непонятно с какой целью. Сначала мы как-то смущались, но потом перестали обращать внимание на их появление. Тогда наши отношения с Китаем были не самыми лучшими. Но именно в те далёкие времена и даже ещё раньше китайские переселенцы закладывали основу для экспансии Поднебесной на африканский континент в начале 2000-х.

Двигатель «стратега» вскоре заменили, самолёт совершил пробный полёт, и мы взяли курс домой. Летели долго, часов 20, без посадки, каким-то другим маршрутом, но с дозаправкой в воздухе. Я много раз был на борту наших Ту-16 и Ту-95, когда те пополняли запасы топлива в полёте. Это серьёзная работа лётчиков, которая требует огромного напряжения всех сил. На фоне яркого восходящего солнца на горизонте и синевы океана внизу зрелище «спаривания» двух гигантских машин было завораживающим.

Приземлились под Вологдой на военном аэродроме, затем с гражданского аэропорта улетели обычным гражданским рейсом до Москвы. В качестве сувениров я прихватил с собой несколько очищенных кокосов и пару ананасов. Они находились со мной в ручной клади и издавали такой запах по всему салону Як-40, что пассажиры постоянно крутили

головой, пытаясь понять, в чём дело, и откуда он идёт. Вкуснее гвинейских ананасов я ничего не ел, хотя впоследствии посетил более полутора десятка африканских стран и пробовал их везде и в большом количестве.

Дальнейшая карьера сложилась так, что, окончив институт, я стал заниматься военной подготовкой наших братьев-африканцев из тех стран, которые ещё боролись за свои свободу и независимость. Африка не отпускала...

Таким образом, с трёхгодичным перерывом, о котором пойдёт речь ниже, 14 последующих лет мы занимались сложной и кропотливой работой, требовавшей полной самоотдачи. За эти годы я услышал много интересных рассказов об Африке, близко познакомился с южноафриканцами и намибийцами. Часто оставаясь с африканцами наедине, мы искренне беседовали обо всём на свете. Наши подопечные мечтали о светлом будущем, доверяя самое сокровенное, зачастую свою жизнь, ибо от качества полученной подготовки зависел успех их опасной деятельности.

Пока перевернём эту страницу истории. Наступит время, когда можно будет рассказать обо всём подробно. Понимание менталитета и национально-психологических особенностей африканцев очень помогли мне в следующей командировке, куда я отправился работать уже с португальским языком. Помогло мне и это в бизнесе, когда я стал заниматься проектами в Африке. В этой связи родилась книга «Как вести бизнес в Африке» 14, в которой я обобщил свой работы в российских и иностранных компаниях на континенте с упором на понимание менталитета, национально-психологических особенностей и делового этикета, принятого в африканских странах. Тем, кто хочет заняться бизнесом в Африке, искренне советую почитать.

¹⁴ Поликарпов В.В. Как вести бизнес в Африке. Москва, 2021. ISBN 978-5-91615-151-0.

Ангола

Весной 1982 года, следуя прямым рейсом Аэрофлота и задержавшись на несколько часов г. Браззавиле (Республика Конго) для дозаправки, мы прибыли в г. Луанду, на тот момент столицу Народной Республики Анголы. Страна сменила название, и в настоящее время называется Республика Ангола. Летел я туда уже в звании капитана на три долгих года с женой и сыном-школьником, который только что окончил первый класс. Впереди — ощущение неизвестности и тревоги, и не за себя, а за свою семью, ведь направлялись мы фактически в воюющую страну. Об этом ничего не писалось в наших газетах, но мы как люди военные хорошо представляли, куда нас посылают. Одно успокаивало: работать предстояло в посольстве СССР, в аппарате военного атташе. Это была совсем другая жизнь, не похожая на ту, что проживали наши военные советники и их переводчики, находясь непосредственно в подразделениях FAPLA на передовых позициях в провинции. Советские военные специалисты прибыли в эту южноафриканскую страну только после того, как в 1975 году в Анголе, получившей независимость, вспыхнула гражданская война между тремя группировками, воевавшими с португальскими колонизаторами. С просьбой к СССР о поддержке обратилась одна из них — МПЛА, объявившая о социалистическом курсе развития страны и провозгласившая создание Народной Республики Ангола. У Советского Союза был свой колоссальный интерес в том, чтобы откликнуться на ангольское обращение: страны практически сразу подписали соглашение об использовании ангольской военной инфраструктуры в советских военных интересах. Таким образом, СССР получил оперативные военно-морские и авиационные базы на юге Африки, а Ангола — помощь оружием и боевой техникой, а также военными специалистами. Последние занимались прежде всего подготовкой и формированием наиболее

боеспособных частей ангольской армии, какими стали, например, две десантно-штурмовые бригады, созданные стараниям советских офицеров ВДВ.

Цель моего повествования — это рассказ о самых ярких моментах нашего пребывания в Анголе, о впечатлениях человека, уже воевавшего в Африке, но оказавшегося в иной ситуации, нежели наши воины-интернационалисты.

Для того чтобы понять, что представляла Ангола в те времена, нужно посмотреть документальный фильм Алексея Поборцева «Ангола: война, которой не было» (2015). Впоследствии появилось много воспоминаний наших военных об этой локальной войне, одной из самых крупных, на которой за 16 лет официального военно-технического сотрудничества между СССР и Анголой побывали около 11 тысяч советских военнослужащих, в том числе 107 генералов и адмиралов, 7211 офицеров, более 3,5 тысяч прапорщиков, мичманов, рядовых, а также рабочих и служащих армии и флота. Из них, по официальным данным, погибли или умерли 54 человека, в том числе 45 офицеров, 5 прапорщиков, два солдата срочной службы и двое служащих. В настоящее время активно действует организация «Союз ветеранов Анголы», много статей и рассказов написано о тех боевых действиях, в которых принимали участие наши военные специалисты. Проявленные ими мужество и сила духа при встрече с вооружённым до зубов и хорошо подготовленным противником вызывает восхищение. С удовольствием читаю воспоминания ветеранов на сайте «Союза». У каждого из них была своя Африка, своя Ангола, своя миссия.

«Секретная Африка. Выжить в ангольской саванне» — ещё один фильм Алексея Поборцева о наших советниках и специалистах, которые мечтали попасть на юг страны и увидеть туристическую экзотику Анголы — огромную статую Христа, как в Бразилии; завораживающий вид на горный серпантин, красочных жителей племени мвила,

проживающих в этой местности. Однако столкнулись они с суровой действительностью, о чём сообщается в анонсе фильма: «1981 год, август, 4 часа утра. Механизированные подразделения войск ЮАР с территории Намибии предпринимают массированное наступление на приграничный ангольский город Онджива. Город в руинах, военный гарнизон практически уничтожен. Мало кто знает, что в ангольских бригадах служат советские военные советники. Они помогают правительственным войскам в войне с партизанами группировки УНИТА. В стране уже много лет идёт жестокая гражданская война. Несмотря на опасность и тяжёлые условия, советники живут вместе с семьями. В то утро четверо советских погибли, один попал в плен. Так вышло, что две женщины и пятилетний ребёнок оказались «отрезанными» от мужчин, одна из женщин ранена. Как выжить под обстрелами, без медикаментов, еды и воды в африканской саванне? Но эти женщины смогли пройти пешком почти 500 км, сумели спастись и в конце концов найти своих мужей».

Все, кто в те годы находился в Луанде, не ощущали остроты военного противостояния с УНИТА, однако в городе действовал комендантский час, и ближе к ночи начиналась такая пальба из огнестрельного оружия, что первое время мы долго не могли заснуть: казалось, что пули могут влететь в окно. Со временем уже не спали от того, что не было привычного шума стрельбы. Периодически кого-то подстреливали ночью, и тишину разрывал пронзительный крик раненого нарушителя комендантского часа. Машины советских специалистов, особенно с дипломатическими номерами, пропускали свободно, но по ночам старались ездить только в исключительных случаях. Празднование первого Нового года прошло под грохот канонады: с крыши окружающих домов стреляли из всех видов стрелкового оружия, трассирующие пули расцвечивали ночное небо яркими пунктирами, периодически палили из гранатомётов, в небо взлетали

сигнальные ракеты, вдалеке строчил ДШК и ухали безоткатные орудия Б-10. Создавался эффект полноценного боя. Главное было не высовываться из окон и не выходить на балкон. Шальные пули, утыкаясь в фасад здания, падали на асфальт перед домом. Залетали они и на территорию нашего посольства. Утром дипломаты обнаруживали их сквозные следы и вмятины, оставленные на кузовах припаркованных во дворе новеньких автомобилей при падении на излёте. Все последующие празднования Нового года проходили так же. Один из них запомнился тем, что после возвращения с приёма в посольстве, мы с женой попали под обстрел. Это произошло рядом с домом. Припарковав автомобиль на улице, нам предстояло пройти всего 10 метров до подъезда, как вдруг из темноты раздалась автоматная очередь. Стреляли в нашу сторону, но, видимо, не прицельно. Пули просвистели где-то рядом. Мы затаились за автомашиной и просидели так несколько минут. Стало тихо, и мы резко рванули в подъезд. Обошлось. Может быть, кто-то из ангольских недругов так хотел развлечься, ведь оружия на руках в то время было немерено.

Выходить жёнам и детям из дома, чтобы погулять по улице, не разрешалось. Утром детей отвозили на автобусе в школу при нашем посольстве, расположенную в центральной части города, и на нём же в обеденное время после уроков развозили по домам. Члены семьи целыми днями вынуждены были находиться взаперти в душной квартире. Это было тяжёлое физическое и моральное испытание. Вот почему в первый же отпуск многие старались оставить детей на родине со своими родными. Но без детей было ещё хуже. Оставались только щемящие душу письма с родины с новостями от родных и близких.

Старые кондиционеры тарахтели так, что их лучше было не включать. Они часто выходили из строя, а замену найти было практически невозможно. Стали привозить наши, бакинского производства, явно не рассчитанные на такую

жару и влажность. Практически все они быстро ломались. Ходили друг другу в гости, благо много «совьетикуш» (советские граждане) жили в одном доме или рядом. Жены пили чай, вели надоевшие всем беседы, пока мужья выполняли свой интернациональный долг, временами задерживаясь на работе допоздна.

На улицах Луанды было грязно, мусор из окон многоэтажек сбрасывался из окон прямо во двор, что неминуемо вело к появлению огромного количества крыс. В вечернее время крысы буквально «порхали» под ногами при приближении к подъезду. Периодически ангольцы всё же устраивали субботники, или dia da limpeza, — день уборки, когда весь мусор собирался всем двором и увозился на свалку. Организовывался субботник по настоянию кубинцев, которые в то время были опорой власти МПЛА в контролируемых ею районах, включая Луанду. На следующее утро можно было опять слышать уханье летящих и разбивающихся о землю выброшенных из окон цветных пластиковых пакетов и огромных чёрных мешков. И так до следующего субботника, который наступал только тогда, когда во дворе скапливалась огромная гора мусора и пищевых отходов. Жаркий и влажный воздух способствовал быстрому гниению и распространению по округе ужасного запаха.

Ангольские тараканы — отдельная история. Длиной со спичечный коробок они летали по квартире и садились там, где им заблагорассудится: на столе, голове, платье... В условиях тотальной антисанитарии бороться с ними было крайне сложно. Спасало только одно химическое средство — ядовитый корм, который разбрасывался по квартире перед сном. Купить его можно было в специальном магазине для дипкорпуса г. Луанды, и могли это сделать только те, кто имел там аккредитацию. Других эффективных средств просто не было. От употреблённого яда тараканы раздувались и разрывались на части. Ночью можно было слышать канонаду небольших хлопков. Утром оставалось просто

подмести и помыть пол. На какое-то время тараканы исчезали, чтобы через месяц-два появиться вновь. Всё повторялось с самого начала.

Периодически на полу квартиры вдруг появлялись караванные дорожки рыжих муравьёв. С ними тоже нужно было воевать. Но тараканы и муравьи по сравнению с малярийным комаром казались пустяком, мелочью, ибо последствия укуса этого кровопийцы были непредсказуемыми. Если вовремя не начать лечение, можно было распрощаться с жизнью. Такие случаи в нашей колонии были. Насекомое можно было легко отличить от обыкновенного комара по размеру и по тому, как он сидит, высоко поднимая туловище и образуя угол к поверхности. У обыкновенных комаров туловище располагается параллельно поверхности. Человек заражается малярией от самок малярийного комара. Следить за посадкой, а тем более за полом комаров — за гранью здравого смысла. Укус может произойти где угодно: дома во время сна, на улице, в машине, на пляже. Кстати сказать, малярия ежегодно уносит более миллиона жизней по всему миру (больше, чем туберкулёз и пневмония). Особенно сильно страдают дети Африки: на их долю приходится до 75% смертельных исходов малярии в мире. Каждые тридцать секунд от этой болезни умирает один ребёнок. Будучи крайне опасным, это заболевание не раз влияло на исторические события: например, становилось причиной смерти известных людей (Данте, Колумб, Александр Македонский); являлось определяющим фактором в разных войнах; приводило к упадку целые страны. В отличие от Гвинеи 70-х, когда я первый раз испытал не себе, что такое малярия, и врачи не могли долгое время её диагностировать, в Анголе всё было наоборот: при первых же приступах назначалась процедура лечения таблетками, которая ставила пациентов на ноги за 3 дня. Говорят, что схема была разработана кубинскими врачами, которые в то время эффективно боролись с малярией у себя на родине.

В результате болезнь на Кубе полностью победили. За время пребывания в Анголе я ещё дважды перенёс малярию, оставлявшую длительную слабость и проблемы с печенью на долгие годы вперёд. Очень нехорошая вещь! Спасались от комаров по-разному: спали под москитными сетками, в холодное время носили плотно прилегающую одежду, чаще употребляли спиртное. Ходили слухи, что это помогает. Особенно популярен в Анголе, как и во всех «малярийных» странах, был коктейль джин-тоник. В своё время солдаты британской Ост-Индской компании, участвующей в колонизации Индии и ряда стран Востока, открыли этот напиток, смешав тоник с популярным тогда крепким алкогольным напитком из зернового спирта с добавлением растительных пряностей, таких как можжевеловая ягода, кориандр, миндаль и др. Сделано это было с одной целью забить резкий вкус хинина — вещества, получаемого из коры хинного дерева, которое с успехом использовалось для борьбы с малярией и служило основой для тоника. В современном джин-тонике содержание противомалярийного вещества — хинина — настолько мало, что даже выпив его в количестве нескольких вёдер можно лишь «посадить» свою печень, не добившись даже мало-мальски какого-либо эффекта. Современные исследования показывают, что противостоять малярии алкоголем не стоит, а предлагаемый коктейль джин-тоник является всего лишь маркетинговым ходом, когда рекламируется в качестве средства для профилактики болезни. К сожалению, получить укус малярийного комара можно было и в редкие моменты приятного времяпровождения на отдыхе.

Основных развлечений было два — кинофильмы в посольском клубе по вечерам под открытым небом и отдых на океане в воскресенье. Воскресную рыбалку и купание в океане ждали все, особенно дети. Выезжали на песчаную косу, прикрывающую бухту Луанды, или в район резиденции президента страны Футунгу ди Белаш. «Коса» на самом

деле представляла остров под названием Ilha de Luanda (Остров Луанды), соединённый мостом с главной магистралью города Авенида-ди-Куатру-ди-Феверейру, проходящей вдоль набережной. Рыбу ловили спиннингом, или просто забрасывали леску с привязанным грузилом и десятком крючков на поводках, намотанную на жестяную банку изпод пива или колы. Когда был клёв, рыба хватала крючки с приманкой из солёных мидий, как сумасшедшая. Мидии продавались, точнее, обменивались на сигареты на мосту при въезде на косу. Ангольцы нас уже ждали с самого утра. Спиннинг дрожал, а леска напрягалась, как натянутая струна. Достать из воды 5-8 средних рыбёшек, заглотивших крючки, казалось задачей невероятно сложной, но выброшенный на песок пляжа улов приводил в восторг всех, особенно детей. Иногда крючок хватали барракуды (морские щуки). Их редко удавалось вытащить на берег: они, как правило, перегрызали или, точнее, перепиливали мелкими зубами даже металлический поводок и уходили вместе с крючком. Огромной удачей было поймать мероу, которая водилась на глубине. Мероу — ценная промысловая рыба. Её мясо — белое, сочное, нежирное — напоминает осетрину. Вкус необыкновенный.

Воскресенье, как правило, был «рыбным днём», готовили собственный океанский улов. Находиться у океана можно было только с раннего утра часов до 10–11. Солнце было настолько активным, что люди, попавшие на пляж первый раз, «сгорали» моментально. Кожа быстро краснела и покрывалась волдырями. Было жалко смотреть на наших моряков с пришвартованных на военно-морской базе гигантских субмарин, одетых в тропическую морскую форму (лёгкие безрукавки и шорты), которые радовались тропическому солнцу после месяцев боевого дежурства глубоко под водой. Через несколько часов под безжалостным солнцем их бледная кожа становилась ярко-красной. Обгоревшие за несколько дней пополнения запасов боевым кораблём они

вновь уходили под воду, ещё долго вспоминая где-то на глубине яркое тропическое солнце. Ангольцы и португальцы, наоборот, только к обеду собирались на пляже и оставались под палящим солнцем на весь день. Они там же устраивали пикники, употребляя спиртное в большом количестве.

Любые поездки по городу на машине после 16-17 часов вечера воскресного дня представляли опасность, так как абсолютно пьяные ангольские водители шумно возвращались с пляжа вместе со своими компаниями. В одну легковую машину набивалось до восьми человек. О соблюдении каких-либо правил дорожного движения не могло быть и речи. Большинство ангольцев не имели водительских прав и управляли транспортными средствами по наитию. В условиях неработающих светофоров столкновения машин на перекрёстках были обычным делом. Перекрёсток, который находился рядом с нашим домом, «прославился» особенно: на нём билось по несколько машин за сутки, заставляя нас при каждом ударе вздрагивать и бежать на балкон, чтобы посмотреть последствия аварии. Ангола научила внимательно смотреть по сторонам и всегда думать «за того парня», особенно когда садишься за руль. Тех же наших граждан, кто, управляя автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, совершал аварию, к тому же с человеческими жертвами, ждала жестокая расправа местных. Лучшее, что можно было сделать в такой ситуации это оградить водителя от самосуда, быстро отправив его в Союз. Для этого требовалась незамедлительная реакция нашего консульского отдела. Таких случаев на моей памяти было несколько.

Некоторые не выдерживали напряжения пребывания в стране, снимая стресс алкоголем, поэтому вынуждены были покинуть её уже в первые месяцы своего приезда. Тропическую Африку я уже «попробовал» в Гвинее, но членам семьи и другим специалистам это было в диковину: красная земля от обилия железа, тропические ливни, густая

зелёная растительность, высочайшая влажность. В жаркий сезон (это наша зима) на улице старались не задерживаться. Чтобы пережить жару, уезжали домой на «сиесту». Рубашки меняли два раза в день как минимум. Дневной перерыв с 12 до 15 был обязательным, и его, как правило, использовали для сна. Но перед этим нужно было выстоять очередь в посольстве. Продавали хлеб, который специально пекли для наших дипломатов и специалистов по определённым дням. Шла война, и в стране был тотальный дефицит всего. Основным способом приобретения свежих овощей, фруктов и морепродуктов у ангольцев стала «трока» (от португальского troca — *обмен*, или бартер). За бутылку водки, которая стоила в посольском магазине 1,15 доллара, можно было «купить» коробку отборных помидоров, королевских манго, десяток плодов папайи или «кайшу» — связку бананов, которая срубалась на фазенде, что в нескольких километрах от Луанды, и загружалась в багажник автомобиля. Это 10-15 кг. Бананы быстро дозревали, становились мягкими, и мы не успевали их поглощать, раздавая соседям. На песчаной косе, что в пределах города, на водку или сигареты можно было выменять отборные королевские креветки, очищенные мидии или свежайшую, только что выловленную рыбу. Сейчас мы вспоминаем об этом с сожалением. Такой возможностью практически не пользовались. В те времена на родине морепродукты были не так популярны, как сейчас. Это были только мелкие креветки, которые в 80-х стали предлагать в пивных ресторанах. Мы не знали и не понимали, что это такое. Да и стоили они намного дороже, чем солёные сушки или скумбрия. В еде предпочитали мясо, которое было в дефиците. Хорошее мясо нужно было «доставать». Самая востребованная профессия в СССР — это продавец мясного отдела, или попросту мясник. К «рыбному дню» в советских столовых относились с пренебрежением. В Анголе, впервые попробовав только что выловленные дары моря, мы учились понимать их вкус.

Если морепродукты были рядом, в черте города, то за манго, помидорами, авокадо, бананами и папайей нужно было выезжать за его пределы, что категорически запрещалось. Однако, владея языком, можно было легко найти пути общения с хозяевами окрестных фазенд и таким образом постоянно снабжать своих и соседских детей свежими дарами природы. Это было довольно рискованно. Выезжали в город в одиночку, в обеденный перерыв, пока все отдыхали, при этом всегда были готовы к любому развитию событий, вплоть до появления диверсантов УНИТА. Успокаивало только то, что фазенда находилась по дороге к резиденции президента страны, рядом с хорошо охраняемым штабом кубинской военной миссии. Другого способа приобрести свежие фрукты и овощи в Анголе в то время не представлялось возможным.

В центре Луанды находился продуктовый рынок, но жуткая антисанитария отталкивала. Побывав там однажды, мы не рисковали больше приезжать в этот район. Белых там не было. В посольском магазине продавались замороженное мясо, консервы и лучшие на тот момент отечественные сорта водки и коньяка. Вот почему спиртное закупали коробками. Друзья из военной миссии — наши соседи — такими привилегиями не пользовались. Спиртное им было положено только по праздникам, да и то в ограниченном количестве. Правда, когда главный военный советник в Анголе, в те дни генерал-полковник К.Я. Курочкин — глава советской военной миссии в этой стране, получил свою третью генеральскую звезду, поступило распоряжение отпраздновать это событие достойно, в связи с чем прапорщикам и офицерам разрешили закупить на семью по две бутылки водки ёмкостью 0,75 л и 0,5 л, одну бутылку коньяка и бутылку шампанского одновременно. Это было невиданное послабление, которое никогда больше не повторилось. В советской военной миссии практически действовал сухой закон. Спиртное разрешалось продавать в своём магазине

только по случаю национального праздника, да и то в ограниченном количестве: одна бутылка водки или коньяка на выбор на семью и немного вина или шампанского.

В условиях тотального напряжения и скуки развлекали себя сами. Гостей созывали по любому поводу — отпуск, повышение по службе, новое звание, возвращение из отпуска, дни рождения и т.д. Но самая главное, что garafa, или бутылка, превратилась в Анголе в основную денежную единицу — за всё можно было рассчитаться спиртным. Местная валюта — кванза — в столице и её окрестностях абсолютно ничего не стоила. Таким же способом можно было организовать бартер с нашими рыбаками. Им приходилось туго без спиртного. По полгода моряки не сходили на берег, работая на судах в составе советско-ангольской рыболовецкой экспедиции, включавшей в себя целую флотилию траулеров, которая вылавливала сотни тысяч тонн рыбы в ангольском секторе Атлантики. Прибрежные воды Анголы бороздили испанцы, португальцы и другие иностранцы. Часть выловленной рыбы продавалась им же, а часть — ангольскому правительству. По знакомству и за пачку сигарет, переданную охране, на машине с дипломатическими номерами иногда можно было подъехать прямо к пирсу рыбного порта, подняться на борт одного из наших рефрижераторов и у экипажа судна выменять за 2-3 бутылки нашей водки огромный мешок отборной рыбы, королевских креветок и хвостов лангустов, уже очищенных и замороженных.

С нашими экипажами рыболовецких судов были связаны и крайне неприятные воспоминания. Отбыв в море свою полугодовую вахту, они менялись на новый состав, который прилетал из Союза. При сходе на берег за несколько часов до отлёта домой рыбакам предоставлялась возможность отовариваться в магазине советско-испанского совместного предприятия «Совиспан», где продавалось всё — от ширпотреба до продуктов и спиртного. Предприятие было создано в 1971 году для обслуживания рыбаков

и имело целью поддержать экономику испанского острова Тенерифе. Чтобы снять накопившийся стресс от каторжной работы в море, рыбаки быстро заливались спиртным и практически в коматозном состоянии попадали на борт Ил-62, направляющегося на родину. Проспавшись в полёте некоторое время, они приступали к продолжению «банкета», ища себе развлечений. Громко матерились, скандалили с пассажирами. Случалось, раскачивали огромный лайнер: вставали по бортам и качались, как на качелях. Ощущения не из приятных. Поскольку судов в совместном ангольском предприятии было много, то основными пассажирами Аэрофлота были рыбаки. Спорить и ругаться с людьми, которые после схода на берег за шесть месяцев командировки впервые дорвались до алкоголя, не имело смысла. Они, как правило, были невменяемы. Членам экипажа с большим трудом удавалось сохранять спокойствие и молиться, чтобы всё обошлось. Требования к пассажирам в те времена не были такими строгими. Лететь было долго, и свой алкоголь, взятый на борт, употреблять не возбранялось. Каждый моряк говорил себе, что прилетал в Анголу в первый и последний раз, проклиная тот день, когда он завербовался на рыболовное судно. Но заработанные за полгода деньги быстро спускались, и при очередном возвращении из отпуска можно было встретить всё те же лица, направляющиеся в страну за «длинным» рублём. Иногда Аэрофлот не справлялся, и тогда моряки летали через Париж компанией «Эйр Франс», после чего в западных журналах появлялись фотографии наших ребят, бредущих по лётному полю к аэровокзалу французской столицы все как один с огромными чемоданами-магнитолами «Шарп-777», приобретёнными в «Совиспане». Фото, как правило, сопровождалось язвительной надписью по поводу уровня благосостояния в СССР.

Знание иностранного языка — великая сила, особенно если живёшь в стране, где от этого зависит твоё

существование. В условиях тотального дефицита в Анголе знание португальского открывало многие двери. К примеру, если нужно было достать дефицитнейшие газовые баллоны, которых не было на рынке, — ехал в «Сонангол» (государственная нефтегазовая компания), отремонтировать автомобиль — на сервис к знакомым португальцам, приобрести овощи — на фазенду и т.д. Расплачивались только «гарафой». За кванзы практически ничего нельзя было купить, и никто ничего не делал. Попав однажды в серьёзную аварию, я отремонтировал автомобиль за 6 бутылок виски. По-другому никак. Кванзы никого не интересовали. Но и договариваться с местными гражданами нужно было уметь. В этом смысле навыками кросс-культурных коммуникаций с учётом национальной специфики овладевали не от хорошей жизни. Каждый раз, делая перевод в ангольском банке, я приносил туда продукты — масло, сахар, печенье или конфеты — и передавал их местным сотрудникам, чтобы, с одной стороны, ускорить процесс, с другой — хоть как-то их поддержать. Страна голодала. Искусство «доставать» в условиях полного отсутствия товаров и услуг в Анголе приобретало практическое значение. У моего шефа регулярно вскрывали машину, оставленную во дворе, разбивая маленькое треугольное стекло, расположенное на задней боковой части кузова. Приходилось обращаться к своему знакомому механику на станции техобслуживания «Вольво», где за бутылку виски его устанавливали вновь. Машины марки «Вольво» были популярны в Анголе. На них ездили все иностранцы, и со временем это стекло стало настолько дефицитным, что требовалось уже две бутылки для его приобретения и целая спецоперация по выносу запчасти со станции. Договорившись с механиком, я отъезжал на почтенное расстояние и ждал. Похоже, механик попросту снимал стекло с новых автомобилей, приходивших из порта на станцию. Другого пути достать эту деталь просто не было. Заказ на

«Вольво» в Швеции исполнялся обычно в течение трех-четырёх месяцев, ведь все товары из Европы направлялись по морю. Многие из них до клиентов так и не доходили, исчезая на берегу в пределах территории таможни. Дипломат высокого ранга, коим являлся военный атташе, не мог передвигаться по городу с разбитым стеклом — положение обязывало, к тому же опасно было оставлять машину на улице в таком состоянии — могли угнать. Пятиминутная работа моего ангольского друга, и стекло было на месте. Но ... ненадолго. Раз в три месяца его опять разбивали, и всё повторялось сначала.

По роду своей службы мы курировали все экипажи наших военных кораблей, прибывающих в Луанду на боевое дежурство. Корабли становились к причальной стенке на военно-морской базе Naval, и мы часто бывали в гостях у наших моряков, в том числе и на подводных лодках. На атомные не пускали, но дизельные изучили досконально. Если раньше я считал, что лётчики — это уникальные люди, то после знакомства с нашими моряками, понял, эти люди тоже принадлежат к касте особо избранных. Расхожая фраза о «тяготах и лишениях воинской службы» имела физическое воплощение. Казалось, как можно месяцами находиться в металлических кубриках или спать в этажерках на дизельных подводных лодках, пробираясь между рядами к своей так называемой кровати, где и повернуться-то на бок удавалось с трудом. В кормовом отсеке лодки моряки спали прямо на торпедах, разложив на них матрасы. Замкнутое пространство давило на психику. Было нестерпимо жарко. Но для экипажей подлодок и кораблей это была обычная служба, и они поддерживали высочайший уровень боеготовности. Было видно, как морские офицеры и мичманы беззаветно любили свою профессию, отказываясь ради неё от многих жизненных благ. Каждый был готов незамедлительно выполнить свой долг. Чувствовались выучка и профессионализм.

Очень часто на морскую базу Луанды подходил большой десантный корабль с морпехами на борту. Как правило, он сменял такой же, постоянно дежуривший на базе. Морпехам ставилась задача в опасных случаях обеспечивать эвакуацию наших специалистов, которых в Анголе насчитывалось уже несколько тысяч. Временами договаривались с моряками о совместном отдыхе, чаще всего о рыбалке, но не совсем обычной. Несколько старших офицеров и матросов, спустив катера за борт, отправлялись в открытый океан, подальше от города. В нашу задачу входила организация спиртного. Уже в море начинался поиск кочующих стай огромных рыб под названием «Капитан». В стаю бросалась противопехотная граната, коих у моряков было огромное количество (их использовали для охраны кораблей от диверсантов во время стоянки на военно-морской базе, и за сутки за борт выбрасывалось до 500 штук), после чего на поверхность всплывало несколько крупных особей. Матросы проворно ныряли в воду, собирая рыбу в катер. Пикник организовывали где-нибудь на пустынном пляже подальше от города. Пока варилась уха, наши жёны и мы сами упражнялись с морскими офицерами в стрельбе из ПМ и автомата Калашникова по пустым банкам и бутылкам, установленным на берегу. Моряки знали толк в приготовлении рыбы. Это было одно из самых вкусных блюд, которое мне приходилось когда-либо пробовать. Ведь рыба была наисвежайшая. Пикник, как правило, заканчивался пением патриотических песен, одна из которых, изначально про Одессу, имела такой припев: «Ах Луанда, жемчужина у моря...». Третий тост всегда был за тех, «кто в море, в тюрьме и в Анголе». Наверное, потому, что в Анголе было тяжело всем, особенно кто был «в поле», нёс нелёгкую службу на кораблях и в блиндажах ангольской саванны, отсчитывая дни до окончания командировки.

Иногда целые эскадры советских боевых кораблей подходили к берегам Анголы с целью пополнения запасов

и демонстрации нашей военной мощи [ФОТО 10]. В последнем случае это были официальные визиты, которые готовили заранее по дипломатическим и военным каналам. Вспоминается визит осенью 1983 года тяжёлого авианесущего крейсера «Новороссийск» — так назывался наш авианосец — с группой кораблей прикрытия [ФОТО 11]. На крейсере базировались палубные штурмовики Як-38. В силу своих исполинских размеров корабль зайти на базу не смог и оставался на рейде. Нас же к нему доставили катерами по морю. Впечатление незабываемое: плавучий город с десятиэтажный дом, где можно было легко потеряться. Между палубами курсировали лифты как в многоэтажном здании. Погуляв по крейсеру и осмотрев помещения, среди которых были комната психологической разгрузки, столовая, тренажёрный зал, сауна и целый госпиталь, мы стали ждать прилёта на борт президента Анголы Жозе Эдуарду душ Сантуша. Офицеры экипажа и сотрудники аппарата нашего военного атташе, одетые в парадную белую форму, наблюдали за небом, оставаясь в строю. Душ Сантуш со свитой ангольских высокопоставленных военных приземлился на палубу, обошёл строй и поприветствовал каждого, пожав руку. Так я встретился с президентом ещё одной африканской страны. Мы обменялись приветствием на португальском. Начался осмотр крейсера. Тут кто-то предложил душ Сантушу сесть в кабину нашего истребителя, стоящего на верхней палубе. Только он занял место пилота, как вдруг платформа, на которой находился самолёт с президентом, резко пошла вниз и через какое-то время опустилась в трюм. Шторки люка сверху закрылись. Президент исчез. Что тут началось! Президентская охрана в панике забегала по палубе, не зная, что делать. Быстро сообразили, что президента нужно возвращать. Включился подъёмник, и самолёт показался на верхней палубе вновь. Бледный душ Сантуш молча спустился из кабины вниз, но ничего не сказал. Африканцы умеют сохранять спокойствие и контролировать эмоции.

Наши же продолжали экскурсию как ни в чём ни бывало. Думаю, что некоторые товарищи за подобную «инициативу» впоследствии получили что-нибудь из 42 только литературных синонимов к слову «нагоняй», зафиксированных в толковом словаре. Про себя я отметил, что ангольцы нам очень доверяли тогда: экипаж вертолёта, доставивший президента на борт, был нашим, ведь никакой другой просто бы не посадил машину на палубу авианосца или тяжёлого авианесущего крейсера — нужна была специальная подготовка. Мы искренне дорожили нашей дружбой, как, впрочем, и ангольцы. С тех пор мы многое растеряли.

заслуживающими внимания Отдельными ми в Анголе были приёмы в честь наших национальных праздников — годовщины Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября и Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР 23 февраля. Если первый организовывало посольство, то второй — аппарат военного атташе, т.е. непосредственным организатором был я. Нужно было подготовить и разослать официальные приглашения, заказать место проведения праздника, составить меню, организовать приготовление блюд, закупить напитки, заготовить лёд и многое другое. Никогда не забуду свой первый приём. Это несколько сотен человек приглашённых. Как правило, для этих целей мы договаривались с кубинцами об использовании клуба кубинской военной миссии на вилле Quinta Rosa Linda (Кинта Роза Линда) вблизи резиденции президента Анголы. Место было замечательное, на возвышенности, с потрясающим видом на океан. В центре находилась огромная открытая площадка, где размещались гости. Государственный приём 7 ноября проводился на территории нашего посольского комплекса на высоком дипломатическом уровне, представленным министром иностранных дел Анголы и рядом других министров. На наш приём 23 февраля приходили все высокопоставленные ангольские генералы, включая и министра обороны, чего

не скажешь про наше время. Мне приходилось бывать на приёмах современной России в африканских странах. Уровень представительства на нашем посольском приёме это, в лучшем случае, глава департамента восточноевропейских стран МИДа, а на военном — глава управления внешних сношений местного генштаба. Россия обязана становиться сильнее и восстанавливать прежний авторитет и уважение Советского Союза в Африке. Слишком много мы отдали этому континенту, чтобы всё потерять!

Но вернёмся к приёму 23 февраля 1983 года. Для обслуживания гостей во время мероприятия мы всегда обращались за помощью к нашим морякам. Старшим воинским начальником всех экипажей военных кораблей, находящихся на базе в Луанде, был командир бригады в звании капитана 2-го или 1-го ранга. Он и давал распоряжение командирам пришвартованных кораблей о выделении команды для участия в приёме. Прибыв накануне нашего главного представительского мероприятия на морскую базу, я встретился с подготовленной командой участников. Все как на подбор: комсомольцы, спортсмены и даже члены партии. Проведя инструктаж и распределив обязанности, мы забрали моряков на своих машинах на виллу к кубинцам, где они приступили к подготовке приёма. С одеждой ничего придумывать не пришлось. Все были в форменных чёрных брюках и белых рубашках без погон, выделяясь среди гостей как обслуживающий персонал. Угощения к приёму готовили, как правило, наши жёны, а также жёны офицеров штаба военной миссии. Было вкусно и всего много. В основном это были традиционные русские закуски и блюда. Рыбой разживались у наших рыбаков. Из Москвы присылали дефицитные консервы и даже чёрную икру в банках. Фрукты и овощи доставали в обмен на водку. Столы в итоге ломились. В голодной воюющей Анголе приглашённые приходили в том числе поесть. Могущество СССР и нашей Армии ярко демонстрировалось на праздничном столе. Несколько

лет назад я побывал на приёме российского посольства в ЮАР в честь нашего государственного праздника — Дня России. Был неприятно удивлён, когда вместо нашей водки стали разливать французскую Grey Goose, это при том, что в Южной Африке можно свободно купить и «Столичную», и «Русский стандарт», и даже «Белугу». Русскую водку знают везде. Это брэнд нашей страны. Все хотят попробовать её на приёме. Было очень скученно, люди толпились в душном зале. Возмущались многие, но никто из посольских так и не ответил на вопрос, где же наше российское достоинство?

Наш праздник в Луанде продолжался, играл приглашённый кубинский ансамбль, было полное единение хозяев и приглашённых, пока не стал замечать, что матросов в зале становится все меньше. Гости ходили с пустыми фужерами и стаканами, их никто не обслуживал. В импровизированных барах приглашённые наливали уже сами себе. Вечер кое-как завершился, гости стали прощаться и уходить, и тут мы обнаружили, что матросы как сквозь землю провалились. Подумалось о самом худшем — массовом побеге, но бежать, если честно, в те времена было некуда, к тому же на дворе уже была ночь. Вилла плохо освещалась, тем не менее мы пошли в темноту. Матросов нашли на земле, в густых зарослях кустарника. Все они были мертвецки пьяны и спали. Рядом лежали пустые бутылки из-под виски. Сложив всех в буквальном смысле штабелями, отвезли обездвиженные тела на корабль. Их так и заносили на борт — как брёвна. Не знаю, какие были потом разборки командиров с подчинёнными, но ребята, что называется, дорвались. Попробовав виски впервые в своей жизни, они и представить не могли, что этот напиток в избыточных количествах валит наповал.

Второй приём 23 февраля 1984 года мы готовили также заранее. С продуктами стало совсем плохо, и было принято решение отправить меня в г. Лубанго, в тот самый 5-й военный округ, где совсем недавно происходили события, описанные в начале повествования.

Провинция Уила, столицей которой являлся Лубанго, известна своим сельским хозяйством и животноводством. Город находился за линией фронта, и мы вылетели туда военно-транспортным Ан-12 вместе с ангольцами и нашими военнослужащими, проходившими в этом районе службу. Накануне УНИТА сбила ангольский транспортник, пересекавший их боевые позиции, который упал где-то в горах. В этой связи обстановка на борту была немного нервная, но всё обошлось. В Лубанго меня встретили сослуживцы по военному Центру подготовки специалистов в Москве, которых я хорошо знал. Все они занимались практически тем же, чем и в Москве, работая с бойцами Народной освободительной армии Намибии (PLAN) — военного крыла СВАПО, но уже в Анголе. Именно благодаря им всего за несколько дней пребывания на юге Анголы я познакомился со многими интересными достопримечательностями, которые оставили впечатление на всю жизнь. Прежде всего, поразила природа: вечнозелёные просторные поля сельхозугодий, бесконечная саванна, красивейшие скалистые горы, водопады, статуя Христа, как в Рио-де-Жанейро, и бездонное голубое небо. А самое главное — мягкий, комфортный климат, не такой жаркий и влажный, как в Луанде. Мы объезжали окрестные фермы, договариваясь о покупке продуктов. В итоге всё было быстро согласовано. Владелец свинофермы — немец, приехавший в Анголу из ГДР, согласился продать четырёх поросят; овощи и фрукты вообще не являлись проблемой. Было такое изобилие продуктов, что хотелось набрать впрок. В этом районе страны всё ещё в ходу была местная валюта — кванза, и, заплатив наличными в общей сложности эквивалент стоимости нескольких бутылок виски в столице, я оставил закупленное добро в холодильнике у немца. Следующий рейс в Луанду военно-транспортного самолёта был назначен только через 3 дня. Вечером вместе с бойцами и нашими инструкторами мы отправились на охоту в горы. Подстрелив из автомата Калашникова несколько

горных козлов, намибийцы приготовили целый чан мяса. Сделано это было мастерски, со специями и травами. Ужинали у костра под звёздным ангольским небом, под рюмку водки, слушая красивое хоровое пение намибийских бойцов. Много позже, уже в наше время, путешествуя по континенту и останавливаясь в провинциях стран Западной и Восточной Африки, я с удовольствием заказывал козлятину в местных ресторанчиках, вспоминая те далёкие времена на юге Анголы. Очень вкусно!

Вечером следующего дня полковник Н.В. Курушкин (ныне покойный генерал-майор в отставке), в то время руководитель группы советских военных специалистов при руководстве ПЛАН, получил указание от руководства в Москве организовать прибытие личного состава в порт Намибе (бывший Мосамедиш), что на побережье Атлантического океана рядом с границей Намибии, с целью получения четырёх автомобилей УАЗ, доставленных в порт только что прибывшим советским судном [ФОТО 12, 13]. Николай Васильевич предложил мне поехать в Намибе с его командой в качестве одного из водителей, чтобы помочь перегнать УАЗики в центр подготовки бойцов ПЛАН под Лубанго, а заодно посмотреть живописные окрестности. Я с радостью согласился. Выехали на следующий день рано, все на одной машине. Ещё с вечера я был полностью экипирован, получив камуфляжную форму, АКМ и гранаты. Предстояло проделать путь по самой красивой и одновременно самой опасной ангольской дороге горного хребта Серра да Леба¹⁵, именуемой в народе «серпантином». Вот как сейчас её описывают в туристических справочниках: «Великолепная природа, заросли манговых деревьев, живописные водопады, в которых даже купаются, известного горного хребта в Анголе Серра да Леба, раскинувшегося

¹⁵ Википедия. Серра да Леба. Режим доступа: https://wikiway.com/angola/serra-da-leba/

в провинции Уила, возле города Лубанго, — всё это бесконечно привлекает многочисленных туристов. Но Серра да Леба имеет свою «изюминку». Это чуть ли не самая знаменитая достопримечательность Анголы — дорога в виде серпантина, соединяющая гористую местность Лубанго с городом на побережье Атлантического океана Намиб. Построенный в начале семидесятых годов прошлого века португальцами серпантин Серра да Леба был очень важной стратегической точкой во время войны за независимость. Если подняться на специальную смотровую площадку на отвесной скале, перед взором открываются такие невообразимые впечатляющие виды, что дух захватывает: великий хребет Серра да Леба и извилистый, петляющий дорожный серпантин. С этой площадки идеально просматриваются дорога и окрестности, поэтому во время войны 1975-1986 гг. за неё велись ожесточённые бои между юаровской армией и бойцами МПЛА, поддерживаемыми советскими и кубинскими военными. Ангольцы после боя сбрасывали оставшихся в живых пленных юаровцев вниз. По рассказам местных жителей, у подножия скалы под смотровой площадкой до настоящего времени находят кости людей. Так что место это жуткое и кровавое. Площадку на всякий случай до сих пор охраняют военные. Серпантин Серра да Леба — визитная карточка и символ Анголы, изображение которого находится даже на местных деньгах Анголы (купюра в 5 кванз). А раньше его размещали на памятных открытках, почтовых марках, сувенирах и многом другом. Серпантин на горном хребте изумителен и днём, и ночью. Хотя сфотографировать его ночью очень проблематично из-за чёрных туманов, покрывающих на высоте 1800 метров абсолютно всё. Только очень удачливым и умелым удаётся запечатлеть на плёнке это потрясающее зрелище. Это путешествие оставит неизгладимые впечатления в душах и сердцах любителей истории, гор и всего необычного».

Путешествие действительно оставило неизгладимое впечатление. Хочу напомнить — шёл 1984 год. Южноафриканские «коммандос» пытались контролировать эту стратегически важную артерию, ведущую от побережья и порта вглубь страны, периодически высаживаясь с вертолётов и постоянно её минируя. Мы знали об этом и были счастливы быстро спуститься вниз, встретив на своём пути лишь ангольский блокпост у подножия. Прибыв в порт Намиб, стали ожидать разгрузки машин. Поразило изобилие вялившейся рыбы, разложенной вокруг небольших домиков местных рыбаков на растянутых сетях. Рядом с берегом ходили огромные косяки, которые местные граждане ловили на примитивные удочки прямо с деревянного пирса. В этом занятии, похоже, участвовали все те, кто не ушёл на промысел в море на узких деревянных пирогах, расставляя в воде огромные неводы. Больше всего впечатлили маленькие ангольские детишки, которые, едва научившись ходить, уже держали в руках чёрную суровую нитку с опущенным в воду крючком, сделанным из прочной стальной скрепки. На неё насаживался кусок вяленой рыбы и опускался в воду. Огромная чушка тут же заглатывала его вместе с приманкой. Ребёнок 3-4 лет, не в силах вытащить её из воды, принимался пронзительно кричать. Удивлялся, как ему удавалось ещё держаться на ногах. Подбегали взрослые и доставали улов. Это продолжалось до тех пор, пока вёдра и корзины не наполнялись свежей рыбой. Их относили к прибрежным домикам, где разделкой и раскладкой для вяления занимались в основном ангольские женщины. Пустая тара вновь прибывала на берег, где кипела работа.

Погуляв по побережью и оформив документы на получение новеньких автомобилей, мы распределились по машинам и колонной двинулись в обратный путь. Дело близилось к полудню, и нужно было спешить. Дорога не близкая — 180 км с затяжным подъёмом на плато, как уже отмечалось, высотой 1800 метров над уровнем моря

[ФОТО 14, 15]. Это сейчас можно любоваться ночным видом освещённой дороги, а в те годы преодолевать серпантин ночью было опасно. Проследовав мимо всё того же блокпоста на большой скорости, мы вдруг услышали гул вертолётов. Колонна остановилась, и все бросились врассыпную, приготовившись к отражению атаки. Это были юаровцы. Один из вертолётов пролетел над нашими головами так низко, что крупнокалиберный пулемёт, торчащий из открытого бокового проёма, заставил похолодеть. Он был нацелен прямо на нас. Где-либо укрыться или спрятаться не представлялось возможным, как и убежать. Это была саванна, с редкими деревьями и кустарниками, где всё просматривалось и простреливалось насквозь. Страха не было, было бессилие. Стрелять первыми по вертолёту было занятием бесполезным. Мы стояли и молча наблюдали, как он пролетал мимо. Выстрелов пулемёта не последовало, и мы, облегчённо вздохнув, продолжили путь, приступив к медленному подъёму в гору. Дорога тогда представляла собой разрушенный асфальт и щебёнку, которая периодически осыпалась вниз под воздействием колёс автомобиля. Никаких ограждений в те времена не было. Бросать взгляды по сторонам было нереально, вниз — тем более. Высота, с которой можно было загреметь с обрыва, составляла более 100 метров. Нужно было смотреть только вперёд, прижимаясь к скале, как можно дальше от края дороги. Напряжение огромное. Руки тисками сжимали руль, пот катился градом и застилал глаза. И вот когда мы уже проделали половину пути, двигатель моего автомобиля неожиданно заглох. Все остановились. Николай Васильевич выскочил из своей машины и подбежал ко мне. Его хладнокровию можно было позавидовать, ибо в этот момент из-за гор появился всё тот же вертолёт с пулемётом наизготовку. Вдалеке барражировал другой. Проблему быстро нашли. Оказалось, что в одном из баков закончился бензин, и нужно было переключить рычаг бензобаков (у УАЗа их два). Вертолёт пролетел

мимо. Мы продолжили путь. И вот на одном из опасных поворотов я вновь услышал рокот двигателя в небе, за спиной, понимая, что в следующее мгновение буду изрешечён пулями. Но... вертолёт опять пролетел мимо. Пока мы медленно карабкались наверх, я ещё дважды прощался с жизнью, когда юаровская винтокрылая машина делала боевые заходы с тыла, словно троллила нас, не давая свободно выдохнуть. Камуфляж, в который я был одет, был мокрым от пота. Думаю, мои товарищи испытывали такие же чувства. Внезапно упавшие сумерки дали понять, что мы спасены. Никто ночью летать не будет. До базы оставалось совсем немного, и мы преодолели этот путь без происшествий. Ночь наступила, как и везде в Африке, практически мгновенно, но мы уже были у ворот лагеря. Позже, анализируя действия южноафриканских «коммандос», мы пришли к выводу, что не открыли стрельбы они только потому, что в наших машинах были одни белые. Юаровцы знали, что это русские, а иметь каких-либо осложнений с нами им не хотелось, мы ведь могли и отомстить — поймать вертолёт на ПЗРК не стоило большого труда...

Это был лишь эпизод моей ангольской жизни, связанный с риском для жизни. Наши люди, находящиеся по долгу службы на юге Анголы, рисковали ежедневно. Для них это была обычная работа.

Много лет спустя, занимаясь продвижением российского бизнеса в ЮАР, в качестве исполнительного секретаря Делового совета Россия-ЮАР я познакомился с председателем СНАМЅА (Chambers of Commerce and Industry South Africa — Торгово-промышленная палата ЮАР) южноафриканским буром Яном де Бруином. Как-то мы сидели и пили кофе в деловом центре Йоханнесбурга — Сандтоне. Я рассказал ему эту историю, на что он поведал мне, что приблизительно в это же время он летал на боевом вертолёте на юге Анголы, воюя против ангольцев. Мир действительно тесен! Проживая позже в ЮАР, я встречал много белых

южноафриканцев, гордившихся своим героическим прошлым в борьбе с африканцами, а заодно и с кубинцами, и с нами — русскими. Интересно, что мы не испытывали вражды друг к другу, всегда находили общий язык и даже дружили семьями. Моим хорошим другом на долгие годы стал в прошлом адмирал южноафриканского флота, подводный боевой пловец и диверсант, охотившийся за нашими судами в Атлантике, Гевин Карлсон. На сайте «Союза ветеранов Анголы» есть интересные письма бывших южноафриканских военнослужащих, участников тех далёких событий. Что характерно, все они с уважением относятся к нашим ветеранам и высоко отзываются о боевой подготовке советских офицеров и прапорщиков того времени.

По возвращении в Луанду в Кинта Роза Линда был организован потрясающий приём от имени военного атташе. Кубинские повара приготовили своё национальное блюдо — «поросёнка табака». Распластавшиеся на подносе нежные, но достаточно большие поросячьи тушки, нашпигованные чесноком и покрытые аппетитной хрустящей розовой корочкой, в буквальном смысле смели со стола за несколько минут. Яблоки, сливы и другие фрукты, которых ангольцы не видели годами, уносили с собой. Матросов к обслуживанию приёма на сей раз не допустили. Пригласили жён офицеров и прапорщиков из нашей военной миссии.

Третий приём военного атташе в честь 23 февраля, который я пережил, был не менее впечатляющим. Проводили его на территории посольства. Сменился мой непосредственный начальник, поменялись и вкусы. Предпочтение отдавалось тем продуктам, которыми можно было разжиться у представителей нашей колонии. Бросили клич. Военные моряки пожертвовали замороженные тушки рыбы, из которых получалась великолепная строганина; кто-то передал фрукты и овощи, кто-то — солёные огурчики, что-то купили в магазине, а наши рыбаки из Минрыбхоза подарили огромную деревянную бочку жирной атлантической

селёдки. Поступила команда сделать из неё форшмак. Жёны офицеров военной миссии напекли пирожков, нажарили и натушили рыбы, отварили молодой картошки с укропчиком и, разжившись ржаным хлебом у нашей плавбазы, что было тогда огромным дефицитом, наделали несметное количество бутербродов с прокрученной через мясорубку селёдкой. Бутерброды красиво и разнообразно украсили зеленью. Еда была самая обыкновенная — русская, но как мы скучали по ней. Приём, как всегда, проходил на самом высоком уровне. «Вишенкой на торте» был кубинский ансамбль варьете, который гастролировал тогда в Анголе, выступая перед кубинскими войсками, разбросанными по всей стране. Гости танцевали под зажигательную латиноамериканскую музыку и наблюдали выступление красивых кубинских мулаток в одежде, которую даже «бикини» можно было назвать с трудом. Огромные белые страусиные перья за спиной оттеняли их роскошные загорелые фигуры. Всю еду со стола, как всегда, быстро смели, но бутерброды с форшмаком всё ещё оставались. Их было очень много. Видимо, натанцевавшись и проголодавшись вновь, гости набросились на оставшиеся на столах бутерброды с новой силой. Не прошло и получаса, как народ потянулся к стойкам баров, страдальчески вопрошая: «Пить!» Солёная селёдка сработала как мина замедленного действия. Как назло, накануне прошёл тропический ливень, и влага под воздействием раскалённого дневного солнца испарялась с высокой интенсивностью. Вечером, во время приёма наступила прохлада, но только для тех, кто не пил и не двигался. Остальные же с ног до головы покрылись крупными каплями пота. Рубашки и платья были мокрыми и прилипали к телу. Вскоре закончился весь лёд, который мы заготовили к приёму, а это ни много ни мало — пару сотен килограммов. Мы обычно заказывали его на наших судах-рефрижераторах. Лёд привозили увесистыми блоками, а затем кололи на месте. Уже выпили все прохладительные напитки. Оставалась водка. Её было много. Водки на приёмах тогда не жалели. Как известно, по цвету она не отличается от воды. И тогда толпа, обезумевшая от жажды, с криками «agua» (вода) набросилась на коробки с «Московской» и «Столичной», вливая в себя жадными глотками всё, что было похоже на жидкость. Остановить людей было невозможно. Многие вообще никогда не пробовали водки. История закончилась весьма впечатляюще. Кубинский ансамбль девушек, припав устами к живительной влаге, отключился в кустах. Они, как подстреленные белые лебеди, упали замертво, заснув в перьях. Многих высокопоставленных гостей собирали с газонов и увозили их водители. Но были и те, кого водка раззадорила, и они без устали танцевали под зажигательную латиноамериканскую музыку, льющуюся через огромные динамики, становясь насквозь мокрыми от проступающего пота. Завершить приём удалось лишь под утро. Й ещё долго по Луанде ходили слухи о самом грандиозном мероприятии, который когда-либо устраивали русские. С тех пор отношение к нашей водке было весьма настороженное, но в большей степени позитивное, так как весело было всем. Ангольцам было невдомёк, что во всём был виноват селёдочный форшмак, как, впрочем, и прижимистость некоторых наших товарищей.

Работая в Африке, сделал для себя один важный вывод: никогда не надо экономить на имидже страны, компании, себя. Это и про французскую водку на русском приёме тоже. Африканцы говорят: «You must impress rather than express» (Больше впечатляй, чем объясняй). Африканцы чувствуют сердцем. Согласно африканской пословице, «то, что увидело сердце, глаза не забудут никогда». Если ты искренен в Африке, это обязательно будет оценено. В те далёкие времена великодушия по отношению к африканцам нам было не занимать. Мы чувствовали мощь нашего государства, которое брало слабых под свою защиту. Если и стоит сейчас что-то взять из советского опыта нашего пребывания

в Африке, так это эмпатию, которая была частью нашего воспитания и, как оказалось, основой всей африканской психологии. Вот почему мы были тогда с африканцами на одной волне.

Возвращаясь к времяпрепровождению в Луанде, туризм всё же имел место. По выходным мы часто заезжали в крепость Сан-Мигель¹6 — самое первое оборонительное сооружение Анголы¹7. Крепость и в то далёкое время представляла собой внушительное сооружение, но поскольку шла война, памятники португальским завоевателям и образцы свезённого туда вооружения и техники валялись в полном беспорядке. Делались робкие попытки создать что-то похожее на экспозицию. Посещение крепости особенно нравилось нашим детям. Они с удовольствием лазили по самолётам и артиллерийским орудиям, в то время как взрослые наслаждались потрясающим видом на океан. Крепость была удобной для заезда, поскольку располагалась на пути в город со стороны острова Ilha de Luanda, или «косы», как

¹⁶ Википедия. Крепость Сан-Мигель. Режим доступа: https://ru. wikipedia.org/wiki/Крепость Сан-Мигель

¹⁷ С постройки этой крепости началась история самой Луанды. В 1575 году на корабле сюда прибыл первый колонизатор и губернатор Анголы Паулу Диаш де Новаиш. Уже через год на скалистом утёсе он построил оборонительный форт для размещения своего гарнизона. Вокруг крепости постепенно начал разрастаться город, который в конце XVI века стал сердцем колонии и основной военной базой португальцев. В 1641 году Сан-Мигель подвергся первой серьёзной атаке со стороны голландцев, и они даже смогли здесь остаться и продержаться до 1648 года, до момента, когда Португалия вернула себе контроль над крепостью. Позже здесь открылась тюрьма для врагов колониальной власти. До 1975 года в крепости находилась штаб-квартира вооружённых сил страны. После обретения Анголой независимости от Португалии тут решили создать Центральный музей армии. (Материал из туристического справочника).

мы его называли, — любимого места отдыха и рыбалки для всех советских специалистов и членов их семей.

За исключением нескольких старинных церквушек и вышеупомянутой крепости других достопримечательностей в Луанде практически не было. Однако ещё одна «туристическая» поездка всё же запомнилась, и связана она была с прилётом в Луанду одного высокопоставленного генерала, которого по роду службы должен был встречать и сопровождать военный атташе. По завершении всех дел московский гость вдруг выразил желание съездить на сафари и посмотреть африканских животных, а заодно и главную реку Анголы — Кванзу. К слову, за время трёхгодичного пребывания в стране нам так и не удалось увидеть каких-либо животных. Шла война, и выезжать за пределы столицы категорически запрещалось, а тут вдруг такая просьба. Делать нечего, стали собираться. На всякий случай взял у кубинцев автомат и положил его рядом на сиденье «Вольво». Предстояло двигаться на юг часа полтора-два. Это было самое близкое расстояние до реки. Поскольку годами по дороге никто не ездил, асфальт потрескался и раскрошился, образовав огромные выбоины. В целях безопасности нужно было двигаться на большой скорости. Генерал-майор В.В. Соколин, мой непосредственный начальник и военный атташе в Анголе, был в прошлом военным лётчиком. Он ездил на машине, как летал на истребителе. Я едва поспевал за ним, бросая беглые взгляды по сторонам и на полотно дороги, лихорадочно маневрируя между ямами. Сначала мелькали круглые традиционные ангольские хижины (кимбы), затем появились остовы сгоревшей боевой техники. А вокруг ни души. Чем больше мы удалялись от Луанды, тем меньше мне нравился этот «экологический туризм». Река Кванза, в честь которой названа местная денежная единица страны, — одна из самых больших рек в Африке протяжённостью 965 км. Уже в наше время она стала основой гидроэнергетики страны, но тогда Кванза открылась

нам в своём девственном виде, величественно неся свои воды за горизонт, в сторону Атлантики. Берега реки были покрыты густой зелёной растительностью, которая мешала расслабиться. А вдруг? Нет-нет, тогда я не думал о бегемотах и носорогах. И о жирафах тоже. Мысль была одна: что мы будем делать, если из этой зелени вдруг появятся диверсанты УНИТА? Но всё, слава богу, обошлось. Наш гость долго рассматривал в бинокль берега реки, но так никого и не увидев из «большой африканской пятёрки». Кажется, обратно мы неслись с большей скоростью. Мои коллеги-переводчики, работавшие в те времена в разных африканских странах, рассказывали много интересных историй про наш «военный туризм», когда заезжие начальники просили, к примеру, пошевелить шестом бегемота в болоте, у которого торчали только уши, для того чтобы сделать фото на память; или подъехать очень близко к слону, пытаясь заставить его сойти с дороги. Всё это заканчивалось весьма плачевно. Много позже, постоянно проживая в ЮАР, мне доводилось несколько раз быть в национальных парках и видеть, насколько свирепыми могут быть дикие африканские животные, когда человек вторгается в их частную жизнь. Бегемоты, например, одни из самых агрессивных животных в мире, могут раздавить человека своим весом (до 4,5 тонн) или распороть острыми зубами; слоны могут легко перевернуть хоботом подъехавший близко автомобиль вместе с людьми, а львы и крокодилы — в самом прямом смысле сожрать. Согласно статистике, ежегодно в Африке львы загрызают насмерть около 250 человек, крокодилы атакуют сотни людей, треть из которых погибает, а вот бегемоты убивают не менее 500 человек.

Расставание с Африкой было тяжёлым. Уезжали из Анголы со слезами на глазах. Нелегко было прощаться с друзьями, многие из которых были ангольцами, португальцами и южноафриканцами. Последние особенно часто захаживали ко мне в гости, поскольку знакомы мы были ещё по Москве.

В Луанде они работали в представительстве АНК — организации, которая вела борьбу за свободу Южной Африки. Так сложилось, что на протяжении ещё шести лет после моего возвращения я был связан с африканцами, продолжая их подготовку в качестве преподавателя. 21 марта 1990 года была провозглашена независимость Намибии, а лидер СВАПО Сэм Нуйома, с которым мы периодически встречались в Москве и в Луанде, и я даже учил его младшего сына Джона (ныне покойного), стал первым президентом страны. В этом же году был выпущен на свободу и Нельсон Мандела — борец против режима апартеида и признанный лидер АНК, проведший в тюрьме на острове Роббен 27 лет. В конце февраля 1992 года Россия и ЮАР установили дипломатические отношения. Наша благородная миссия была выполнена.

Поездив некоторое время в качестве инспектора СССР по договору ДОВСЕ по странам НАТО, я принял решение уволиться из армии. Страна развалилась, армия оказалась в полном загоне. Нам стали регулярно задерживать сильно похудевшую от инфляции зарплату. Многие офицеры вынуждены были заниматься частным извозом, мытьём окон, торговлей на вещевых рынках, перегоном авто из Германии, разгрузкой фур и всем тем, что приносило хоть какой-то доход. Нужно было кормить свои семьи. Подготовленных нами людей новая власть стала называть «террористами». Мы окончательно отвернулись от африканцев, фактически бросив их на произвол судьбы, заявив, что Африка нам не нужна. Всё это звучало из уст наших тогдашних государственных деятелей, которые в угоду Западу взяли курс на демонтаж всей системы наших отношений с Африкой. Постепенно нас стали забывать. Но мы не забывали Африку. Те, кто прожил там даже в самых тяжёлых условиях, вспоминал её с теплотой. Многие отмечают, что из Африки невозможно уехать, она навсегда остаётся в душе, потому что Африка — это, скорее, состояние, чем

место. Африка завораживает красотой своей природы, неспешностью жизни, огромным позитивом, заряд которого получаешь с восходом яркого солнца, улыбками местного населения, внутренней эмпатией, исходящей от них. Не случайно многие, кто долгое время жил в Африке, возвращаются туда вновь. Это касается и португальцев, семьями переезжающих в свои колонии; и европейцев, которые когда-то работали в Африке по контракту; и русских, что уехали в африканские страны после развала СССР и не хотят больше возвращаться. При всей своей турбулентности и массе нерешённых проблем Африка дарит спокойствие души и умиротворение. Она меняет психологию европейцев, приспосабливая их к внутренней гармонии, саморегуляции и самомотивации. С учётом опыта уже недавних лет могу отметить, что в Африке белый человек чувствует себя достаточно уютно. Я говорю это без намёка на расизм, наоборот, с большой признательностью и благодарностью к тем из числа местного населения, кто обеспечивает комфорт жизни — няням, служанкам, водителям, готовым трудиться за смешные, по европейским меркам, деньги, дарящим при всём при этом своё искреннее тепло и заботу. Вот почему из Африки не хотят уезжать. После приезда на родину приходится вновь приспосабливаться к достаточно жёсткой, эгоистичной действительности, где, как говорится, «ничего личного», только дела. Период адаптации происходит трудно: замечаешь, что люди не здороваются даже в ответ на твоё приветствие; сигналят тебе в спину, когда ты подаёшь задом с парковки, вместо того чтобы подождать и с улыбкой пропустить тебя; жёстко отвечают на твои вопросы, порой естественные и законные; безразлично относятся к твоим просьбам... Но жизнь есть жизнь. Постепенно привыкаешь к новым реалиям.

Уволившись из армии, я стал заниматься бизнесом в сфере глобальной подвижной спутниковой связи, отвечая за совершенно новое направление, организованное

с нуля, — сухопутный рынок. Изначально организация и система Инмарсат со штаб-квартирой в Лондоне была создана исключительно для обеспечения судов связью. Мы плотно общались с производителями оборудования в США, Норвегии, Дании, Японии. Ежегодные обучающие курсы Инмарсат и маркетинговые конференции проходили по всему миру — от Сингапура и Дубая до Орландо, Лондона, Ниццы, Ганновера, Осло, Копенгагена и других городов. Совершенно уникальные западные технологии, которые мы стали внедрять на территории России, вывели меня на зарубежные рынки. В середине 90-х годов, после проведённой конференции в г. Аруша (Танзания) мы договорились о проекте оснащения удалённых отелей этой страны спутниковой связью. Так я вновь вернулся в Африку. Ангола же ещё раз напомнила о себе в 2016 году, когда я оказался в Луанде уже в новое время в качестве участника заседания МПК. Тридцать лет спустя Луанда сильно изменилась. Из маленького уютного зелёного городка с населением 300 тысяч человек она превратилась в крупный семимиллионный мегаполис с огромным количеством новостроек, которые из-за недостатка финансирования в связи с падением мировых цен на нефть так и остались стоять серыми остовами с зияющими пустотами окон по всему центру столицы. Город оказался в окружении многокилометровых трущоб, образованных беженцами со всей страны за долгие годы гражданской войны. Знакомая грязь неубранных улиц встречала на каждом шагу. Приятное впечатление оставила лишь одна набережная, которую не без помощи, кажется, бразильских компаний преобразили на всём многокилометровом протяжении бухты, сделав местом для отдыха и занятия спортом. Тотальная урбанизация привела к вырубке огромного массива деревьев, превратив город в каменные джунгли. В политике и бизнесе появилась прослойка хорошо образованных и состоятельных людей, владеющих английским, на фоне

огромного количества абсолютно нищих и обездоленных масс населения. Один из ангольцев окликнул меня по-русски, когда я выходил из отеля. Оказалось, бывший военный, полковник, в прошлом — командир бригады ВДВ. Учился в Рязани. Очень обрадовался встрече с россиянином. Его явно распирало от желания поговорить «за жизнь». Расположились за столиком соседней пивной, представлявшей из себя сбитый из листов железа короб, ржавый металлический стол и четыре обшарпанных стула. Пиво оказалось на редкость хорошим. Полковник поведал мне о своей жизни, вспоминая с любовью своих российских преподавателей и советников, годы, проведённые в нашей стране на учёбе. О развале СССР и последующих отношениях нашей страны с Анголой говорил с болью, осуждая сегодняшнюю действительность и связывая обнищание населения с коррупцией и личным обогащением правящей верхушки страны. Слушая его, я с сожалением понимал, что время таких подготовленных нами людей, нашей «мягкой силы», на которую можно было опереться в Анголе, да и во всей Африке, уже упущено. Люди постарели, с благодарностью вспоминают нас, но ничего конкретного в наших интересах сделать не могут. У власти уже другие — более жёсткие и прагматичные. С ними и предстоит налаживать отношения в Африке. Мы тепло распрощались. Полковник вновь пожаловался на своё бедственное положение и попросил немного денег на обед. Отказать ему я не смог. В этот же день во время прогулки по знаменитой косе ограбили моего коллегу. В то время как мы вместе шли по достаточно людному месту в поисках ресторана или кафе, чтобы пообедать, на коллегу набросился грабитель и буквально содрал с него золотую цепочку, оставив кровавый след на шее. Произошло это средь бела дня на глазах у публики. Грабитель благополучно исчез в придорожных зарослях. Расслабляться в Африке не приходится. Это не место, где следует демонстрировать уровень своего благосостояния.

Улетал из Луанды тоже с приключениями. Забыв дома сертификат о вакцинации от жёлтой лихорадки, я наткнулся в аэропорту на хорошо организованную сеть мздоимцев, которым в итоге оставил приличную сумму денег для того, чтобы попасть на свой рейс. Никакие воспоминания о героическом прошлом наших советников и специалистов в Анголе не помогли. Страна стала другой.

Много лет спустя, в 2015 году, я вновь оказался в Республике Конго¹⁸, в Браззавиле, где когда-то совершал промежуточную посадку на пути в Анголу. Это был первый деловой визит по линии Росатома, положивший начало переговорам по использованию атомных технологий в мирных целях. К чести нашего посольства, состоящего из посла Валерия Александровича Михайлова и трёх молодых дипломатов, мои встречи с министром энергетики и премьер-министром страны были организованы и прошли на самом высоком уровне. Страна приоткрыла особенности франкоговорящей Африки, заставила окунуться в историю и начать вспоминать французский язык, который когда-то учил в нашей экспериментальной школе Питера в качестве второго. Поразила теплота, с которой меня встретили конголезцы как представителя новой России. Казалось бы, как можно проявить себя в стране, где исторически доминируют французы? Оказалось, что нас помнят ещё со времён Советского Союза, с нами хотят сотрудничать в бизнесе, науке, технологиях. И это не случайно. Социалистическая ориентация Республики Конго в 1963-1992 годах являлась основой развития двусторонних связей с СССР по разным направлениям. Особая динамика им придавалась в ходе официальных визитов в Москву конголезских партийно-правительственных делегаций на высшем уровне в 1965, 1975 и 1981 годах. В конце 90-х, после продолжительного

¹⁸ Республика Конго. Режим доступа: https://afrika-raj.ru/strany-afriki/respublika-kongo.html

периода охлаждения наших отношений, с приходом к власти нового главы Конго Дени Сассу-Нгессо многоплановое сотрудничество между странами возобновилось вновь. Знаковым событием стал его официальный визит в ноябре 2012 года в Россию, где состоялась встреча с В.В. Путиным. Оба президента отметили высокий уровень нашего гуманитарного сотрудничества, ведь за историю двусторонних отношений в советских и российских вузах получили образование свыше семи тысяч граждан Республики Конго, в составе правительства которого было до 30% наших выпускников. Это один из лучших примеров подготовки «мягкой силы», составляющих прочную основу для развития не только политических, но и торгово-экономических отношений между нашими странами, на которые сделали упор президенты в своей беседе.

Вообще фигура Дени Сассу-Нгессо, который в марте прошлого года был переизбран на пост президента страны в четвёртый раз, получив в свои 77 лет более 88 процентов голосов избирателей, заслуживает отдельного повествования и трактуется неоднозначно. Оставим это для специалистов. Пока же — о тех впечатлениях, которые я получил от короткого пребывания в стране.

Браззавиль оказался неожиданно большим городом, сочетающим в себе колониальный и современный стили. Город был основан в 1880 году как французский военный пост на реке Конго по приказу командующего французской экспедицией Пьера де Браззы. В то время шло активное освоение территории нынешней Республики Конго. Французы стремились укрепиться во внутренних районах Африки, и для этих целей они основали крепость. Памятник Пьеру де Бразза возвышается на высоком холме и является одной из достопримечательностей города. В центральной его части поражает всё: высотные здания современной архитектуры, в которых разместились многочисленные банки и международные компании и фирмы; красота улиц

и площадей, окаймлённых королевскими пальмами, манговыми деревьями и экзотическими кустарниками; сверкающие витрины магазинов, где, кажется, можно купить всё. В городе можно насчитать десяток приличных отелей европейского уровня и столько же ресторанов. Цены в этих заведениях запредельные, хотя качество приготовления блюд и их ассортимент в сочетании с незабываемым видом на реку Конго впечатляют. Браззавиль расположен на правом берегу реки, напротив Киншасы, столицы Демократической Республики Конго. Это единственное место в мире, где две столицы находятся в пределах видимости друг друга и связаны между собой паромным сообщением. Город густонаселён. Практически всё население страны, не занятое в сельском хозяйстве, проживает здесь. Это более 40%, или свыше 2 млн человек.

Случилось так, что улетать из страны после проведённых встреч и переговоров я должен был в понедельник, а в воскресенье сопровождающие меня молодые дипломаты предложили совершить поездку по городу и его окрестностям. Городские окраины поразили своей беднотой, обилием густой тропической растительности, отсутствием асфальтового покрытия, большим количеством канав, водоёмов и речушек. В лесных зарослях на окраине нет-нет да и попадались отстроенные особняки в колониальном стиле, принадлежащие зажиточным конголезцам, крашенные, как правило, в яркие цвета — розовый, терракотовый, красный. На горизонте виднелись массивные нетронутые экваториальные леса, которые мне приходилось наблюдать в Центральной Африке. Ими покрыты практически все берега реки Конго. Высота отдельных деревьев достигает 70 метров. Как пишут в путеводителях, в джунглях можно встретить таких уникальных представителей африканской флоры, как красное дерево, гевея, эвкалипт, эбеновое дерево. В бассейне реки обитают стада газелей, зебр и жирафов, на которых часто охотятся проворные гепарды. Нередко на водопой приходят слоны, гиппопотамы и кабаны, а в джунглях встречаются человекоподобные гориллы. Мир рептилий и насекомых на берегах Конго впечатляет: здесь водятся крокодилы, ядовитые пауки, водяные питоны, кобры. Глубины реки также обитаемы: во время рыбалки можно выловить хищную тигровую рыбу огромного размера (до 2 метров и весом до 80 кг), сома, нильского окуня, барбель, пресноводную сельдь. В этой реке обитает просто поразительное многообразие рыб — 900 видов. Конечно, не все они пригодны для употребления в пищу, а за трофейными экземплярами сюда приезжают рыбаки-туристы со всего мира. Река Конго оставляет наиболее сильное впечатление от посещения страны. В районе Браззавиля, как раз напротив Киншасы, до которой по прямой не более 5 км, река пересекает пороги и с шумом, водоворотами и брызгами разбивающихся о камни волн несёт свои воды с большой скоростью. Этот поток огромной массы воды завораживает. Чтобы достичь реального русла и насладиться всей мощью водной стихии нужно пройти от берега сотню метров, прыгая с одного огромного валуна на другой. Конго — одна из крупнейших рек в мире. Её протяжённость 4370 км — от истока в самом сердце Африки до устья на побережье Атлантики. Обширные тропические леса, по которым она протекает, уступают по площади лишь лесам Амазонки. Это самая полноводная артерия «чёрного» континента и самая глубокая река в мире. В некоторых местах глубина реки превышает 200 метров, что породило многочисленные легенды о мифических чудовищах, якобы обитающих в ней. Конго известна тем, что является единственной в мире рекой, которая дважды пересекает экватор. Как мне показалось, река является любимым местом отдыха горожан. Вдоль берега под сенью манговых деревьев расположились многочисленные частные «кафешки», кустарно сколоченные из досок или сваренные из металла, где продают хорошее бутылочное пиво, прохладительные напитки

и различные традиционные блюда, приготовленные на углях. Конголезцы приезжают сюда семьями на весь день. Можно наблюдать, как компания из 10–15 человек, видимо, объединённых родственными узами, отмечает какое-то событие общей трапезой, переходящей в традиционные танцы. Танцы конголезцы любят. Дети практически не вылезают из воды, совершая прыжки в воду с огромных валунов, от которых захватывает дух. В спокойных затонах купаются малыши со своими матерями. Берега реки заполнены многочисленными традиционными лодками-пирогами, которые, как кажется, имеет каждый житель побережья, ведь рыбная ловля является важным средством существования. Местные ремесленники славятся тем, что из одного дерева могут изготовить пирогу, вмещающую до 100 человек. Народу на берегу очень много. Отношение к белым — без видимого почтения: фактически мы вторглись в их частную жизнь, приехав в выходные на берег Конго. Мои молодые спутники-дипломаты на хорошем французском объясняют, что мы из России. На лицах обслуживающего персонала, подающего нам пиво, появляется улыбка. Побывав на берегу реки Конго, едем в город. Впечатляет Собор Святого Сердца, или просто собор Браззавиля (La cathédrale du Sacré-Cœur de Brazzaville), — религиозное здание, открытое в 1892 году и принадлежащее католической церкви. Церковь — старейший из существующих соборов в Центральной Африке — является резиденцией епископа епархии Браззавиля. Контрастируя со стариной, рядом возводится многоэтажное здание. Строят его, притом каким-то кустарным способом, китайцы: возводят деревянную опалубку, а затем заливают раствор, который готовят на месте. Китайцы, раздевшись до трусов, мелькают на крыше, громко кричат, никого не стесняясь. Конголезских рабочих на стройке нет. Приезжих из Поднебесной по всей стране много. Китай является основным торгово-промышленным партнёром Республики Конго. Взаимный товарооборот превышает

сумму в 6,5 млрд долларов, причём в торговом балансе доля китайского импорта (6 млрд долларов) существенно превышает долю экспорта. Конго продаёт Китаю нефть, занимая среди африканских поставщиков второе место после Анголы, а также железную руду, минералы, лес и другие сырьевые товары. Сумма прямых инвестиций Китая в экономику Республики Конго составила в общей сложности более 600 млн долларов. Намечены и реализуются крупные инвестиционные проекты в нефтяной и горнодобывающей отраслях. Доля частных китайских компаний на рынке инфраструктурных проектов достигает 70 процентов, а сумма их инвестиций приближается к 300 млн. Всё бы было замечательно в Республике Конго, если бы не её огромный внешний долг, достигающий 85 процентов ВВП. Основные кредиторы — Китай и Франция, а также частные швейцарские горнодобывающие и трейдерские компании Трафигура (Trafigura) и Гленкор (Glencore). Только Китаю на конец сентября 2019 года страна была должна 2,2 млрд долларов, а вышеупомянутым компаниям — 1,7 млрд долларов. Президент Конго Дени Сассу-Нгессо, побывавший в Китае за годы своего правления 15 раз, в июне 2021 года вновь обратился к президенту Си Цзиньпину с просьбой об отсрочке платежей по долгам. Просьба была удовлетворена.

Посещая различные страны, хочется увезти на память какой-то сувенир. В Африке это всегда поделки из дерева и камня: резные фигурки, маски, необычные минералы. В каждой африканской стране есть что-то особенное, своё. Торговля сувенирной продукцией осуществляется, как правило, на специальных рынках, куда привозят туристов. По мере возможностей стараюсь посещать эти места, наиболее полно раскрывающие художественное восприятие окружающего мира народами, населяющими ту или иную страну. Рынок в Браззавиле не стал исключением. Мы с удовольствием побродили по его лабиринтам с изобилием произведений различных ремёсел. Искушённый взгляд

остановился на резных фигурках из железного дерева, которых я нигде до этого в Африке не видел. Железное дерево — общее название нескольких десятков видов деревьев с тяжёлой, твёрдой и необычно плотной древесиной, которая составляет более 1000 кг/м³ и тонет в воде. Растут железные деревья на всех континентах и в разных климатических условиях очень медленно и являются долгожителями, возраст некоторых из них достигает 1000 лет! В Республике Конго их несколько видов. Наиболее известный — олдфилдия африканская, достигающая в высоту 36 метров. Типичной резной фигуркой из этого дерева в Республике Конго является изображение бегемота в виде банкира или бизнесмена в костюме, очках, с портфелем и с трубкой в зубах. Выглядит он весьма забавно. Размеры резных фигурок бегемотов колеблются от самых маленьких до огромных высотой в 1 метр и более. Весят они, как чугунные изделия. Следует иметь в виду, что вывоз в ручной клади предметов африканских ремёсел не разрешён. В аэропорту Браззавиля их отбирают на предварительном контроле, но мой провожающий Роман, начальник консульского отдела нашего посольства, каким-то образом убедил местных служащих, что мой бегемот, а также и слон из такого же железного дерева должны обязательно улететь со мной. Скорее, как это бывает в Африке, там были более весомые «аргументы», но в любом случае умение общаться с африканцами — это искусство. Напористость и упование на логику не помогут. Европейский менталитет не срабатывает. Чтобы не попасть впросак, впервые оказавшись в любой африканской стране, лучше доверить общение по проблемным вопросам более опытным людям. В частности, это касается методов паспортного контроля и личного досмотра, применяемых африканцами, особенно в отношении европейцев. Весь багаж пассажиров, прибывающих в аэропорт Браззавиля, ещё на улице тщательно обнюхивают специально обученные собаки, полиция при этом весьма жёстко контролирует

движение очереди. Дальнейший контроль производится техническими средствами, но всё так же жёстко и до тех пор, пока вы не оказываетесь в зале вылета. Только после этого можно расслабиться и осмотреться. Современный аэропорт производит приятное впечатление, как, впрочем, и страна, которую покидаешь. Яркая, самобытная, талантливая и сказочно богатая, вместе с тем очень бедная Республика Конго, населением всего-то менее 6 млн человек, оставляет в душе сочувствие к простым конголезцам и немного грустную зависть к провожающим тебя нашим людям. Им наверняка удастся встретиться с самыми низкорослыми людьми на Земле — пигмеями, проживающими в этой стране; или подробно окунуться в историю первой португальской колонизации, когда рабов из Конго на протяжении почти трёх веков вывозили в Бразилию; или посетить всемирно известную живописную школу-мастерскую Пото-Пото, и многое другое. Времени в командировках, как всегда, очень мало.

13 февраля 2018 года в Москве Госкорпорация «Росатом» и Министерство научных исследований и технологических инноваций Республики Конго подписали Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области использования атомной энергии в мирных целях. Он создаёт правовую основу для реализации двустороннего сотрудничества по широкому спектру направлений, включая развитие ядерной инфраструктуры Республики Конго, разработку программ по повышению информированности населения об атомных технологиях и их применении, использование радиоизотопов и радиационных технологий в промышленности, сельском хозяйстве и медицине, подготовку и обучение персонала. Может быть, этот документ, как и вся наша работа в Африке, и есть предвестник грядущих изменений в стране и на континенте? Кто знает...

ЧАСТЬ II. Из России с любовью: возвращение на континент (1997-2013)

Танзания

Прошло более 12 лет после командировки в Анголу, и я вновь направлялся в Африку. Летел в Дар-эс-Салам, столицу Танзании, где должен был начать новый бизнес компании, которую я представлял. Если сказать, что настроение было приподнятое, значит, ничего не сказать. Все эти годы я часто думал об Африке, вспоминая её завораживающие красоты и радость простого человеческого общения. Полёт на двухпалубном Boeing 747 KLM из Амстердама показался вечностью. Всю дорогу стюардессы не жалели спиртного, угощая самыми экзотическими напитками и коктейлями пассажиров, направлявшихся в отпуск. Наконец, пошли на посадку. Шасси мягко коснулись ВПП. Прозвучало объявление: «Наш самолёт совершил посадку в аэропорту Килиманджаро». Ночь. Идём по полю в сторону аэровокзала и стойки паспортного контроля. Подаю паспорт. Офицер-пограничник спрашивает, где я собираюсь остановиться. Отвечаю: «Отель Шератон». Немая сцена. После солидной паузы он тихо произносит: «Такого отеля здесь нет, сэр». Как нет? Я быстро достаю и показываю бронь. Оказывается, Килиманджаро — это международный аэропорт на севере страны вблизи городов Моши и Аруша, но промежуточный в моём маршруте. Мне нужен аэропорт в Дар-эс-Саламе, много позже названный именем Джулиуса Ньерере, то есть до столицы лететь ещё больше часа. Мгновение соображаю, хватаю сумку (благо путешествовал налегке) и бегу в темноту лётного поля. Там уже приступил к рулению мой гигантский «Боинг». Изо всех сил машу руками. Пилоты заметили и резко затормозили. Самолёт, клюнув носом, остановился. С нижней палубы спустили лестницу. Счастливый, я вновь падаю в своё кресло. В самолёте практически никого, все туристы остались в Килиманджаро. Через час с небольшим, уже глубокой ночью мы приземлились в Дар-эс-Саламе. Тёплый влажный воздух ударил по голове и напомнил о тропической Африке. В Килиманджаро было прохладнее.

Здесь надо сделать небольшое отступление и напомнить читателям, что международный бизнес в новой России в то время только зарождался. Компании, которые им занимались, можно было пересчитать по пальцам. С Африкой практически никто не работал, и я был своего рода первооткрывателем, представляя одновременно и британскую головную компанию и нашу российскую. О корпоративных кредитных картах слышали только от иностранцев, мы же летали за рубеж с наличными долларами, которые нам выдавали в бухгалтерии госпредприятия. На сей раз я вёз с собой в Танзанию свыше 5 тысяч долларов. Сумма по тем мерам огромная. Все деньги держал в нательном кошельке, постоянно проверяя его наличие наощупь. Пройдя паспортный и таможенный контроль, был тут же атакован группой африканцев, которые боролись за меня как потенциального пассажира их транспортного средства, которое они называли «такси». Когда я согласился ехать с одним из них, африканец подвёл меня к какой-то ржавой развалюхе. Было очень темно. Мой чернокожий водитель практически сливался с темнотой, и я только слышал его голос. На стоянке машин всего в нескольких метрах от аэропорта света не было совсем, как и альтернативы предлагаемой поездке. Ничего не оставалось, как сесть в это самое «такси». Всю дорогу у машины гремел задний мост, и мне казалось, что он отвалится. Дверь со стороны пассажира не

закрывалась, и на протяжении всего пути мне пришлось держать её левой рукой. Водитель находился справа, что выглядело весьма необычным. О левостороннем движении я мог судить только по Великобритании, куда летал в качестве инспектора ДОВСЕ ещё при погонах. Оказывается, в Африке тоже ездят по левой стороне. Дорога была долгой и пустынной. У машины горела только одна фара. Передвигались фактически в полной темноте. Опасаясь за свою жизнь, я постоянно разговаривал с водителем, пытаясь понять, что у него на уме. К тому же я не имел понятия, куда он направляется. Дорога в 12 км показалась вечностью. Это сейчас навигатор прокладывает маршрут за 22 минуты, а тогда мы чертыхались на ржавой развалюхе по разбитому асфальту больше часа. И только когда впереди стали попадаться редкие огни, я немного расслабился. Добравшись до единственного приличного на тот момент в городе отеля «Шератон», я рассчитался с водителем, отдав ему 50 долларов, и облегчённо вздохнул. Позже, путешествуя по Африке по бизнесу, я попал в похожую ситуацию в столице Нигерии Абудже, когда оказалось, что местный аэропорт находится на некотором удалении от международного. Мы едва успели на пересадку, застряв в такси в пробке. Все эти нюансы пути, включая географию и условия передвижения, нужно внимательно изучать заранее. Это был один из уроков, который получил в Африке. Я много раз бывал уже в современном Дар-эс-Саламе. Как там всё переменилось! Город просто не узнать! Всё кругом застроено, причём современными многоэтажными домами. Много новых шикарных отелей. Говорят, в Африке ничего не меняется. Ещё как меняется! Бывший «Шератон» уже носит другое название, поскольку был выкуплен индийской компанией, при этом само здание, представлявшееся оазисом цивилизации в 90-х, затерялось среди небоскрёбов и выглядит совсем неказисто. Из нового — появились колоссальные пробки при выезде

из города в аэропорт, так что даже «огородами» и объездными маршрутами поездка может занять до 2 часов.

На следующее утро в этом самом отеле я встретился с нашими потенциальными партнёрами — руководством местной компании Wilken Afsat. Компания должна была осуществлять техническую поддержку нашего проекта, суть которого заключалась в организации спутниковой связи для туристов, посещающие удалённые отели в известных национальных парках Нгоронгоро, Серенгети, Тарангире и Лейк Маньяра. Перед встречей немного волновался: незнакомая страна, новые люди, африканцы, с которыми нужно было впервые договариваться по бизнесу. Интуитивно понял, что нужно понравиться, закрепить отношения. Это не Европа, где сразу берут быка за рога. Местные партнёры долго катали меня по городу, разговаривая на отвлечённые темы, сводили в ресторан на побережье, где мы отведали потрясающие морепродукты, и только к вечеру завели разговор о бизнесе. В Африке не надо спешить: подождите, пока разговор начнут партнёры. Всё сложилось. Мы «зацепились» эмоционально, но предстояло договариваться с руководство компании «Серена груп», которой принадлежали отели. Это были индийцы — пожалуй, одни из самых тяжёлых переговорщиков в мире. С ними пришлось помучиться пару дней. Дело в том, что предложенный тариф в 7,5 долларов за минуту разговора клиента нужно было разделить между 5 участниками проекта. Каждый тянул одеяло на себя: «Серена» хотела свою маржу, и как можно бо́льшую; Инмарсат, предоставляющий космический сегмент, т.е. геостационарные спутники-ретрансляторы и организующий этот пилотный проект, не мог оставаться без прибыли; мы, как организация, владеющая сегментом наземной базовой станции переключения и расчётами за услуги связи, хотели свою долю; Wilken — свою. Был и ещё один участник — TTCL (Tanzania Telecommunications Company Limited) — Γοcyдарственная телекоммуникационная компания Танзании,

ведавшая всей инфраструктурой и производившая лицензирование. С её руководителем я переговорил лично, предварительно согласовав дату и время встречи, прождав два дня. Это был один из первых опытов бизнес-переговоров. В Африке нужно «показывать лицо» и всегда иметь запас времени. Заочные знакомства по переписке не работают. Предварительно проконсультировался с партнёрами относительно всех тонкостей общения с местными чиновниками и, прихватив с собой подарки, прибыл в офис TTCL. В Африке должно вести себя скромно и уважительно. Африканцы не любят высокомерия и нажима. Нужно произвести хорошее первое впечатление, или оно будет последним. Пообщались. Я объяснил смысл проекта, предложив комиссию в 1 доллар с каждой минуты трафика клиентов. Это были хорошие деньги только за то, чтобы выдать разрешение на установку наших спутниковых телефонов в удалённых отелях. Но деньги в Африке, как я понял, не самое главное. Важнее быть с партнёром на одной эмоциональной волне. Расстались мы на хорошей ноте, договорившись обо всём.

Субботу и воскресенье провёл на берегу океана в одном из местных отелей в окружении британских туристов. Потрясающий Индийский океан. Прозрачная тёплая вода, мелкий белый песок. Волей-неволей я завидовал отдыхающим. Хотелось расслабиться у океана подольше. Впоследствии, много лет спустя, мне довелось провести время на побережье Танзании в одном из современных курортов недалеко от Дар-эс-Салама. Сервис европейского уровня, чистейшее море, экскурсии на острова. Впечатляет! Жаль, что далеко от России, хотя при хорошей организации перспектив у африканского отдыха может быть очень много, ведь к пляжному отдыху добавляются ещё и незабываемые поездки на сафари. В понедельник договорились отправиться в район Килиманджаро, где были расположены отели. Местные ребята из Wilken собрались с вечера, загрузив в джип «Дефендер» аппаратуру спутниковой связи, которая

немного раньше была доставлена в Танзанию международной курьерской службой. Путь предстоял долгий. Наша первая остановка была запланирована в г. Аруше, откуда я фактически недавно прилетел. Это 630 км, или более 10 часов на машине.

Выехали в 5 утра. Пересекли всю Танзанию с юго-востока на северо-запад. За окном мелькали пейзажи — саванна, горы и небольшие деревушки, жизнь в которых поражала своей бедностью. Ближе к Аруше пейзаж стал более насыщенным тропической растительностью, к тому же стемнело, и нашим единственным желанием было поскорее добраться до отеля и лечь спать. По пути нас остановила огромная стая бабуинов, которые, забравшись на капот и крышу автомобиля, начали бешено барабанить по ним, требуя еды. Стало немного не по себе. Если бы не местные жители из окрестной деревни, которые палками разогнали всю стаю, мы бы так и стояли посреди дороги неизвестно сколько времени.

Весь следующий день провели в Аруше — небольшом, с хаотичной застройкой и без особых достопримечательностей городе. К слову, современная Аруша — это туристическая Мекка, насчитывающая около 100 отелей. Вечером отправились в один из местных баров, который был полон туристов со всего мира. В городе было жарко и влажно. Старый кондиционер в комнате не справлялся со своей задачей, но с наступлением темноты дышать стало легче, появилась прохлада. В этой связи я решил оставить окно номера открытым, чтобы перед сном наполнить комнату свежим воздухом, а сам отправился на улицу посидеть у бассейна. Поздно вечером, поднявшись к себе в комнату, я подумал, что ошибся номером: стены и потолок были коричневого цвета, хотя я точно помнил, что помещение было оформлено в светло-серых тонах. Включив верхний свет, я обомлел: все поверхности, включая кровать, были плотно облеплены мириадами коричневых мотыльков, которые слетелись

в комнату на свет ночника, который я по неосторожности оставил включённым. Борьба с насекомыми продолжалась часа два. Зажав в обеих руках полотенца, я пытался с их помощью выдворить непрошенных визитёров за пределы номера, на улицу. Однако они возвращались вновь и вновь. Совершенно обессиленный, я оставил эту затею и рухнул в кровать. С потолка среди мотыльков на меня смотрел геккон. Страха он не вызывал — эту ящерицу я помнил ещё по Египту... На следующее утро за время моего завтрака номер успели убрать. Мотыльков удалили всех до единого. Не знаю, как у них получилось так быстро справиться с задачей, но, видимо, я был не первым, кто попадал в такую историю.

Наутро мы тронулись в сторону Нгоронгоро и Серенгети. По пути остановились на берегу озера Маньяра и заночевали в одном из оформленных в африканском стиле отелей, принадлежащих «Серена груп». Эрнест Хемингуэй назвал озеро самым прекрасным из того, что он видел в Африке, и я абсолютно согласен с классиком американской литературы. Таких красок природы я не встречал нигде. Проснувшись рано утром, был потрясён картиной восходящего солнца на голубом небе, освещающего лучами тысячи розовых фламинго, скопившихся у кромки воды бирюзового цвета. Зрелище незабываемое! Озеро Маньяра образовалось более двух миллионов лет назад. Его длина в сезон дождей — 50 км, ширина — 16 км. В сухой сезон озеро значительно уменьшается в размере, от чего поголовье птиц (фламинго, цапли, аисты — всего более 400 видов) на квадратный метр воды значительно увеличивается. Вот тогда поверхность озера становится похожей на розовое облако... Как же хотелось задержаться в этом райском уголке, хотя бы на пару дней, но дело есть дело. Установив спутниковое оборудование и организовав переговорный пункт, мы двинулись дальше, в Нгоронгоро. Туристы уже отправились на сафари, и ждать, когда они начнут пользоваться нашей

связью, мы не могли. Впереди нас ждали отели вокруг кратера Нгоронгоро. Не буду много рассказывать об этом заповеднике. Сегодня сотни тысяч туристов со всего мира посещают его. Опубликовано огромное количество фотографий и описаний этого места в туристических справочниках¹⁹.

Место действительно уникальное. Такого количества разнообразных животных я никогда в своей жизни не видел, хотя и побывал во всех крупнейших заказниках и национальных парках Африки. Пока мы ехали к отелю по мокрой от тропического дождя грунтовой дороге, периодически буксуя в лужах, из-под колёс ежеминутно вспархивали куропатки; на дороге толпились слоны, попадались одинокие зебры и разнообразные косули. Но самое сильное впечатление оставил сам кратер. Там, на его дне, куда мы спустились на машинах после обеда (комплимент от хозяев отеля), мирно паслись стада носорогов, жирафов, слонов, буйволов и несметное количество других, более мелких животных. Несколько семейств львов мирно дремали у небольшого озера. В изобилии самых разнообразных цветущих растений по плоскому дну кратера, поросшему сочной травой, босиком (!) размеренно шагали бушмены, завёрнутые в свои красные клетчатые одеяла. Рядом мирно паслось их стадо коров. Создавалось ощущение нереальности

¹⁹ Нгоронгоро — огромный кратер в Танзании на краю саванны Серенгети, возникший как кальдера в результате коллапса крупного вулкана около 2,5 миллионов лет назад. Расположен северо-восточнее озера Эяси и северо-западнее озера Маньяра. Глубина кратера составляет 610 м. Его края возвышаются на 2286 м над уровнем моря. Диаметр кратера Нгоронгоро составляет от 17 до 21 км, а общая площадь насчитывает примерно 265 км². На дне кратера расположено озеро Магади, знаменитое популяцией фламинго. Кратер Нгоронгоро уникален тем, что за многие годы в нём образовалась своя собственная среда обитания для многих видов животных, которые не имеют возможности выбраться наружу. (Материал из Википедии).

и полной гармонии мира. Человек чувствовал себя лишним в этой внеземной идиллии.

Пока мы объезжали угодья Нгоронгоро, проснулись львы и, видимо, проголодавшись, стали посматривать в сторону огромного стада спрингбоков (вид антилоп), мирно пасущихся рядом. Внезапно львица, отделившись от прайда, огромными прыжками рванулась в их сторону. Те побежали. Ещё два-три огромных прыжка, удар лапой по задним ногам и мёртвая хватка за горло в секунду завершили процедуру «приготовления обеда». И тут уже вся семья рвёт антилопу на части. Закусив, львы возвращаются на своё место у воды и мирно засыпают под жарким солнышком. Их место занимают гиены, которые всего за несколько минут оставляют от убитого животного только обглоданные кости. Им помогают стервятники, налетающие тёмной стаей. Дело довершают мелкие грызуны и муравьи — в финале. За какой-то час от антилопы остаются только сверкающие на солнце белые кости. И опять тишина. И опять идиллия кругом. Море солнца и изобилие цветущих растений. До следующего обеда никто никого не трогает. Такую же картину мы наблюдали и с леопардами, правда увидеть их удавалось крайне редко. Как правило, они находились в засаде на больших деревьях, ловко маскируясь зелёной листвой. Наблюдая за поведением хищников в Танзании, я вдруг провёл аналогию с Россией 90-х, где точно так же расправлялись с дорогими иномарками, попавшими в дорожно-транспортное происшествие. Иногда эти ДТП устраивали специально. Машины никто после этого не охранял и специальные бригады «механиков-стервятников» за 3 часа работы оставляли от них только лишь пустой кузов. Странная ассоциация, тем не менее такова была реальность тех смутных времён.

Завершив сафари, мы приступили к работе. В задачу входил монтаж переговорного пункта на базе портативной станции спутниковой связи «Инмарсат-М», которая

представляла собой небольшой чемоданчик. Направив антенну на геостационарный спутник, можно было позвонить откуда угодно и кому угодно. Антенна находилась в крышке чемоданчика, которую можно было вынести на некоторое расстояние, что мы и сделали, оставив в импровизированном переговорном пункте только корпус с телефонной трубкой. Вся подготовка телефона к работе занимала несколько минут. Набор номера отличался от принятого только специальным кодом. В остальном это был обычный телефон, где ретрансляция сигнала шла через спутник на базовую станцию приземления с переключением в сети общего пользования. Первые звонки клиентов разрешили вечером. Что тут началось! Тогда это казалось фантастикой, и туристы, истосковавшись по родным и близким, стали выстраиваться в очередь, чтобы позвонить домой. Тариф в 7,5 долларов за минуту разговора никого не смущал: в Танзанию на сафари приезжали в основном состоятельные люди из Америки, Европы, Японии, которые без труда могли позволить себе разговаривать по часу и более. Сотовой связи тогда не существовало, большие приёмные антенны в национальных парках ставить запрещалось из-за нарушений природного ландшафта, поэтому портативный спутниковый телефон был, как говорится, тем устройством, «что доктор прописал». Типичный разговор американской девочки со своей мамой в Штатах, к примеру, состоял из восторженного описания поведения различных животных, которых она наблюдала в течение дня. Восторга было столько много, что разговор едва укладывался в полтора часа, а счёт — в 1000 долларов. Наш бизнес процветал.

На следующее утро двинулись в сторону отелей национального парка Серенгети. По дороге встретили группу масаев. Очень дружелюбные и приветливые люди. Сейчас в интернете об этом уникальном и единственном сохранившем самобытность племени в Африке можно найти десятки книг и статей, про них снимают фильмы. С собой

я возил самый маленький спутниковый телефон Инмарсат Мини-М, который использовал время от времени для звонков домой и в офис компании. Предложил позвонить масаям. У одного из них нашёлся родственник в Дар-эс-Саламе, чей телефон он хорошо помнил. Мы набрали номер и установили связь. Восторгу не было предела. Снимок масая, звонящего по спутниковому телефону, попал на страницы ведущих ІТ-журналов мира. Это была лучшая реклама компании Инмарсат в те дни. Проект оснащения удалённых отелей Танзании спутниковой связью просуществовал несколько лет и был весьма успешным.

Ещё не раз я прилетал в эту страну, взаимодействуя с африканцами по бизнесу. Мы установили доверительные отношения на личностном уровне и были готовы двигаться вместе в другие африканские страны, тем более что Wilken имел своё представительство в Кении. Но в этот период происходило бурное развитие сотовой связи, и руководство TTCL приняло решение пригласить нового оператора. В это же время удалось установить хорошие контакты с южноафриканской компанией, предложив ей наши агентские тарифы. Бизнес в Африке получался благодаря развитию личных доверительных отношений. Тогда же пришло понимание, что работать в Африке по-другому нельзя. Это было время, когда мне приходилось бывать в Дании, Нидерландах, Норвегии, США, Канаде, Франции, Великобритании и взаимодействовать с культурами этих западных стран. Сравнивания с Африкой, ощутил огромную разницу в кросс-культурных коммуникациях, понимая, что по менталитету африканцы всё же нам ближе, а эмпатия играет основную роль в налаживании бизнеса. Многое поменялось с тех пор. В конце 90-х в обучении бизнесу мы перешли исключительно на американские учебники и продолжаем практиковать жёсткую манеру переговоров, а решение деловых вопросов — в стиле «только бизнес и ничего личного». В Африке такой подход не работает, хоть и говорят,

что время сейчас другое, что не стоит применять старый опыт, но если вспомнить, то практиковали мы личностный подход. Наши специалисты, работая в Африке, исходили отнюдь не из идеологических установок. Воспитанные на гуманистических началах советские люди, в памяти которых генетически существовало обострённое чувство справедливости и солидарности с обездоленными, проявляли глубокую эмпатию и искреннее желание помочь африканцам сделать их жизнь лучше. Мы были на одной волне эмоционально, и они это особенно ценили.

В начале 2000-х я вновь вернулся в Египет. На этот раз со спутниковой связью. Мы предложили одному из крупных банков АРЕ проект передвижных банкоматов, где считывание банковских карт осуществлялось удалённо по спутниковым каналам с использованием защищённого программного обеспечения, созданного российской ІТ-компанией. Египет в то время стал развивать туризм на побережье Средиземного моря как раз в тех местах, где я когда-то я бывал. Банки не успевали за наплывом туристов, которым требовались наличные деньги. Инфраструктура в новых туристических районах была ещё плохо развита, а банкоматов, подключённых по каналам сотовой или радиосвязи, попросту не было. Кроме того, египтяне планировали ввести зарплатные карты практически для всего населения страны, включая пенсионеров. Мобильные банкоматы давали возможность выдавать зарплаты и пенсии через банковские карты в любой точке страны. Это был пилотный проект, который получился очень интересным. Ещё несколько раз я приезжал в Египет, встречаясь с руководством банка и проводя технические эксперименты с нашими разработчиками программного обеспечения. Но спутниковые решения вскоре были вытеснены сотовой связью, и проект пришлось закрыть. Каир тогда показался совсем другим. Поразили обилие автомобилей, узость полос для движения транспорта, большое количество тоннелей, пересекающих

город, и «мастерство» парковки египтян. На улицах Каира нельзя было встретить ни одного автомобиля без царапин и вмятин на бампере или кузове. Парковочное место, как правило, расчищалось ударами бамперов о близстоящие автомобили. И это считалось нормальным. Поездка на автомобиле с приличной скоростью с расстоянием в 10–15 сантиметров от соседнего потока заставляла закрывать глаза и в душе молиться о том, что всё обойдётся. Каир превратился в город экстрима.

Южно-Африканская Республика

В конце ноября 2001 года я вновь оказался в Африке, и, как это порой бывает, совершенно неожиданно для себя. Наша головная компания Инмарсат, базирующаяся в Лондоне, организовала эту туристическую поездку для победителей «капиталистического» соревнования на звание «лучший директор по продажам». От России выбрали меня. Победителей разбили на несколько групп. Призы оказались самые необычные, вплоть до полёта на МиГ-29 на одном из аэродромов России. Направлялись люди и в Латинскую Америку, и в Юго-Восточную Азию. Волею случая я оказался среди тех, кто должен был лететь в Африку, и ни куда-нибудь, а в ЮАР. Судьба, казалось, благодарила меня за долгие годы напряжённого труда во имя свободы этой страны.

Приземлившись в аэропорту Йоханнесбурга, мы направились в отель «Шератон» в Претории. Примечательным было то, что это была моя первая и единственная туристическая поездка в Африку, вызвавшая много воспоминаний из прошлой жизни. Наутро, ещё до завтрака, японский коллега решил немного прогуляться, благо основная достопримечательность Претории — Union Buildings (комплекс зданий, образующих официальную резиденцию правительства Южной Африки, а также офисы президента страны, где мне впоследствии посчастливилось неоднократно

бывать) — находилась рядом, за углом. Вернулся он без фотоаппарата, кредиток и наличных денег. Его обокрали. Преступность в ЮАР в те времена зашкаливала.

Главным мероприятием нашей экскурсии была поездка на туристическом поезде Rovos²⁰ через всю страну — от Претории до Кейптауна. Это был старый отреставрированный состав, содержащий для каждого фешенебельные купе со своей спальней, душем и небольшой прихожей с рабочим столом. Состав медленно тащил такой же старинный паровоз. В конце поезда находились вагон-ресторан с баром и не имеющий окон вагон-терраса с мягкими креслами и диванами. Согласно этикету, во время приёма пищи гости должны были находиться в костюмах и галстуках. В баре до начала трапезы подавались изысканные южноафриканские вина и другие алкогольные напитки. Это было немного утомительно, так как в течение нескольких суток, пока шёл поезд, нужно было соблюдать дресс-код. Приходилось всё время переодеваться к завтраку, обеду и ужину, однако открывающиеся панорамы на окрестные ландшафты, особенно на подходе к Кейптауну, с лихвой компенсировали неудобства, вызывая восторг. Иногда поезд останавливался, и мы могли прогуляться по живописной полупустыне с торчащими из красной земли гигантскими кактусами. Большую остановку поезд сделал в Кимберли, где мы посетили Музей алмазов и увидели знаменитую «Большую Дыру» (Big Hole) — место разработки кимберлитовой трубки, выходящей на поверхность. Позже, работая в Африке, я занимался поиском проектов, в том числе и в алмазодобыче, и посетил ещё несколько кимберлитовых месторождений, спускался в шахты, наблюдал весь процесс извлечения алмазов из руды и держал эти необработанные мутные камни в ладонях. Алмазы всегда завораживают. Есть в них какая-то

²⁰ The Most Luxurious Train in the World (Самый роскошный поезд в мире). Режим доступа: www.rovos.com

тайна и магическая сила. Сейчас о музее в г. Кимберли много интересной информации можно найти в интернете.

Мы же, прибыв в Кейптаун, занялись экскурсиями: поездка на мыс Доброй Надежды, посещение винных ферм, визит в самую южную точку Африки — мыс Игольный, подъём на Столовую гору, посещение традиционных африканских ресторанов оставили потрясающее впечатление. Южная Африка, о которой я слышал много рассказов и вместе со своими коллегами столько лет работал над тем, чтобы сделать эту страну свободной, предстала в изумительных видах, сочетающих современность крупных городов и колорит африканской культуры. Было ощущение полного счастья. Результаты огромной напряжённой работы, которой мы посвятили значительную часть своей жизни, были, как говорится, налицо. По улицам ходили улыбающиеся и свободные люди, которые даже не догадывались, через что прошлось пройти их отцам и матерям, чтобы свобода стала достоянием всех людей в этой стране. Вспоминались первые встречи с южноафриканцами в Шереметьево, куда они даже зимой прилетали практически раздетые, в рваных футболках и сандалиях на босу ногу. Все эти люди бежали от репрессий режима апартеида и были готовы продолжить борьбу с оружием в руках. При виде белого человека они со страхом прижимались к стене и отвечали на вопросы, заикаясь от напряжения. Процесс адаптации длился около месяца, пока люди не начинали улыбаться и понимать, что они в безопасности, что их окружают друзья. В далёкие 70-е и 80-е я имел честь участвовать во многих встречах с лидерами Африканского национального конгресса (ныне правящая партия ЮАР) и Южноафриканской коммунистической партии: Алфредом Нзо, Оливером Тамбо, Джо Модисе, Джо Слово, Рони Касрилсом и многими другими, когда они приезжали в СССР. Както во время туристической поездки в ЮАР я спросил юную африканскую продавщицу книжного магазина, знает ли она эти имена. Она ответила, что слышала такие названия улиц

и аэропорта в Йоханнесбурге, о людях — ничего. Свои представления о России выразила фразой: «Там холодно, и все пьют водку». А между тем искренней заботы об африканцах в те далёкие времена нам было не занимать. Прибывающих зимой людей укутывали в армейские полушубки, выдавали им лучшую одежду импортного производства, которой не было в открытой продаже, и размещали для учёбы в таких условиях, которым завидовали сами. Мы показывали им нашу страну, лучшие музеи и театры, фильмы и цирковые представления, не считаясь с личным временем, полностью выкладываясь на службе. Были периоды, когда в течение месяца выдавался всего лишь один выходной день, а ведь у каждого из нас была своя семья. Многие африканцы, прошедшие обучение в наших военных центрах, вспоминают с любовью заботливое отношение, хорошее питание, высокий уровень преподавания, а самое главное — сохранившуюся эмоциональную связь с нашей страной и с нашими людьми. Мы учили африканцев бесконечно любить то дело, которому посвятили жизнь, рассказывали о нашей героической истории на примере Великой Отечественной войны, посвящали в наши традиции. Конечно, о встрече со своими бывшими подопечными во время поездки в ЮАР не могло быть и речи. В одной из утренних газет, которые приносили в номер нашего отеля Table Bay, я прочёл некролог о том, что скончался первый министр обороны ЮАР Джо Модисе, с которым мне довелось как-то поработать в качестве преподавателя. Это был грамотный и уважаемый человек, настоящий лидер, поставленный руководить военным крылом АНК «Умконто ве Сизве» (Копье нации) вплоть до получения страной свободы в 1994 году. Из Кейптауна в Лондон я летел полный воспоминаний о далёком прошлом и впечатлений о новой стране и людях. И что-то подсказывало мне, что я вернусь сюда снова.

В 2004 году я перешёл работать в немецкую компанию по спутниковой связи и возглавил представительство

немецкого концерна ND Satcom GmbH в Москве. Об Африке на некоторое время пришлось забыть. Поездки в Германию в район Боденского озера на границу со Швейцарией были не менее интересными. В России руководимая мною компания занималась развёртыванием сетей V-Sat в Красноярском крае и разработками новой аппаратуры спутниковой связи.

Случайная встреча на улице весной 2007 года с заместителем директора Института Африки РАН профессором В.Г. Шубиным коренным образом изменила всю мою последующую жизнь. Владимир Геннадьевич, с которым я был знаком ещё с 70-х годов, сначала в качестве секретаря в Советском комитете солидарности стран Азии и Африки, а затем — руководителя сектора международного отдела ЦК КПСС координировал подготовку кадров для национально-освободительного движения, и часто бывал на всех встречах с африканцами у нас в Центре. Мало кто знает, что известный историк-африканист профессор В.Г. Шубин принимал участие в арабо-израильской войне 1967 года и награждён орденом Красной Звезды, орденом Дружбы и медалями, знаком «Воину-интернационалисту», а также орденом Компаньонов О.Р. Тамбо в серебре — одной из высших наград ЮАР. Африка для Владимира Геннадьевича всегда была не туристической, а направлением практической работы, предметом глубокого изучения, любви и искренней преданности. Он-то и порекомендовал меня в ГК «Ренова», где искали человека, способного заняться поддержкой африканских проектов компании и организовать работу Делового совета Россия-ЮАР, созданного по инициативе В.Ф. Вексельберга во время первого визита в ЮАР Президента РФ В.В. Путина в 2006 году.

В качестве исполнительного секретаря Делового совета видел свою задачу в привлечении российского бизнеса в ЮАР и в Африку в целом, поскольку Южная Африка являлась своего рода воротами или трамплином для захода

на континент. В то время южноафриканские компании уже работали в 24 африканских странах. Это было интересное время начала бизнес-взаимодействия с Африкой. Крупный бизнес, имея все возможности самостоятельного общения на континенте, по большому счёту в Деловом совете не нуждался. Средний и мелкий бизнес оказался к этому не готов. Дело заключалось даже не в попытке понять психологию и культуру африканцев. Компании просто не имели какого-либо опыта международного делового общения. Обладая зачастую уникальными технологиями и продуктами, наши менеджеры не умели их правильно позиционировать. Презентации готовились из рук вон плохо: вместо готовых продуктов африканцам предлагались научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы и опытные разработки в надежде на то, что их начнут покупать, и таким образом можно будет монетизировать ноу-хау. Люди не владели языком, что создавало дополнительные трудности в общении. Были времена, когда на заседание Делового совета приходило до 120 человек, в том числе руководители 30-40 российских компаний. Интерес к ЮАР и к Африке был огромный. Он поддерживался всевозможными мероприятиями как культурного (например, кинофестивали), так и экономического (деловые инициативы с приездом в Москву и другие города десятков южноафриканских компаний со своей продукцией и услугами) плана, которые мы проводили совместно с посольством ЮАР в Москве. Поддерживались эти мероприятия министерством торговли и промышленности ЮАР, которое в те годы активно работало в российском направлении. С нашей стороны интерес и поддержку проявляли местные торгово-промышленные палаты крупных российских городов, которые активно продвигали свои компании на международный рынок, в том числе и в Африку.

В 2007 году в Йоханнесбурге была организована первая национальная торгово-экономическая выставка России.

Прошла она вяло, без каких-либо видимых конкретных результатов, хотя наших компаний было предостаточно. Тогда денег на маркетинг практически ни у кого не было. Люди на стендах пассивно ждали, когда кто-то их африканцев к ним подойдёт с предложением о сотрудничестве. Технологии, предлагаемые на тот момент российскими компаниями, были уникальными, а самое главное — нужными Африке: это водоподготовка и водоочистка, передача электричества на большие расстояния, телемедицина, землестроение, «зелёное» использование угля на тепловых электростанциях, углеродные повязки для медицинских целей, системы безопасности и многое другое. Африканцы с интересом воспринимали предложения о сотрудничестве, но в силу нерасторопности и непрофессионализма нашего бизнеса быстро отходили в сторону. Если с подготовкой коммерческих предложений и рекламы я старался помогать людям, зачастую делая всё с нуля, то на продвижение продуктов на рынке и лоббирование своих интересов у компаний просто не было ни денег, ни компетенций для ведения международного бизнеса. В современных условиях для захода в Африку малого и среднего бизнеса, безусловно, требуется поддержка государства. Практически все компании разных стран, идя на рынок континента, получают помощь и субсидии от своих правительств, кроме России. Особенно преуспел в этом Китай, где роль государства заключается в продвижении на африканском рынке имиджа страны, организации маркетинговых мероприятий в странах Африки (выставок, конференций, семинаров, деловых поездок и т.д.). Российские компании, желающие работать в африканских странах, должны быть хорошо информированы об условиях рынка, особенностях деловой этики и культуры, местном законодательстве, имеющихся инвестиционных проектах и т.п. Приступая к оперативному руководству Деловым советом, я сделал ставку прежде всего на привлечении внимания нашего бизнеса к Африке. В этой связи

первоначально был обобщён опыт уже работающих с ЮАР компаний в таких сферах, как туризм, горнодобыча и электроэнергетика. К сожалению, к этому времени был и негативный опыт в российско-южноафриканских торгово-экономических отношениях. В 2005 году ОАО «ГАЗ» подписало меморандум с GAZ SA о поставках в ЮАР 30 тысяч автомобилей семейства «Газель» в течение 5 лет. В 2006 году предприятие планировало произвести около 20 тысяч автомобилей «Газель» и «Соболь» с правым расположением руля. Этим планам не суждено было сбыться. Эксплуатация первой партии машин в количестве нескольких сотен штук выявила существенные недостатки в организации эксплуатации и сервисной поддержки на местах со стороны российского производителя. Прислать в регион делегацию для оценки состояния последней партии микроавтобусов «ГАЗ» попросила компания McCarthy Motor Holdings (ММН), совладелец дистрибьютора техники «Группы ГАЗ» в ЮАР. «Газели» вызвали у южноафриканских таксистов множественные нарекания. Операторы такси заявили, что у микроавтобусов лопаются шины, повреждены приборные панели и выпадают дверные ручки. Наши специалисты ответили тем, что техника эксплуатируется неподобающим образом. Водители самостоятельно оборудуют 12-местные «Газели» 28 посадочными креслами, в том числе на крыше, и не проходят техосмотр. То, что наши «Газели» не выдерживали конкуренции с «неубиваемыми» «Тойотами» — это факт. Частые поломки при отсутствии запчастей заставили ЮАР отказаться от дальнейших закупок нашей техники. Имиджевый удар по российскому бизнесу был колоссальным. Когда я стал заниматься Деловым советом, в Южной Африке об этом только и говорили. Продавая оборудование в Африку, нужно быть готовым к тому, что эксплуатировать его будут нещадно, поэтому требования к надёжности и конкурентоспособности техники должны быть на порядок выше, чем на других рынках. Африканцам есть из

чего выбирать. Они будут покупать то, что требует минимальных эксплуатационных затрат при наибольшей отдаче в виде прибыли. В случае с «Газелями» речь шла о частных такси, которые являются основным видом транспорта для местных африканцев. Компании-перевозчики находятся друг с другом в жёсткой конкуренции. Нередки случаи и локальных физических столкновений между ними в борьбе за клиента. Этот опыт показывает, что нужно внимательно изучать рынок, обучать кадры, организовывать качественный и быстрый сервис и многое другое. На первом саммите Россия-Африка в Сочи ГАЗ показал свою новую технику, в частности «Газель Next» и выразил надежду на возвращение на рынок ЮАР, а также начало продаж в других африканских странах. Хочется искренне пожелать успеха и выразить надежду, что из первого опыта были сделаны правильные выводы.

Работу Делового совета мы начали с создания первой интерактивной интернет-платформы на русском и английском языках, где публиковались основные деловые новости обеих стран, предложения по сотрудничеству различных компаний ЮАР и России, проекты и бизнес-презентации деловых кругов. Всё это налаживало общение, знакомило с деловой культурой друг друга и давало возможности проводить различные совместные мероприятия. Так, при активной поддержке Делового совета мы вывезли российских представителей науки и бизнеса в г. Кейптаун, где совместно с национальной генерирующей компанией «Эском» провели интересный технический семинар по теме передачи электроэнергии на большие расстояния и эксплуатации энергосетей. Следует отметить, что южноафриканцы проявляли мало интереса к российскому бизнесу, потому что о нём практически никто ничего не знал. Выбор исполнительного секретаря Делового совета со стороны ЮАР произошёл только через три года после его создания. Председателем же южноафриканской части был избран

известный бизнесмен Токио Сехвале, которого я знал ещё с середины 70-х годов, когда он проходил военную подготовку в СССР. Тогда он выбрал себе псевдоним «China» (Китай) и запомнился тем, что постоянно спорил с преподавателями, отстаивая явно маоистские политические взгляды. Позже, отсидев 10 лет в политической тюрьме на острове Роббен за диверсионную деятельность на территории ЮАР, он стал одним из активных участников политических процессов в ЮАР и горячим сторонником российско-южноафриканского сотрудничества, спонсируя выступления нашего балета и цирка. Токио Сехвале стал одним из самых богатых чёрных бизнесменов нового поколения в ЮАР и был настолько занят бизнесом, что «поймать» его практически не представлялось возможным. Южноафриканская часть Делового совета просто не функционировала. Так сложилось, что несколько лет спустя, когда я стал работать в ЮАР в качестве представителя ГК «Росатом», наши офисы оказались рядом, на одном этаже бизнес-центра в Сандтоне. Токио, успевший побывать уже министром сельских поселений в правительстве Дж. Зумы, иногда заходил ко мне, рассказывая интересные истории из своей революционной жизни. Ища контакты с южноафриканским бизнесом, я постарался сделать всё, чтобы встретиться с нашими «учениками», проходившими военную подготовку в 70-80-е годы. Такая встреча состоялась в штаб-квартире АНК в «Литули Хаус» в Претории. Пришло три десятка человек, ветеранов военного крыла АНК «Умконто ве Сизве» (Копьё нации). Встреча была очень тёплой. Многие узнали меня, я же практически не узнал никого: прошло достаточно много времени, и за 14 лет моего активного участия в подготовке кадров АНК люди сильно изменились внешне. Состоялся заинтересованный разговор. У многих уже были свои компании, а самое главное были необходимые деловые контакты. Люди были готовы работать с российским бизнесом и лоббировать его интересы. Российский бизнес

был не готов. Только пара компаний откликнулась на призыв, и начали что-то делать совместно, в частности пытались раскрутить на рынке наши органические удобрения. Встреча с ветеранами вывела меня на людей в окружении будущего президента ЮАР Дж. Зумы. Отношение к этому человеку разное, и неприглядных историй о его безграмотности, полигамности или коррумпированности предостаточно, но каждый раз, встречаясь с ним, я видел перед собой проницательного, наполненного энергией и эмпатией человека, искренне позитивного к россиянам и с благодарностью вспоминающего помощь нашей страны в борьбе против апартеида. Дж. Зума неоднократно высказывался о предоставлении большей экономической власти чёрному большинству, думал о создании независимого национального банка страны, инициировал решение земельного вопроса. Отчасти такая позиция стала причиной организованных на него нападок, смещения с поста президента и в итоге ареста на 15 месяцев. Человек, посвятивший всю свою жизнь борьбе за свободу и демократию своего народа, отсидевший в тюрьме на острове Роббен 10 лет за свою политическую и боевую деятельность, сам оказался заложником созданной в стране системы. Можно сколько угодно рассуждать на тему примерной демократии в ЮАР, но без активного влияния Запада этого бы не произошло. При личных встречах с президентом меня представляли как «Comrade» (товарищ) — обращение, принятое среди людей старшего поколения, ветеранов АНК, находившихся в ссылке во времена апартеида и участвовавших в подпольной борьбе. С его уходом Россия ослабила свои позиции в стране и регионе. Если Дж. Зума не стеснялся говорить о роли нашей страны в поддержке его народа в борьбе за свободу, то сегодняшние высокопоставленные южноафриканские политики, когда-то обучавшиеся у нас, предпочитают об этом молчать. Южноафриканская пресса не обходит стороной и рассказы о том, как удалось избежать «нашествия

коммунизма» в своей стране. Попытки некоторых наших политиков и бизнесменов реанимировать отношения на воспоминаниях о прошлом наталкиваются на жёсткий отпор в духе «мы вам ничего не должны». Что верно, то верно. В условиях новых политических и экономических реалий мира мы обязаны строить свои отношения на взаимных интересах и прагматизме, но и не стоит забывать и прошлое, прежде всего свою историю, а тем более искажать её в угоду политической конъюнктуре.

Работа в Деловом совете и частые поездки в ЮАР познакомили меня с интересными людьми, для которых Советский Союз в своё время стал родным домом. Дочери полковника медицинской службы ЮАР Токо Мзиманг воспитывались в Ивановском детском доме, а затем получили медицинское образование в нашей стране. Нанди и Сази владеют русским как родным. Муса Мдлули, проживающий в Дурбане, получил образование в Донецком медицинском институте. У всех у них свой собственный бизнес, связанный с медициной. Таких людей, обучавшихся у нас в стране и свободно говорящих по-русски, в ЮАР я встречал достаточно много. Это были инженеры, геологи, врачи, журналисты и даже философы. Ныне покойная Токо Мзиманг также изучала медицину в нашей стране, как и бывшая жена её брата Менди Мзиманг, казначея АНК, Манто Тшабалала-Мзиманг, которая отучилась в 1-м медицинском институте г. Ленинграда в 60-х годах и впоследствии стала министром здравоохранения ЮАР. Бывший главный исполнительный директор государственной нефтегазовой компании ЮАР PetroSA Hocusbe Hokbe-Макамо окончила московский Институт нефти и газа и Азербайджанский политехнический институт. Ряд министров в правительстве ЮАР при всех президентах страны после завоевания свободы от апартеида были людьми, прошедшими в своё время военную подготовку в нашей стране. Первая чёрная женщина-генерал Джеки Седибе, вдова министра обороны

Джо Модисе, которого я упоминал ранее, тоже училась у нас, в Одессе. Впоследствии она стала акционером известного проекта с участием российского бизнеса United Manganese of Kalahari. Общение с этими людьми вселяло надежду, что наши деловые отношения выйдут на новый уровень. К большому сожалению, этого не случилось. Мы долго пытались преодолеть рубеж товарооборота в 1 млрд долларов, но так и не смогли, откатившись назад. Причин было несколько, главная — российский бизнес не знал и не понимал Африку. В силу культурных и ментальных различий было чрезвычайно сложно сформировать уровень доверия между партнёрами, необходимый для бизнеса. Мы не привыкли к долгосрочным инвестициям, медленному возврату денежных средств и деловой культуре африканцев. Вся стратегия захода российских компаний на рынок ЮАР строилась на первоначальном общении с президентом страны и ожидании от него указаний вниз. Оказалось, что вертикаль власти в нашем понимании этого явления в ЮАР просто не работает. Президент Дж. Зума принимал наши делегации, приветствовал наше желание работать на рынке страны, но дальше этого ничего не происходило. Президент — фигура политическая, и никогда не будет заниматься вашим бизнесом. Следовало искать нужных бизнес-партнёров, практикуя коммерческий подход «снизу». Великолепный бизнес-проект по телемедицине, который продвигался на президентском уровне и тем самым политизировался, в результате завершился коммерческим использованием идеи частной компанией, которая предпочла работать с голландцами. Таких российских проектов было несколько, но все они потерпели неудачу только потому, что очевидно коммерческие вещи не стоило выносить на самый высокий политический уровень. Взаимный бизнес работает в Африке только тогда, когда вы кооперируетесь с местным партнёром, заинтересованным в ваших предложениях. Если же возникает желание «засветиться»

у первого лица государства, то максимум, что вы можете попросить у президента, это благословить ваш проект.

Мои частые поездки в ЮАР совпали с подготовкой страны к чемпионату мира по футболу 2010 года, проводившегося в Африке впервые. Были построены новые международные терминалы практически во всех крупных аэропортах ЮАР, где планировались матчи; запущен метропоезд «Гаутрейн» (наподобие нашего метро) в Йоханнесбурге; открыты новые отели, отремонтированы автомобильные трассы и возведены красивейшие стадионы. Но самое главное был «зачищен» криминальный мир. До 2010 года разгул преступности в стране был таким, что выходить на улицу в вечернее время было опасно, выезжать на автомобиле - тем более. Поскольку нападения на водителей происходили на улицах перед светофорами, когда зажигался красный свет, то перекрёстки старались проскакивать на большой скорости, зачастую на запрещающий сигнал. «Гоп-стоп» случался и средь бела дня. Прибывающих в Йоханнесбург европейцев бандиты начинали «вести» уже в аэропорту, и при удобном моменте устраивали засаду на пути следования в город или непосредственно в месте проживания. Таким образом был ограблен руководитель бизнеса одной из крупных российских компаний, когда преступники отобрали вещи всей его семьи, запакованные в чемоданы. Засада была организована у ворот его дома, куда он прибыл из аэропорта вместе с женой и детьми на машине. Дерзкое ограбление происходило под дулами пистолетов, и любое неверное движение могло закончиться расстрелом семьи на месте. В таких случаях по возможности надо сохранять хладнокровие и лучше сразу отдать грабителям всё, не разговаривая и не торгуясь. Смотреть в их сторону, а тем более в глаза, тоже не рекомендуется. Жизнь дороже! Под воздействием нервного напряжения, а зачастую и наркотиков они становятся просто невменяемыми и могут нажать на курок, не раздумывая. Расовый аспект приобретает особое значение. Нападение на «белых колонизаторов», повинных, по мнению бандитов, во всех их бедах, происходит с особой жестокостью, так как в их глазах является идеологически мотивированным и оправданным. Я уже писал об ограблении японца члена нашей делегации в 2001 году. С тех пор преступность только нарастала и практически захлестнула всю страну, подойдя к своему пику перед чемпионатом мира по футболу 2010 года. В стране стали набирать популярность так называемые security villages (посёлки безопасного проживания), где дома и таунхаусы обносились трёхметровым забором с натянутой поверху в несколько рядов проволокой под напряжением. Въезд осуществлялся исключительно по особым пропускам. Но и это спасало не всегда. Грабители проникали на территории посёлков под видом прислуги и рабочих. Даже в охраняемых домах все двери в комнатах дублировались металлическими решётками, чтобы ограничить передвижение бандитов по дому в случае проникновения вовнутрь, особенно ночью. Таких нападений было немало даже на наших дипломатов, проживающих в Претории. Дома белых фермеров-африканеров напоминали крепости. Расположенные в сельской местности, они были окружены двойным периметром заборов с ночной охраной — вооружёнными сторожами и собаками. Неслучайно многие телевизионные заставки во время трансляции футбольных матчей с чемпионата мира посвящались преступности в ЮАР. Большинство нападений в городах с целью ограбления совершалось тогда иммигрантами-нелегалами из соседних африканских стран, в сельской же местности грабили «свои». Контролировать такую преступность было крайне сложно. Тем не менее, как мне показалось, после чемпионата мира это была уже другая страна: многих иностранцев удалось депортировать на родину; полиция стала патрулировать общественные места; нападения на водителей у светофоров

прекратились. Однако ксенофобия нет-нет да и давала о себе знать вспышками насилия в отношении приезжих.

«Расизм наоборот» стал ещё одной серьёзной проблемой для страны. Проблема в южноафриканской прессе рассматривалась с разных точек зрения. Одни говорили о геноциде в отношении белых, называя цифры в несколько десятков тысяч погибших от рук убийц, другие писали о том, что это всё неправда, и цифры сильно преувеличены. Тем не менее факт остаётся фактом — такое явление в стране есть. Только среди моих знакомых белых южноафриканцев много людей, потерявших родных и близких в результате жестокого нападения и убийства. Тем, кому удаётся выжить, получают серьёзную психологическую травму. Многие уезжают из страны. По некоторым данным, свыше одного миллиона белых граждан ЮАР эмигрировали с 1994 года. В основном уезжают молодые люди, зачастую переводя свой семейный бизнес в такие страны, как Новая Зеландия и Австралия, где существуют специальные программы поддержки переселенцев: предоставляются дома, выплачиваются «подъёмные», перевозится оборудование их предприятий и т.д. Самое страшное, что «расизм наоборот» становится политически мотивированным движением, особенно среди чёрной молодёжи. Джулиус Малема, лидер партии EFF (Борцы за экономическую свободу), в своё время возглавлявший Молодёжную лигу АНК, «поднялся», если так можно выразиться, на откровенно расистских призывах убивать буров. Известная песня «Kill the Boer» (Убей бура) стала гимном его движения, вовлекая всё новые массы чёрных националистов, а требования национализации предприятий и экспроприации земли стали основой экономической программы EFF, набирающей популярность от выборов к выборам. «Борцы за экономическую свободу» уже занимают 44 места в парламенте страны из 400 имеющихся. Наблюдая за социально-политическими процессами в ЮАР, становилось очевидным, что создать по-настоящему демократическое

и справедливое общество в стране так и не удалось. Требования экономических преобразований родились не случайно. Получив политические свободы почти три десятилетия назад, чёрное население страны всё ещё остаётся в крайне тяжёлом экономическом положении. В обмен на политическую власть для чёрных белое меньшинство сохраняет доминирующее положение в ключевых секторах экономики — финансах, промышленности, сельском хозяйстве и др. Создав за счёт доступа к власти и бизнесу прослойку хорошо обеспеченных чёрных (менее 1% населения), называемых в народе «cocoa-nuts» (кокосовые орехи, чёрные снаружи и белые внутри), владельцы крупного капитала откровенно наплевали на положение большинства, а это как никак свыше 45 миллионов прозябающих в нищете. Безработица среди них, только по официальным данным, достигает 35%, а среди молодых людей — и того выше.

Уезжая из страны накануне чемпионата мира, меня не покидало сложное и противоречивое чувство, что проблемы ЮАР только начинаются. Было обидно и больно смотреть на то, что мечтам лидеров-основателей АНК и Южноафриканской компартии о светлом будущем единой «радужной» нации не суждено было сбыться в полной мере. Люди, как белые, так и чёрные, стали всё чаще обращаться к прошлому и вспоминать о том, как хорошо было всем во времена апартеида.

К 2010 году моя жизнь была уже настолько связана с Южной Африкой, что когда руководство одной из компаний Газпромбанка — «ГПБ Нефтегаз Сервисиз Б.В.» сделало мне предложение о работе непосредственно в стране на постоянной основе, я не смог от него отказаться. В то время компания была заинтересована в выходе на рынки стран Юга Африки по схеме венчурного бизнеса с приоритетом в сфере геологоразведки и добычи углеводородных и минеральных ресурсов. Южно-Африканская Республика рассматривалась в качестве ключевого направления деятельности

в данном регионе. В целях придания сотрудничеству с ЮАР стратегического характера в октябре 2010 года компания «ГПБ Нефтегаз Сервисиз Б.В.» открыла представительство (филиал) в Йоханнесбурге. Этому предшествовала продолжительная бюрократическая работа с южноафриканскими юристами, риэлторами и консульским отделом посольства ЮАР в Москве. Непосредственно занимался всем этим я, приобретая бесценный опыт работы в Африке. Несмотря на, казалось бы, хорошие межгосударственные отношения между нашими странами, выдача мне так называемого work permit (разрешения на работу) всячески затягивалась. Мои документы заворачивали в посольстве ЮАР по нескольку раз: то чернила были не те, то перевод документов не устраивал, то справки были не свежие. Складывалось впечатление, что кто-то саботировал наше желание вести бизнес в этой стране.

Внутренняя политика ЮАР была направлена на ограничение въезда белых эмигрантов из-за опасения, что они останутся там на ПМЖ. Сочетание нетронутой природы и очень комфортного климата, богатого животного мира, развитой инфраструктуры, первоклассного сервиса, великолепной кухни и деликатных вин, относительно низких цен и возможности получить достойную работу в условиях тотального дефицита кадров, действительно, сделали страну пристанищем для многих европейцев из разных стран, включая и нашу. В результате трёх волн эмиграции — послереволюционной, послевоенной и послеперестроечной — в стране образовалась русскоговорящая колония из нескольких тысяч человек. В районе Мидранд был построен православный храм преподобного Сергия Радонежского. Это единственный православный храм во всей Африке, в южной её части, за линией экватора. Купола храма, расположенного на возвышенности, золотом горят на солнце на фоне африканских пальм и видны издалека по дороге из Йоханнесбурга в Преторию. Храм небольшой, но сооружён

с душой и искусно расписан мастерами Санкт-Петербургской школы иконописи. 2 марта 2003 года митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (ныне патриарх Московский и всея Руси) совершил чин великого освящения храма. По воскресным дням и в дни православных праздников сюда съезжается много верующих, и не только выходцев из нашей страны, но и с Украины, Белоруссии, Сербии, Болгарии, Грузии и других православных стран. Среди прихожан есть также белые и чёрные южноафриканцы. Строили храм всем миром, отдавая значительные пожертвования на общее дело. Спонсорская помощь была оказана российской компанией «Стройтрансгаз». На подъезде к храму высажена целая берёзовая роща. Берёзы в Африке не растут, но здешние прихожане нашли её саженцы в местных магазинах, чтобы деревья напоминали верующим о далёкой родине.

Обустройство офиса и поиск места для постоянного безопасного проживания заняли пару месяцев, в ходе которых шло оформление моего разрешения на работу. Для контроля за процессом периодически наведывался в ЮАР по туристической визе. Её нужно было получать каждый раз перед поездкой, и тоже как-то непросто. Знаю точно, что со стороны нашего посольства в ЮАР в отношении виз для местных граждан заминок никогда не происходило. Тем не менее все вздохнули с облегчением, когда обоюдным решением правительств двух стран 30 марта 2017 года был введён безвизовый въезд наших граждан. Но это только для временных поездок. Тогда, в 2010 году, об этом не могло быть и речи, а разрешение на работу получил только на два года. Потом это разрешение пришлось продлевать уже на месте, что само по себе оказалось очень сложным делом. Основной задачей филиала, который я представлял в ЮАР, стал поиск в интересах российских компаний (в том числе входящих в Группу Газпром) крупномасштабных проектов в сфере добычи полезных ископаемых с целью их

совместной реализации с южноафриканскими партнёрами. Постоянное взаимодействие с руководством страны, ведущими министерствами и ведомствами ЮАР, финансовыми институтами, представителями бизнеса, изучение местного законодательства и рынка, первичный анализ потенциальных инвестиционных проектов стали содержанием моей работы на три года. Основным направлением деятельности компании являлась горнодобывающая отрасль, а именно проекты, связанные с изучением перспективных месторождений твёрдых минералов на территории Южной Африки и соседних стран. Направление было очень интересное, но совершенно новое для меня. Пришлось вникать в суть венчурных проектов в сфере горнодобычи, которые варьировали от простых поисковых лицензий до готовых, работающих бизнесов, которым не хватало финансирования. Через короткое время, используя свои старые связи и новые знакомства, я вышел на владельцев месторождений и геологические компании ЮАР, обладавшие достоверными геологическими данными и инсайдерской информацией. Подавляющее большинство предлагаемых проектов были непубличными. Это было связано с тем, что при появлении на рынке того или иного проекта, о котором становилось известно всем, он моментально обрастал посредниками, не имеющими к нему никакого отношения. Было горячее желание заработать. С такими людьми я столкнулся в первые месяцы пребывания в стране. По прошествии времени научился отделять их от реальных владельцев и не тратить время на пустые разговоры. Сейчас, когда Россия вновь идёт в Африку, конечно, важно понимать, какими ресурсами обладает та или иная страна, какие проекты существуют и куда потенциально можно вложить деньги. Но ещё важнее знать, что основные бизнес-договорённости совершаются в непубличном пространстве. Можно участвовать в многочисленных семинарах, презентующих открытые возможности для ведения бизнеса в Анголе, Гане, Кении

и других странах, но так и не получить ответ на вопрос, как это делается в реальности. Ведь желания чиновников, представляющих деловые возможности в своих странах, и бизнесменов, тем более иностранных, зачастую диаметрально противоположны. Чтобы понимать Африку, нужно в ней жить или часто там бывать. Это требуется для того, чтобы установить по-настоящему полезные связи и знакомства, которые выведут на реально выгодные проекты.

Бизнес на континенте, как я неоднократно подчёркивал, носит исключительно личностный характер. Всё определяют люди. Не стоит тратить время на формальные письма, направляемые в адрес африканцев: они на них мало реагируют, а если и реагируют, то всю правду вам не расскажут никогда. Нужно приезжать, общаться и лоббировать свои интересы. Только на доверительной основе владельцы прибыльных проектов покажут вам их содержание. Они тоже не хотят рисковать и ищут серьёзных партнёров по бизнесу. В ЮАР это, как правило, буры, владеющие землёй и полезными ископаемыми. Проекты обычно хорошо отработаны на бумаге, имеют финансовую и чисто геологическую составляющую. Тем не менее жизнь научила бдительности. Люди часто выдают желаемое за действительное. За красочной презентацией могут скрываться откровенная «липа», низкая рентабельность или юридическое обременение. Бизнес с политиками или на политике зачастую заканчивается ничем — каждый тянет одеяло на себя, исходя из своих амбиций и игнорируя экономику. Так случилось с перспективным российско-намибийским интегрированным газово-энергетическим проектом «Куду». Kudu Power — это проект, разработанный для увеличения производства электроэнергии в Намибии. Основными его элементами стали предполагаемая разработка газового месторождения Куду на шельфе Намибии и строительство электростанции комбинированного цикла на природном газе мощностью 800 МВт. Месторождение было

открыто ещё в 1974 году. Его прогнозные запасы составляют 28,3 млрд ${\rm M}^3$, причём не исключена возможность нового прироста запасов. Планировалось, что после завершения строительства электростанция будет питать сети Намибии и Южной Африки. Из общей мощности 800 МВт примерно 400 МВт предполагалось использовать в Намибии. Однако до переговоров с южноафриканцами о приобретении электроэнергии дело так и не дошло. Разногласия между участниками проекта усилились, участие в нём компании Газпромбанка стало неинтересным. В итоге, по прошествии 10 лет «воз и ныне там». В начале 2021 года появилось сообщение об увеличении норвежской компанией BW Energy своей доли в месторождении до 95%. Намибийской государственной компании Namcor досталось лишь 5%, хотя в первоначальном варианте с другими участниками, включая нашу компанию, эта доля равнялась 10%. Потеряно время, упущены коммерческие возможности, а перспектива сооружения газовой электростанции в Намибии, которая импортирует уже свыше 50% электроэнергии, остаётся весьма отдалённой.

Постоянное проживание в ЮАР и работа в качестве директора российской компании в Африке заставили окунуться с головой в африканскую культуру. Регулярные деловые встречи с представителями различных африканских стран окончательно подтвердили наблюдения о том, что Африка не так однородна, как кажется изначально. Каждая страна имеет свои особенности, а каждая народность — свои, присущие только ей национально-психологические черты. И таких народностей десятки, а иногда и сотни в каждой стране. Думаю, не совсем корректно и правильно называть их племенами, как это принято на Западе, да и у нас. Ведь зачастую африканцы, говорящие на одном языке и объединённые одной культурой, насчитывают от нескольких десятков тысяч до миллионов человек. Африка даёт всему цивилизованному миру удивительный пример

толерантности и уважения в отношении культуры и языка своих сограждан, живущих в мире и согласии в одном государстве, иногда даже совсем не понимая друг друга. В таких странах, как Нигерия, например, существует свыше 370 народностей (крупных племён). В Эфиопии на 110 миллионов человек приходится 80 народов, говорящих на 90 языках. В ЮАР принято 11 (!) государственных языков. Кто бы мог подумать, что в центре цивилизованной Европы можно убивать мирных жителей тысячами только за то, что они хотят говорить на своём родном языке. Я имею в виду Украину. Кровавые конфликты на этнической и религиозной почве с политическими целями в Африке всё же случаются, да и ксенофобия нет-нет да и даст о себе знать, особенно в развитых африканских странах, куда устремляются эмигранты из наиболее обездоленных регионов континента в поисках лучшей доли. Но в целом африканцы солидарны в понимании объединяющей роли Африки, которую они все считают одним домом и любовно называют «Mother Africa» (Мать Африка). В этом смысле в африканской культуре много общего. Её ключевым понятием является такое явление, как убунту. Слово «убунту» пришло из африканских языков зулу и коса и может быть переведено примерно как «человечность по отношению к другим» и «вера во вселенскую силу участия, объединяющую всё человечество». Аналогичные термины есть во многих африканских диалектах; они также означают великодушие, вежливость и человечность по отношению к другим. Убунту — это африканское этическое учение, своего рода гуманистическая философия, опирающаяся на доверие людей и их взаимосвязи. В его основе лежит эмпатия — одно из главных качеств африканского менталитета.

Африканцы убеждены, что участие, забота, сострадание — это как лекарство. Произнесённые вовремя слова поддержки, может, и не решат проблему, но скажутся на эмоциональном состоянии человека. Эмпатия наряду

с саморегуляцией, самомотивацией и эффективными отношениями между людьми составляют основу африканской психологии, лишь поняв и приняв которую можно быть успешным в Африке. «Человек существует только потому, что его окружают другие люди», — говорит африканская пословица (об этом более подробно — в моей книге «Как вести бизнес в Африке»). Европейское, и тем более американское сознание базируется на принципах индивидуализма. Мы осознаём себя независимыми индивидами и с детства приучены мыслить категориями отдельных личностей, каждая из которых уникальна. Зачастую индивидуализм превращается в эгоизм. Это входит в противоречие с убунту. Африканцы всегда соотносят свою деятельность с коллективистской моралью своего рода, своей общины, своей народности. Основу бизнеса, да и любой другой совместной деятельности людей составляет доверие. В Африке оно аффективное, то есть эмоциональное, базирующееся на перечисленных выше основах. В большинстве европейских стран и в Америке доверие когнитивное. Рациональное по своей сути, оно строится на оценке способностей и навыков другого человека, то есть исключительно на его профессиональных качествах: как говорится, «бизнес и ничего личного». Иностранцы, приезжающие работать в Африку, стоят перед трудным психологическим выбором — либо перестроить свой менталитет, либо вступить в диссонанс с африканской культурой. В последнем случае успех будет маловероятным. Справедливости ради следует отметить, что индивидуалистическая идеология Запада оказывает сильное влияние на сегодняшнюю африканскую молодёжь, которая стала жёстче и прагматичнее в повседневной жизни и в бизнесе. Открывшиеся новые политические и экономические возможности для африканского большинства в ЮАР после прихода к власти в 1994 году, особенно в связи с принятием закона об участии в экономике (Black Economic Empowerment, BEE), позволили избранным

нуворишам, иногда весьма талантливым в бизнесе, изменить отношение к жизни, ориентируясь на уровень благосостояния, стандарты поведения и морали белого меньшинства. Стремление к обогащению и роскоши зачастую заставляет их забывать об истоках и своих корнях. Я как-то спросил своего хорошего знакомого чернокожего миллионера из Южной Африки, который не без гордости заговорил о своём роскошном доме и парке из пяти премиальных автомобилей: «А как же убунту?» Вопрос оказался для него в высшей степени неудобным и привёл в замешательство.

С примерами индивидуалистической морали среди европейцев и американцев, прибывающих на континент или живущих в Африке, пришлось сталкиваться довольно часто. Местные буры и англичане, будучи даже очень состоятельными гражданами, не спешат оплачивать счёт в кафе или в ресторане, куда сами же и пригласили на встречу. Ждут пока это сделаете вы. Щедрость русской души в смысле гостеприимства и подарков как-то не находит взаимности в их культурах. В этом смысле не стоит обижаться, если в ответ на подаренную бутылку русской водки, и даже не одну, или же огромные коробки наших шоколадных конфет, привезённых в подарок из отпуска, вы не получите ничего. В лучшем случае — «спасибо». Это такая культура, у них так принято. В ответ на просьбу встретить вас в аэропорту вы можете наткнуться на весьма холодный ответ: «У нас хорошо работает такси». В этой связи не стоит рассыпаться в объятиях перед вашими белыми партнёрами. Ваша щедрость может быть принята за вашу простоту, которая, как известно, хуже воровства. Напротив, ваши африканские партнёры с благодарностью примут ваши подарки как проявление эмпатии и уважения. В силу своей бедности они не всегда могут ответить вам тем же, но заряд положительных эмоций, которые вы получите взамен, сделают вас ближе. Африканцы умеют благодарить. Они всегда найдут самые правильные и тёплые слова, чтобы сказать вам

спасибо. Предложат встретить в аэропорту тоже. Я до сих пор получаю тёплые поздравления от своей африканской домработницы, хотя прошло уже много лет. Для неё чрезвычайно важно, чтобы я тоже написал ей несколько тёплых слов к празднику или ко дню рождения.

О подарках много говорится в моей книге «Как вести бизнес в Африке». Ошибиться здесь нельзя. Сталкиваясь с разными культурами в Африке, не могу не вспомнить встречу с американской парой во всемирно известном парке Крюгера, куда мы с женой отправились на сафари посмотреть животных и птиц. Оказавшись в одной туристической группе с американцами, обратили внимание, что они заворожённо, практически часами могли смотреть на бегемотов и жирафов, слонов и крокодилов. Когда же за ужином мы расположились за одним столом под открытым чёрным небом, усеянным яркими звёздами, и оказались напротив друг друга, сообщение о том, что мы русские, привело американцев в состояние шока. Для них это было нечто большее, чем увидеть выходящего из болота бегемота. Оказалось, что американцы никогда не видели русских. Они смотрели на нас, как на инопланетян. То, что мы оказались нормальными людьми, никак не укладывалось в пропагандистские стереотипы времён холодной войны. Американка явно возбудилась и без устали расспрашивала жену буквально обо всём, что её интересовало чисто по женской линии. Она даже обратилась с просьбой погладить кожу моей супруги на руках и на лице, потрогать волосы на голове, словно не веря, что она натуральная и живая. Сама же американка была затянута шрамами недавних пластических операций и, мягко говоря, выглядела не очень. Её муж, высокопоставленный сотрудник Аэрокосмического агентства США НАСА (NASA), оказался таким же идеологически зашоренным. Вести дискуссию с ним было практически невозможно. Помог предыдущий опыт работы в американской компании, в том смысле, что философия жизни граждан этой страны

оказалась знакомой. В отличие от коллективистской африканской морали, проповедующей скромность, непритязательность и терпение, американцы зациклены на индивидуальном успехе. Они априори должны быть лучше других, а слово «loser» (проигравший) является для них самым обидным определением. Отсутствие видимого успеха среди себе подобных, в особенности другой национальности, они компенсируют высокомерием и даже хамством. В Африке эти качества совершенно неприемлемы. Вместе с тем совершенно очевидно, что это такие же люди, со своими проблемами и заботами. Несколько дней плотного общения с американской парой позволили ближе узнать друг друга. Подаренная американке традиционная русская матрёшка с 8 фигурками внутри привела её в неописуемый восторг. Сложилось впечатление, что встреча с русскими стала самым сильным впечатлением от посещения парка Крюгера, куда с мужем, по их рассказам, они приезжали каждый год. Мы же, оказавшись в этих местах юго-восточной части ЮАР, смогли в полной мере насладиться удивительным природным и животным миром страны. Не стану подробно описывать этот заповедник в туристическом плане. Это то место, которое стоит посетить. Невольно сравнил его с национальными парками Танзании, в которых побывал в 90-е годы. Впечатление совсем другое. Если в первом случае все животные были на виду, и не составляло особого труда встретить всю «большую пятёрку» за один день, то в парке Крюгера может «повезти» так, что за пять дней непрерывных поездок на сафари и днём и ночью вы не встретите никого из Big Five. Нам удалось увидеть всех, правда, не сразу. Только на пятый день в ночь перед отъездом мы, наконец, смогли насладиться грациозной походкой молодого леопарда, который вышел на асфальтированную дорогу и долго сопровождал нашу машину по правому борту, излучая в темноту ночи сверкающий взгляд своих хищных глаз. Впечатлило обилие достаточно крупных сухих деревьев. Как оказалось, это результат деятельности слонов, которые в поисках влаги вспарывают их кору своими бивнями, после чего дерево засыхает. Таких загубленных слонами деревьев по всему парку было разбросано великое множество. Разнообразие птиц потрясло не меньше, чем разнообразие животных. Их количество, виды, размеры и невероятно красивые краски в сочетании с окружающей зеленью ландшафта создавали ощущение нереальности, другой цивилизации.

Можно бесконечно долго описывать жизнь и повадки носорогов, бегемотов, львов, крокодилов, антилоп, гиен. Это очень интересно, и в этом смысле Африка завораживает. Но всё же вернёмся к главной теме книги, к другой Африке. Первый опыт общения наших высокопоставленных менеджеров с африканцами показал, что попытки заняться бизнесом наскоком, сделать что-то за два приезда в Африке не работают. Нужно время, ибо африканцы не будут общаться с вами, пока не изучат и примут вас эмоционально, то есть пока не поймут, что вам можно доверять. Не у всех европейцев хватает на это терпения. Напористость и то, что мы в просторечье называем «понтами», действуют на африканцев как красная тряпка на быка. Любое высокомерие белого человека в Африке воспринимается как расизм. Много раз я был свидетелем того, как жёсткая манера построения переговоров с потенциальными деловыми партнёрами ничем не завершалась. Наши бизнесмены никак не могли взять в толк, почему, казалось бы, после всех договорённостей, подписания необходимых бумаг, дежурных дружественных улыбок в адрес друг друга ничего не происходит в их совместной деятельности. Надо понимать, что в культуре африканцев слова «нет» как бы не существует. Зачастую они не могут отказать гостю, сказать ему открыто о том, что их не устраивает. Вместо этого африканцы прибегают к иносказательности, образности и шутливым манерам, боясь обидеть гостя своим несогласием. Вот поэтому результаты переговоров нужно оценивать на уровне интуиции, ибо сказанное «да» может означать «посмотрим», «может быть» или даже «никогда».

Развитый эмоциональный интеллект, приезжающих в Африку бизнесменов и менеджеров компаний, становится одним из главных профессиональных требований наряду с профильной подготовкой. Представляя в ЮАР компанию Газпромбанка, как бывший исполнительный секретарь Делового совета я продолжал откликаться на просьбы российских компаний в продвижении их технологий и продукции на местном рынке. В один из дней вместе с потенциальными южноафриканскими партнёрами российской компании-производителя современного органического наноудобрения мы отправились в южные провинции страны — Мпумалангу²¹ и Лимпопо²². Сначала несколько слов о Мпумаланге. Это та, что на северо-востоке, ближе к Мозамбику. На языке зулу слово означает «место, где восходит солнце». Значительная часть территории занята национальным парком Крюгера. Здесь же находится каньон реки Блайд протяжённостью 26 км, что делает его третьим по величине каньоном в мире (после Гранд-Каньона в США и каньона реки Фиш в Намибии). Провинция славится своими уникальными природными заповедниками, неповторимыми узорами гор, водопадами и бескрайними угодьями сельскохозяйственных культур. Размеры плантаций впечатляют. Можно за час поездки на машине непрерывно наблюдать одну и ту же картину: уходящие за горизонт цитрусовые рощи с яркими зреющими плодами; томатные плантации; поля сахарного тростника и подсолнечника; посадки кукурузы, пшеницы, сорго, ячменя, подсолнечника, сои, арахиса, чая. Всё это принадлежит белым

²¹ Провинция Мпумаланга. Режим доступа: https://geosfera.org/afrika/yuar/2417-mpumalanga-provinciya.html

²² Провинция Лимпопо. Режим доступа: https://geosfera.org/afrika/yuar/1733-limpopo-provinciya.html

фермерам — африканерам (бурам). Живут они, как правило, где-нибудь под Кейптауном или в Претории совсем небедно, лишь периодически наведываясь в свои угодья. Сельскохозяйственный бизнес в ЮАР процветает и ведётся в промышленном масштабе. Руководят же на местах высококвалифицированные менеджеры с агрономическим образованием. С одним из них, представителем крупной агрофирмы ZZZ, нам и предстояло встретиться. Хочу отметить сразу, что попасть в круг делового общения белых фермеров, а тем более буров, является делом весьма сложным, особенно если вы из России. С вами никто разговаривать не будет вообще. Никакие обращения к англо-бурской войне, где, как известно, на стороне буров воевало свыше 200 наших добровольцев, не помогут. Нужны рекомендации и представления. В нашем случае все представления были сделаны заранее через моих знакомых и друзей. Цель нашей встречи была подробно обговорена с руководством компании заранее. В присутствии главного агронома и специалистов мы презентовали продукт. Наноудобрение вызвало большой интерес и желание протестировать его на практике. Зависимость южноафриканских сельхозпроизводителей от минеральных удобрений — колоссальная. Ежегодно на внешнем рынке закупаются сотни тысяч тонн «химии», чтобы гарантировать определённый уровень урожайности, а следовательно, и прибыли. Почва истощается с каждым годом, а вкус овощей уже напоминает пластик. Российское органическое удобрение, которое мы представляли, позволяло существенно сократить применение химических минералов, а через несколько лет полностью рекультивировать почву и совсем отказаться от них. Образцы удобрения оставили для проведения тестирования. Полученный на следующий год результат испытаний на томатах показал высокую эффективность российского продукта, однако компания не спешила переходить на «зелёное» производство. Как это часто бывает, и не только в Африке, новые

технологии с трудом пробивают себе дорогу. Никто не спешит рушить годами наработанные связи и хорошо выстроенную цепочку интересов в угоду чему-то неизведанному. Сходу в Африке сделать ничего нельзя: если вы действительно хотите закрепиться на рынке, требуются время, деньги и терпение. К сожалению, наши компании к этому не готовы. Маркетинговая поддержка нашего государства просто необходима для малого и среднего высокотехнологичного бизнеса, когда он идёт в Африку. Такая же картина наблюдалась и в следующей провинции, расположенной на севере страны — Лимпопо, куда мы отправились на следующий день. Там нас тоже ждали фермеры, но только выращивающие картофель. Удобрение было уже опробовано на новых посадках, и мы направлялись посмотреть результат. К слову, дорожные трассы в ЮАР очень высокого качества и при этом сказочно живописные. Пересекая Мпумалангу по дороге в Лимпопо, можно наблюдать ярко-зелёные молодые рощи эвкалиптов, заботливо высаженные по склонам холмов и растянувшиеся на километры вдоль трасс. Рядом вместо леса аккуратно торчат одни пни спиленных или совсем ещё юные посадки новых деревьев. Так рационально используется земля для воспроизводства леса, который выращивается для целлюлозно-бумажной промышленности. ЮАР входит в двадцатку крупнейших производителей целлюлозы в мире. Такие известные фирмы, как Mondi Ltd, Neopack (Pty) Ltd, Sylko (Pty) Ltd, Pandu Paper Products (Pty) Ltd и другие (всего их больше 40), не только перерабатывают древесину, но и восполняют вырубки новыми посадками. Эти фирмы владеют лесными угодьями в несколько тысяч гектар и сами заботятся о сохранности леса. С одной из них — компанией Sappi Ltd — я познакомился несколько лет спустя, когда по линии Росатома мы продвигали в ЮАР решения по малой гидроэнергетике, так называемые мини-ГЭС. Поскольку на территории владения лесными массивами компании находилось много мощных водопадов, идеальных для выработки электроэнергии с помощью специальных турбин малой мощности, то мы стали активно прорабатывать этот проект с руководством компании. Для этих целей был задействован потенциал местных партнёров, отношения с которыми нарабатывались годами. Всё бы было хорошо, но, как оказалось, заявленный дочерней компанией Росатома «Ганз» проект мини-ГЭС существовал только на бумаге, а предложенные цены на оборудование и сроки его потенциального изготовления были абсолютно неконкурентоспособными. Это был тяжёлый имиджевый удар по российскому бизнесу. В глазах белых руководителей Ѕаррі мы выглядели чёрными африканцами, которые «много обещают, но ничего не делают».

Работая в Африке, надо хорошо представлять, что вы не одни. Англосаксы давно уже понимают, что континент обладает огромным рыночным потенциалом. Многие западные компании присутствуют в Африке годами, чтобы нарабатывать опыт личного общения и продаж. Они изучают конкурентную среду и терпеливо ждут своего звёздного часа. Китайцы, португальцы, турки уже давно осваивают континент, проживая в африканских странах на постоянной основе. Но вернёмся к Лимпопо.

Провинция находится на севере ЮАР и граничит с Ботсваной, Зимбабве и Мозамбиком. Это один из беднейших и наиболее слабо развитых регионов страны. Особенно хорошо это заметно в сельских районах. Тем не менее сельское хозяйство здесь развито неплохо. Разводят крупный рогатый скот; выращивают подсолнечник, хлопок, кукурузу, арахис, бананы, ананасы, манго. Имеются плантации чая и кофе. Ландшафт более открытый, чем в соседней провинции. Люди, наоборот, не особо общительные. Фермерское хозяйство, куда мы направляемся, расположено на равнинной территории, уходящей за горизонт. На полях — посевы кукурузы, в специальных загонах — буйволы. Как известно, это дикие животные, обитающие в саваннах

Восточной Африки и в национальных парках ряда стран на юге континента, включая известный парк Крюгера. Южноафриканцы рассказывают мне, что выращивание буйволов приносит огромные деньги, но дело это весьма хлопотное. Ценятся только те особи, которые не являются носителями каких-либо болезней. Как правило, это различные вирусы, которые передаются в дикой природе из поколения в поколение. Задача фермера вырастить новое потомство совершенно здоровым. Вот почему вопросам биобезопасности на ферме уделяется самое пристальное внимание. Буйволов регулярно прививают по особой методике, выгуливают на специальных пастбищах, ежедневно мониторят здоровье каждой особи, помещая в отдельный загон тех, кто заболел. Посевы кукурузы вокруг фермы тоже не случайны — это своего рода природный барьер на пути переносчиков вирусов. Бизнес по разведению «чистых» буйволов стоит того. Средняя цена одной взрослой особи на рынке составляет от одного до двух миллионов долларов США. Буйвол-рекордсмен был продан за 12 миллионов. Для сравнения, носорога в ЮАР можно купить за 20–30 тысяч долларов, а за льва просят и того меньше: за самку — 2 тысячи долларов, за самца — 12-20 тысяч. Мясо буйвола менее калорийно, чем говядина, содержит меньше жира и на 40% больше белка. Это прекрасный источник железа, цинка, фосфора, селена, витаминов B_6 и B_{12} , содержащий все 9 ключевых аминокислот, необходимых человеку для роста и поддержания хорошего здоровья. Буйволиное мясо в три раза дороже говядины. Буйволы на домашней ферме — это ещё и элемент африканских понтов, символ богатства и статуса. Только очень состоятельные люди могут позволить их содержание. Вот такую информацию я получаю из первых уст — от хозяина фермы, пока мы едем на машине от ворот до центральной усадьбы, расположенной в самом сердце угодий в несколько тысяч гектар. Дом, где проживают хозяева, расположен в поле и напоминает крепость, окружённую огромными

деревьями и двумя периметрами высокого каменного забора. Ночью для охраны туда запускают южноафриканских ротвейлеров и мастифов. Задействованы и ночные сторожа с ружьями. Весь обслуживающий персонал и рабочие на ферме — чёрные африканцы. Хозяева — буры. Африкаанс более распространён, чем английский. Дом хозяев огромный, в два этажа, с большим навесом, где размещается стилизованный бар, отделанный красивым деревом и чучелами голов различных животных. Рядом с навесом место для брайя (braai), без которого не обходится ни один выходной в семье африканеров. Этот аналог барбекю пришёл от немецких иммигрантов ещё в начале колониальной эпохи. Мясо — как правило, говядина — жарится большими кусками на металлической решётке-гриле и древесных углях. Представившись друг другу, выпив предложенные хозяевами прохладительные напитки, мы направляемся в поле смотреть, как работает наше удобрение. Фермеры довольны, и результат налицо. Поставленные ранее несколько бутылок концентрата были разведены водой для опрыскивания побегов. Обработка поля раствором производилась дважды. Сравнение двух посадок картофеля — обработанного и без обработки — явно свидетельствовало в пользу нашего удобрения. Ботва была большего размера и ярко-зелёная. Позже, уже в Йоханнесбурге, мы получили результаты собранного урожая: он оказался на 20% выше по сравнению с картофелем, подкормленным обычными минеральными удобрениями. Фермеры заинтересовались продуктом, но реального бизнеса так и не получилось. Причина в медлительности и негибкости руководства компании-производителя. Состоявшая в основном из учёных и находящаяся на этапе стартапа российская компания оказалась неспособной заниматься грамотным маркетингом. Денег на раздачу бесплатных образцов для тестирования, а без этого ни один продукт не выйдет на рынок, попросту не было. Все благие намерения сошли на нет. Партнёр, почувствовав отсутствие

какой-либо солидной поддержки со стороны производителя, тоже отошёл в сторону. Другой потенциальный партнёр в известном в стране районе виноделия под Кейптауном, так и не смог развернуть свою деятельность по продвижению продукта только потому, что столкнулся с таким распространённым явлением в Африке, как коррупция. Оправленные в его адрес 50 бутылок удобрения местная таможня так и не впустила как тестовые образцы, требуя сертификат соответствия как на коммерческий товар. Намёк на взятку был более чем прозрачный, но белый южноафриканец не стал связываться с этим и после нескольких месяцев борьбы с таможней сдался. Огромный винодельческий рынок ЮАР так и остался неохваченным, хотя так называемое organic wine (экологически чистое вино) сейчас популярно в ЮАР. И стоит оно дороже обычного. Как оказалось, при выращивании винограда для этих целей не используют химические удобрения. Вместо этого — компост из перегноя органических веществ. Наше удобрение на два порядка эффективней, но, увы, появиться ему на рынке ЮАР было не суждено. Это ещё раз говорит о необходимости физического присутствия в Африке, выборе правильных партнёров и необходимости проявлять терпение и настойчивость. Многие бизнесмены готовы идти в Африку, но не готовы рисковать, тем более нести финансовые потери, которые, как правило, случаются на начальном этапе. Однако если всё сделать грамотно, успех будет заметным.

Побывав в провинции Лимпопо, я не смог не увидеть одноимённую реку, от которой она получила название, а поэтому попросил моих южноафриканских друзей отвести меня к воде. В том месте, где мы остановились, река впечатления не произвела, хотя, как оказалось, она совсем не маленькая — 1750 км длиной. В песчаных берегах Лимпопо медленно несла свои мутные воды, теряясь в густой растительности. Был сухой сезон, и ширина реки не превышала 25 метров. Казалось, её можно перейти вброд. А на другом

берегу — уже Зимбабве. Граница не охраняется. Вдоль берега натянута проволочная сетка, которая разорвана во многих местах, так что подойти или даже подъехать ближе к воде не составляет большого труда. В общем, ничего особенного, если бы не нарастание внутреннего напряжения, ведь буры не зря назвали Лимпопо «крокодиловой рекой» из-за обилия крокодилов. В верхнем течении её так и называют — «Crocodile» (Крокодил). Сразу вспомнил нашу любимую сказку Корнея Ивановича Чуковского «Бармалей» — ту, с которой начал своё повествование в этой книге. Сбылась детская мечта — я увидел Лимпопо. Корней Чуковский не ошибся: в реке обитают не только крокодилы, но и гиппопотамы, слоны и носороги. А в её бассейне водятся питоны, гиены, буйволы, земляные волки, антилопы, зебры, жирафы, львы и леопарды, а также живность помельче. В общем, жуть, когда стоишь на берегу. Это не в национальном парке, где егерь всегда имеет под рукой заряженный карабин. Поэтому, отойдя от машины на достаточное расстояние, приходится напряжённо следить за водой и берегом. Рептилии почти трёхметрового размера охотятся в основном ночью. Даже неголодные крокодилы нападают и утаскивают свою жертву под воду. Кто знает, а вдруг? Средняя скорость передвижения крокодила на суше достигает 10-12 км в час, а в реке — до 40! В погоне за добычей, к примеру за птицей, они могут выпрыгивать из воды на высоту до двух с половиной метров. Бегемоты вообще могут нестись со скоростью 40 км в час, и, как я уже отмечал, являются наиболее свирепыми животными Африки.

На зимбабвийском берегу мирно гуляли жирафы, поедая листву на высоких деревьях; разгуливало несколько одиноких зебр; вдалеке виднелся силуэт взрослого слона. Вдоль нашего берега пробежали несколько антилоп. Больше никого. Тишина становилась зловещей. Адреналин подскочил до максимального уровня: в южноафриканских новостях постоянно сообщалось о нападении крокодилов на людей

в этой местности — жителей из окрестных деревень, нелегальных эмигрантов из Зимбабве, туристов, рыбаков. Все нападения — со смертельным исходом. Пробыв полчаса на берегу Лимпопо, как-то захотелось домой. Крокодилов так и не увидели, но смогли расслабиться только в машине. Возвращались в Йоханнесбург уже поздно вечером. Трасса была пустынна, и мы неслись со скоростью 140-150 км в час. Доехали быстро. Расстояние между Полокване (столица Лимпопо) и Йоханнесбургом чуть больше 320 км: ночью — это 2,5 часа пути на машине. Через несколько дней после возвращения из провинции я прочитал в интернете сообщение о пропаже 15 000 крокодилов с фермы рядом с Лимпопо. Случилось это на границе с Ботсваной, севернее от того места, которое посетили мы. Воспользовавшись подтоплением местности из-за сильных ливней, крокодилы попросту разбежались. Многие оказались в реке. Отловили и вернули на ферму только половину. Один из беглецов через несколько дней появился на спортивной площадке одной из южноафриканских школ в 100 км от места побега. Вот такая она, Африка!

Время моего постоянного проживания и работы в ЮАР совпало с первыми проблемами в области энергоснабжения. Начались веерные отключения в Йоханнесбурге и других городах ЮАР. Случались они, как правило, зимой, в холодный сезон, когда потребление электричества для обогрева домов резко возрастало. В Африке отсутствует центральное отопление, но это не значит, что там всегда тепло. В отдельных странах Юга, включая ЮАР, Ботсвану, Намибию, Свазиленд, температура ночью местами может опускаться ниже нуля градусов. Дважды я видел выпавший за ночь снег на улицах Йоханнесбурга, правда к обеду от него не оставалось и следа. В период нашего лета (июнь-август), то есть африканской зимы, температура в неотапливаемых помещениях не превышает 7–12 градусов. Спасаются, кто чем может. Хуже всех приходится

самым бедным и обездоленным, живущим в трущобах, в самодельных домиках из листового железа, картона, досок и другого подручного материала. Обитателям трущоб удаётся воровать электричество, делая незаконные подключения к линиям энергоснабжения кустарным способом, из-за чего часто вспыхивают пожары, уничтожающие целые поселения и губящие людей. Средний класс использует масляные обогреватели, а в домах побогаче установлены электрические полы. Обогрев жилища зимой — удовольствие весьма дорогое. Эксплуатация тёплого пола и масляного радиатора в представительской квартире мне обходилась в 500 долларов в месяц. Веерные отключения случались довольно часто, а восстановление энергоснабжения аварийными бригадами производилось крайне медленно. Иногда мы сидели без света по двое суток и более. Не работали ни интернет, ни стационарный телефон. Продукты из холодильника приходилось в срочном порядке раздавать знакомым африканцам, а самим питаться в ресторанах и кафе, благо еда в Южной Африке совсем недорогая. После отключения электроэнергии город моментально наполнялся рокотом дизель-генераторов. Каждый отель, магазин, ресторан, госпиталь или бизнес-центр оснащён мощными независимыми источниками энергоснабжения, как, впрочем, и все частные дома. Дизель-генерация — вещь дорогая. Стоимость одного киловатт-часа взлетает в разы. ЮАР испытывает большие проблемы со своими стареющими угольными электростанциями, обеспечивающими около 80% производства электричества. Оборудование выходит из строя, сами здания приходят в упадок и рушатся. На сегодня из чуть более 40 ещё недавно действующих угольных электростанций страны работают только 18. Остальные закрылись. Наиболее комфортно чувствуют себя жители Кейптауна и его окрестностей, ведь они снабжаются электричеством, вырабатываемым атомной станцией Куберг с двумя реакторами по 940 МВт

каждый, построенной французами ещё в середине 80-х годов. На долю реакторов приходится 5% электрогенерации.

В этот период начала второго десятилетия XXI века, когда энергетический кризис обострился до предела, в недрах политической элиты страны и зародилась идея сооружения новых атомных электростанций в стране. Идея активно поддерживалась новым президентом страны Дж. Зумой, и казалось, вопрос уже решён: у южноафриканцев нет альтернативы; уголь грязный; нефти, газа и гидроресурсов нет, а французская Арева (Areva), вводившая в эксплуатацию Куберг, уже на низком старте. Переговоры с правительством идут полным ходом и уже подписано межправительственное соглашение. Перспективный запрос — 9,6 ГВт мощностей. И тут появляются русские — российский Росатом. Тогда, в 2013 году, заканчивая командировку, я и не мог предположить, что на следующий год я снова вернусь в ЮАР уже представителем этой государственной корпорации, для того чтобы отстаивать наши государственные и бизнес-интересы, сражаться с нашими идеологическими недругами в медиапространстве и активно продвигать в ЮАР и в Африке наши уникальные ядерные технологии. Но об этом позже, вероятно, в отдельной книге. Пока же хочется рассказать ещё о двух африканских странах, которые я посетил, проживая в период с 2010 по 2013 год в ЮАР. Одна из них — Намибия.

Намибия

Я начал изучать эту страну, когда к нам на подготовку в Северный центр стали присылать бойцов СВАПО (SWAPO). Мою первую группу в 1976 году составили выпускники Высшей комсомольской школы, за которыми я приехал после получения ими диплома. Среди них был и сын будущего президента страны, а в то время председателя этой организации Сэма Нуйомы. Назвался он Джоном, хотя все

понимали, что имя это является псевдонимом [ФОТО 16]. Девять месяцев учёбы пролетели для них незаметно. Уроки по истории страны и её культуре, которые я получал в личных беседах, оказались бесценными. Мы учились тогда понимать Африку, африканцы учились понимать нас. На протяжении 14 лет службы в Центре было много групп из Намибии. Трудно забыть встречи с уже немолодым, но ещё крепким намибийским руководителем Г.А. Тойво я Тойво, проходившим специальный курс подготовки для высшего состава. Герман Андимба Тойво я Тойво (22 августа 1924 г. – 9 июня 2017 г.) был намибийским активистом, выступающим против апартеида, политиком и политическим заключённым, одним из соучредителей Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО) в 1960 году. В 1966 году за свою политическую деятельность был осуждён и приговорён к 20 годам лишения свободы, 16 лет провёл на острове Роббен, в том же секторе, что и Нельсон Мандела, с которым они стали друзьями. Тойво я Тойво был освобождён в 1984 году и вернулся в СВАПО в качестве генерального секретаря в изгнании в Лусаке (Замбия). Возвратиться в Намибию ему удалось только в 1989 году, после обретения страной независимости. Он стал членом парламента и министром шахт и энергетики в первом правительстве Сэма Нуйомы. Тойво я Тойво — национальный герой Намибии. В далёкие 80-е прошлого столетия это был умудрённый опытом человек с широким политическим кругозором. Он много читал и любил поговорить о политике с преподавателями в простой неформальной обстановке, как правило, за обедом, да ещё и под рюмку водки, которая ему очень нравилась и доставлялась к столу по его просьбе. Как бы меняясь местами, мы слушали Тойво с открытым ртом, ибо это был умный, целостный и сильный духом человек, способный не только убеждённо отстаивать свои идеалы, но и отдать за них жизнь. В те времена председатель СВАПО, будущий первый президент страны Сэм Нуйома, тоже часто

бывал в СССР и был олицетворением стойкости и верности делу борьбы намибийского народа за свою независимость. Позже мы часто виделись с ним в Анголе, и даже принимали его на борту советского военного корабля [ФОТО 17–19]. В 2004 году Сэм Нуйома поддержал на президентских выборах кандидатуру своего однопартийца, вице-президента СВАПО Хификепуньи Похамбы, который и стал новым президентом, а в 2007-м — и председателем СВАПО. В этом же году в составе российской делегации, участвовавшей в работе Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству (МПК), я впервые оказался в свободной демократической Намибии. Захотелось найти Джона и его товарищей по группе. Все намибийцы, к которым я обращался, единогласно сообщили, что он умер. Это был старший сын С. Нуйомы. Причины смерти так и остались для меня неизвестными. Другого человека, изображённого на фотографии, которую привёз с собой, никто узнать не смог — прошло слишком много времени. Люди сильно изменились внешне, а настоящее имя человека так и осталось тайной. К слову сказать, и фотографироваться нам не разрешали. Это была исключительная просьба Джона, на которой он настоял.

Намибия впечатлила своими бескрайними просторами, вечным солнцем на голубом небе, прямыми узкими дорогами, уходящими за горизонт, обилием диких животных и домашнего скота. Дипломаты из нашего посольства организовали короткое знакомство с Виндхуком — столицей Намибии. Город быстро развивался, росло население, строились новые дома, появлялись новые отели. Мы сходили в ресторан, где я впервые отведал мясо крокодила, страуса и дикого кабана. Экзотично, но хороший стейк из свежей говядины средней прожарки грамм на 500 с южноафриканским пинотажем впечатляет больше. В часе езды от Виндхука посетили термальный источник с минеральной водой. Гросс-Бармен (Gross Barmen) — парк, заповедная

зона и государственный санаторий. Вода поступает с глубины 2500 метров, имеет температуру 65 градусов, а уже в бассейнах охлаждается до 40 градусов. Говорят, по своим лечебным свойствам она не уступает курортам немецкого Баден-Бадена, по крайней мере список минералов, найденных в ней, впечатляет. Но в Намибии все процедуры на порядок дешевле. Вот почему сюда на отдых и лечение приезжает много иностранных туристов. Появляются здесь и намибийцы, чтобы провести выходной день. Через несколько минут пребывания в воде бассейна на тело обрушивается огромная тяжесть. Такие же ощущения я в своё время испытал при посещении радоновых источников в Цхалтубо (Грузия). Так действует на организм эта необычная вода. После бассейна нужно отлежаться на шезлонге перед принятием душа и выходом на улицу. Только после некоторого времени во всём теле наступает лёгкость и блаженство. Люди не зря едут сюда. Особенно много немцев, ведь с 1884 года до окончания первой мировой войны Намибия называлась Германской Юго-Западной Африкой и была фактически колонией Германии, но не вся. Оставались территории, подконтрольные Британии. Немецкое влияние чувствуется везде. В ресторанах, принадлежащих немцам, подают традиционные блюда: жаркое из маринованной говядины, жареные колбаски, картофельные клёцки, свиную рульку с кислой капустой и самое главное прекрасное намибийское пиво Windhoek Lager, сваренное по старинным немецким рецептам.

С целью ближе познакомиться с культурной жизнью, отправляемся в местный клуб для белого населения, в основном для буров, которых в Намибии проживает достаточно много. Такое ощущение, что попадаешь в XVIII век. Играет старинная музыка, юноши приглашают девушек на танцы, которые молодёжными назвать никак нельзя. Диссонанс в том, что все они одеты в современную одежду. Танцы — что-то национальное из культуры африканеров или буров,

которые пришли в клуб семьями, для того чтобы пообщаться, попить вина или пива, а также поужинать. На выходе ощущение весьма странное — как будто вышел из машины времени, побывав в прошлом.

Второе посещение Намибии через несколько лет было не менее памятным. Прилетев в пятницу в Виндхук на очередное заседание МПК, мы могли по своему усмотрению провести предстоящие выходные, поэтому я с удовольствием принял приглашение коллег из ВТБ, открывших в Намибии совместное финансовое предприятие, отправиться на океан. По факту вышла незабываемая туристическая поездка — в Уолфиш-Бей и Свакопмунд. К побережью Атлантики направились рано утром на двух машинах. Асфальтовое шоссе — прямое, как линейка, и абсолютно пустынное. Мчимся с огромной скоростью, хотя поездка совсем небезопасна. Дикие животные, которых в Намибии огромное количество, нет-нет да и выскакивают на дорогу, несмотря на ограждения вдоль трассы. Если реакция водителя в таких случаях запаздывает, машина, ударившись о препятствие, улетает в кювет на десяток метров. Последствия могут быть печальными. Накануне нашего выезда погиб один из россиян, переехавший на ПМЖ в Намибию. Посольские машины тоже попадают в аварии, связанные с животными. На шоссе разъезжаются только две машины — так практически везде в Намибии, поэтому когда навстречу на большой скорости несётся огромный грузовик, волей-неволей крепче сжимаешь руль и усиливаешь внимание. До океана более 350 км, или 3,5 часа езды. По дороге заезжаем к местным художникам. Самые интересные сувениры — картины с изображением диких животных, выполненные тиснением и красками на коже. Это чисто намибийское и оригинальное искусство, поэтому охотно расплачиваемся с хозяином мастерской. Ещё одна остановка в пути, чтобы купить кофе и сытный билтонг (разнообразные вяленые мясные чипсы), и вот мы уже приближаемся к небольшому городу

Свакопмунд²³, практически в центре Атлантического побережья Намибии²⁴. Бросается в глаза обилие разноцветных уютных домиков и надписей на немецком языке. Всё напоминает Германию, только с пальмами. Здесь действительно много этнических немцев, потомков первых переселенцев. Говорят, что их численность в городе доходит до 10%. По наличию магазинов, свободно продающих фашистскую символику, понимаю, что именно здесь проживают и потомки тех, кто воевал с нами. На прилавках выставлены предметы экипировки солдат и офицеров Третьего рейха, награды, монеты, книги тех времён, включая бестселлер Гитлера «Майн кампф». Сильное впечатление производит городской музей Свакопмунда, особенно в части коллекции минералов. В нём представлены абсолютно все виды пород, минералов и кристаллов (отдельные экземпляры просто гигантских размеров), которые в разные времена были найдены на территории Намибии. В этом же музее хранится известный кристалл кварца, считающийся самым

²³ Википедия. Свакопмунд. Режим доступа: https://tftwiki.ru/wiki/ Swakopmund

²⁴ Первым из европейцев этот район посетил португальский мореплаватель Бартоломео Диаш. В 1793 году в устье реки Свакоп высаживались голландцы. В 1862 году немецкая канонерка «Волк» (Wolf) подняла над бухтой свой флаг в знак перехода территории под покровительство Пруссии. В сентябре 1892 года германский комиссар по освоению Юго-Западной Африки капитан Курт фон Франсуа основал здесь поселение и построил порт для принятия прибывающих войск и гражданских переселенцев. Немцы расширили и углубили естественную гавань Свакопмунда для принятия крупнотоннажных судов. С началом Первой мировой войны в сентябре и октябре 1914 года город подвергался орудийному обстрелу со стороны крейсеров британского флота. К концу 1914 года Свакопмунд был занят южноафриканскими войсками. С 1919 и по 1990 год город контролировался ЮАР. (Материал из Википедии).

большим по размерам кристаллом в мире. В городе и вокруг него много всего интересного. К примеру, заповедник «Берег Скелетов» или самый большой в мире по добыче урана открытым способом рудник Россинг. Но солнце уже клонится к закату, поэтому возвращаемся в отель, который знаменит тем, что располагается на месте бывшей железнодорожной станции. Сейчас он носит название Swakopmund Hotel and Entertainment Centre. Очень красивое, необычное по своей архитектуре место. В отеле отличный сервис и незабываемая еда. На следующее утро, рассчитавшись за ночёвку, направляемся в сторону города Уолфиш-Бей (в переводе с языка местного белого населения африкаанс «Китовая бухта»), что в 40 км южнее Свакопмунда.

Город находится в уникальном месте — там, где одна из самых безводных пустынь мира — жёлтая Намиб — сходится с синим Атлантическим океаном. Зрелище неописуемое. Намиб — это огромный бархан 1500 км в длину и 300–400 в ширину. Своим именем пустыня обязана языку народности нама, означающим «место, где ничего нет». Португальские колонизаторы, осваивавшие Африку в XVI веке, неоднократно высаживались на побережье сегодняшней Намибии, но, продвинувшись вглубь безжизненных песков на несколько километров, возвращались обратно. Долгие годы Намиб надёжным щитом прикрывала африканские племена этой местности от порабощения. Уолфиш-Бей главный и единственный глубоководный порт Намибии. Город связан железной дорогой со столицей. Туристы едут сюда в основном увидеть пустыню, омываемую океаном; лежбища морских котиков; миграцию китов; розовых фламинго, пеликанов, дельфинов и останки разбившихся у берегов Намибии кораблей. Кроме того, это идеальное место, где можно заняться такими видами спорта, как сэндбординг (катание на доске по песчаным дюнам), кайтинг, сёрфинг, плавание, рыбная ловля и парусный спорт. Благодаря особым климатическим условиям здесь преобладают

идеальный ветер и волны для сёрферов. Skeleton Bay, или Бухта скелетов, — это то место, где собираются тысячи поклонников этого вида спорта со всего мира. На протяжении 30 км от города вдоль лагуны и соляных полей тянется песчаная коса, в конце которой, на мысе, стоит высокий красивый маяк — исторический памятник 1915 года постройки. Здесь же, на маяке разместился стилизованный отель Pelican Point Lodge. Ещё одной его достопримечательностью является птичий заповедник в лагуне Рамсэр-Сайт, где живут огромные колонии розовых фламинго.

Успели съездить на экскурсию на соляной завод Салт-Воркс, чтобы собственными глазами увидеть огромные соляные горы; успели и к самому высокому в регионе песчаному образованию под названием «Седьмая дюна». Удивителен климат в этом регионе. Большая песчаная пустыня вовсе не является жарким местом в той своей части, что примыкает непосредственно к океану. Вдоль юго-западного побережья Африки проходит мощное холодное течение, и на расстояние 50-100 км от моря воздух имеет вполне комфортную температуру. Постоянно дуют ветры, перемещая массы песка и охлаждая побережье. В океане никто не купается — холодно, но зато можно поплескаться на мелководье в специальных песчаных карманах, куда затекает океанская вода и прогревается в них. Вдоль побережья тянется линия современных многоквартирных домов из стекла и бетона с потрясающим видом на бушующий океан. Недвижимость в этих местах достаточно дорогая. Состоятельные люди со всех концов света съезжаются сюда, чтобы насладиться спокойной и комфортной жизнью в одной из самых экологически чистых стран мира. Здесь же, на побережье, - кафе и рестораны, где можно отведать знаменитые намибийские дикие устрицы и различные морепродукты с тем же незабываемым пивом Windhoek Lager или других сортов, сваренных в местных пивоварнях. На обратном пути в Виндхук заезжаем в национальный парк, где перекусываем в ресторане с видом на свободно гуляющих антилоп и жирафов. Поездив немного по окрестным дорогам низкорослого леса (буша), упираемся в белого носорога²⁵, который никак не хочет сходить с пути. Это редкое и красивое животное.

Выходные пролетели незаметно. Мчимся в столицу. Дорога периодически напоминает о своей опасности. Мои коллеги мгновенно ударяют по тормозам при виде выводка цесарок или кабанов, не спеша пересекающих трассу.

Следующие приезды в Намибию запомнились посещением частных ферм африканеров в глубине территории страны. Простирающиеся на десятки километров, они захватывают и части низкорослой растительности (буша), где обитают слоны, антилопы, жирафы, кабаны и другие дикие животные. Любимое занятие хозяев — это охота. Особой гордостью некоторых из них являются вольеры с леопардами. Огромные частные дома напоминают каменные замки. Хозяева гостеприимны: предлагая остаться на ночлег, организуют брай и угощение напитками. Фермерские хозяйства отстоят друг от друга на десятки километров. Вся жизнь, даже молодых пар, протекает, на первый взгляд, скучно, но этот уклад поддерживается на протяжении веков. На самом деле, заниматься есть чем — огромное хозяйство требует постоянных забот и внимания. Да и наёмными рабочими из числа местных африканцев нужно руководить.

Ну а что же российско-намибийский бизнес? Практически ничего. Несмотря на периодические заседания МПК и усилия отдельных компаний что-то поправить в наших торгово-экономических отношениях, Россия занимает

²⁵ Вопреки названию, окрас белого носорога незначительно отличается от окраса чёрного, и название это, по-видимому, произошло при искажении бурского слова wijde (широкий, широкомордый), которое англичане по звучанию переделали в «white» — белый. От англичан название перешло в другие языки. (Материал из Википедии).

одно из последних (157-е) мест в мире в товарообороте с Намибией, который составляет мизерные 14 млн долларов в год. Я вспоминаю те возможности, которые открывались перед нашей страной в 90-е годы. Намибийцы были готовы широко распахнуть нам двери во всех сферах. Они активно приглашали наших специалистов и бывших военных инструкторов к развитию совместного бизнеса. Но нам тогда было не до Африки, мы выживали, решая внутренние проблемы. За прошедшие 30 лет все наши позиции оказались потерянными. Много воды утекло с тех пор, но самое главное — сменились поколения. Те, кто нас помнил, уже не у власти. Новые руководители страны, получившие образование на Западе, прагматичны и конкретны. С одной стороны, им не нравится стиль ведения бизнеса нашими компаниями, когда, к примеру, выданные лицензии на поиск полезных ископаемых никак не реализуются. С другой — новые намибийские руководители стараются всячески замотать участие россиян в торгово-экономических отношениях бесконечными бюрократическими процедурами, растянутыми во времени. Если честно, то не все хотят видеть российский бизнес в Намибии. Рынок плотно занят конкурентами — Китаем, ЮАР, Нидерландами, Бельгией и другими странами. Нас не стремятся пускать, да и мы сами не чувствуем особой необходимости туда идти, хотя у Намибии есть что покупать и что совместно развивать. Россия могла бы закрепиться на рынке в сфере медицины, ІТ-технологий, сельского хозяйства, продовольствия, горнодобычи, нефтехимии и энергетики. В стране добываются уран и алмазы, в её недрах находятся залежи меди, золота, серебра, свинца, цинка, олова, вольфрама и природного газа.

В течение трёх лет, начиная с 2015 года, я постоянно бывал в Намибии, представляя Росатом, и неоднократно встречался с министром шахт и энергетики и его заместителями. Наши интересы заключались в совместном

освоении урановых месторождений, получении новых поисковых лицензий и развитии сотрудничества в сфере мирного использования атомной энергии. С намибийской стороны я так и не увидел большого энтузиазма сотрудничать с нами, наверное, потому, что и мы не демонстрировали такого желания. Каждый раз, когда я появлялся в министерстве, я видел там китайского посла, который приезжал туда как на работу. Его все уже знали и тепло приветствовали. Как только объявлялось о выдаче новых поисковых лицензий, вопросов у намибийцев, к кому они попадут, как правило, не возникало.

В стране проводится несколько больших тематических международных выставок. На тех, которые я посещал, были представители Китая и большинства стран Запада, но ни одной российской компании. Здесь есть над чем подумать в плане государственной поддержки бизнеса в этой стране. Ещё одно направление, которое требуется развивать, — это туризм. Ежегодно десятки тысяч наших отпускников летят, к примеру, в Таиланд или Доминикану, отдавая за отдых приличные деньги. Уверяю, Намибия может быть ещё привлекательнее, но, увы, чартера до неё нет.

Мозамбик

Вторая, не менее интересная страна, которую я неоднократно посещал по работе, — Мозамбик. Столица — г. Мапуту — встречает весьма приличным для Африки аэровокзалом, сооружённым китайцами. Их присутствие ощущается везде. Многие дома и бизнес-центры построены гастарбайтерами из Поднебесной. То, что во время тропических ливней они протекают насквозь, а асфальт вспучивается, — это уже другая история. Качество работы китайских специалистов оставляет желать лучшего. Среди встречающих — большое количество португальцев, вернувшихся целыми семьями в свою бывшую колонию. Визы выдают на границе, где

вас фотографируют и берут отпечатки пальцев. Но это только, если вы приезжаете в страну как турист. Если вы зачастили по туристической визе, расспрос о целях визита будет произведён с пристрастием. Для деловой поездки требуется бизнес-виза, которая оформляется в посольстве Мозамбика и стоит дороже. Отсутствие сдачи в размере 10–15 долларов у клеящих этикетки с вашей фотографией в паспорт легко компенсирует вашу «неосведомлённость» о визовом режиме. К слову сказать, с апреля 2013 года визы по прилёту выдавать перестали. Российское гражданство никакого впечатления на пограничников не производит. Отношение весьма жёсткое. А ведь когда-то всё было по-другому...

Через полчаса вы оказываетесь в городе, если, конечно, не остановит таможня и не начнёт с таким же пристрастием рассматривать все ваши вещи. Цель одна — получить мзду. На улицах грязно, нищета ощущается повсюду. Контраст с соседней ЮАР поразителен. Мозамбик соперничает за топ-3 самых бедных на всем континенте. По ВВП на душу населения в мире страна на 222-м месте из 228 и на 196-м по рейтингу безработицы. Много молодёжи, ведь средний возраст жителей страны — 17 лет. Половина населения умирает, не дожив до 55. На асфальте сидят женщины, продающие в пакетиках жареные орехи кешью. Они практически везде, как и импровизированные лотки с овощами и фруктами.

В мой первый приезд в страну знакомые мозамбикские друзья сразу повезли меня на обед. Место было выбрано не случайно — рыбный рынок, куда к этому времени поступило несметное количество свежайших морепродуктов, выловленных местными рыбаками: мидии, различные сорта рыб, гигантские лангусты, крабы и известные своим размером и вкусом мозамбикские креветки. Выбор пал на рыбу под названием «Гаррупа», две дюжины огромных креветок и несколько лангустов. Всё это готовится тут же, в небольшом кафе, прямо на рынке с мебелью из пластика

и клеёнкой вместо скатерти, пока мы пьём очень хорошее местное пиво М2М. Морепродукты отменные, а если учесть, что они только что из океана и вполне доступны по цене, то становится совсем хорошо. В Москве заплатил бы за такие деликатесы раз в 10 дороже. Рассчитываюсь с официантом сам: в Африке другие варианты с иностранными гостями случаются редко, только в отдельных странах и исключительно с официальными делегациями, когда платит принимающая сторона. Именно поэтому инициативу по оплате счёта лучше брать в свои руки, даже если не вы приглашали. У африканцев денег нет. Это сразу сближает и создаёт атмосферу доверия, без которой бизнеса не получится.

В Мозамбике нас помнят. Молодёжь, хоть и начинает роптать по поводу засилья в бизнесе antigos combatentes (ветеранов), которых мы готовили по военной линии, тем не менее проявляет огромное уважение к старшему поколению, которому обязаны своей свободой и новой жизнью. А начиналось всё в 1964 году с войны за независимость между Португалией и ФРЕЛИМО. Политическое руководство Португалии, пришедшее к власти в результате «революции гвоздик», было вынуждено пойти на заключение договора с ФРЕЛИМО из-за непопулярности колониальной войны в обществе и армии, а также вследствие больших финансовых затрат на её ведение. В июне 1975 года Мозамбик обрёл независимость, однако через некоторое время в стране развернулась гражданская война, которая продолжалась вплоть до 1992 года. После этого страну ещё долго сотрясали военные столкновения с антиправительственными силами. Противостояние с оппозиционным РЕНАМО (Мозамбикское национальное сопротивление) фактически завершилось 6 августа 2019 года, когда между двумя противоборствующими сторонами было подписано мирное соглашение. Его условия предусматривали разоружение свыше 5,2 тысяч оставшихся боевиков РЕНАМО и их интеграцию в вооружённые силы и полицию Мозамбика.

Разум возобладал. Его основой стало стремление поставить на службу всему народу Мозамбика несметные природные богатства, особенно углеводороды. Это случилось лишь 9 лет спустя после открытия огромных запасов газа американской энергетической компанией Anadarko. В следующем, 2011 году итальянская ENI разведала в Индийском океане близ берегов Мозамбика ещё одно крупное газовое месторождение размером в 450 млрд кубометров. Стало очевидно, что Мозамбик в скором времени может превратиться в крупного мирового поставщика этого энергетического ресурса, такой как, скажем, Катар, и составить конкуренцию нашему Газпрому, и не только ему, особенно на азиатских рынках. В настоящее время газовый потенциал Мозамбика сосредоточен в бассейнах рек Ровума (ресурсы до 2,2 трлн кубометров) и Мозамбик (3 материковых месторождения с доказанными запасами газа до 95 млрд кубометров и 1 месторождение на шельфе с ресурсами до 56 млрд кубометров).

Прилетев в страну во второй раз в 2012 году, я столкнулся со всеобщей эйфорией. Страна жила в ожидании «золотого дождя», который должен был вот-вот обрушиться на неё и решить все проблемы с нищетой. На инвестиционный форум Делового совета Британского содружества наций, проходивший с 17 по 20 октября, съехалось свыше 150 делегатов из 30 стран. В подавляющем большинстве это были английские бизнесмены. Мозамбик был принят в состав организации в 1995 году и стал её первым членом, исторически не связанным с Британской колониальной империей. Поразительным было то, как быстро британский бизнес ринулся в Мозамбик за освоением его ресурсов, укрепляя, таким образом, политическое и экономическое влияние Великобритании в регионе. Есть чему поучиться у бывших колонизаторов.

В то время как иностранный бизнес, почуявший баснословные прибыли от участия в газовых проектах, слетался

в Мозамбик, местная политическая элита, стоящая у власти, делала на этом огромные деньги, организуя тендеры на офшорные блоки и лоббируя победу в них своих фаворитов. Моё первое знакомство с местными чиновниками произошло на почве нашего желания поучаствовать в таком тендере. В ответ на запрос предварительной геологической информации руководитель государственной структуры (это была женщина), отвечавшей за привлечение иностранных инвестиций, прислала мне счёт на 1,6 млн долларов с реквизитами своей частной фирмы. Перед этим она согласилась принять меня в офисе в выходной день, чтобы поговорить, так сказать, с глазу на глаз. Появление руководителя государственной структуры в шикарном белом автомобиле Audi Q7 и платье от кутюр, дорогих золотых украшениях резко контрастировало с окружающей нищетой. Признаки вопиющей коррумпированности были налицо. Конечно, мы не стали платить, тем более что гарантий о достоверности сведений нам не предоставили.

Продолжая двигаться своим путём через мозамбикских партнёров, источник сейсмоданных по интересующему нас району я всё же нашёл. Это был Национальный институт нефти, где хранится огромный объём геологической информации. Директором института оказался выпускник одного из советских вузов, уже немолодой человек, сохранивший хороший русский, который отнёсся ко мне с большой симпатией, но исключительно в разговоре один на один в его кабинете. Перед подчинёнными он не подал и вида, что как-то хочет помочь. В который раз стало обидно, что люди, которых мы когда-то бескорыстно поддерживали, отдавая всё самое лучшее их стране, на самом деле стесняются или даже сторонятся нас. Проживая в современной Африке, я сталкивался с этим неоднократно. Даже ветераны АНК, проходившие у нас военную подготовку, стараются не афишировать сей факт своей биографии. А ведь ещё недавно гордились.

Совершенно очевидно, что Африка изменила к нам отношение. В этом мы виноваты сами. Чтобы снова вернуться на континент и восстановить прежние позиции, нужно будет ещё очень многое преодолеть, и прежде всего сделать свою страну намного сильнее и притягательнее экономически. Директор Института показал мне библиотеку геологической информации. Практически вся она была уже в электронном виде, но сохранилось много документов на русском языке, ведь после получения независимости в Мозамбик, как, впрочем, и другие страны Африки, были направлены тысячи наших геологов. Многие открытия месторождений полезных ископаемых были сделаны ими, но, увы, результатами наших изысканий воспользовались страны Запада, которые приступили к реализации проектов в своих интересах. В 1983 году в Мозамбике местные боевики захватили группу советских геологов, которые работали на руднике. Захваченные специалисты пробыли в плену 158 дней и прошли около 500 км. Всё это время пленники ничего не знали о том, зачем их ведут на запад страны. Советское правительство официально ничего не сообщало о случившемся. Два человека погибли при захвате заложников, ещё двое — в плену от истощения, а судьба двух геологов так и осталась неизвестной. Двенадцать геологов выжили и вернулись на родину. На протяжении всей гражданской войны, которая официально началась 30 мая 1977 года с атаки РЕНАМО и сводилась в основном к диверсиям, совершаемым с территории Южной Родезии против экономических объектов независимого Мозамбика, Советский Союз поддерживал правительственные силы, оказывая решающую помощь в формировании регулярной армии, создавая её с нуля организационно и поставляя большое количество вооружения.

Сразу же после получения независимости правительство республики обратилось за военной помощью к СССР, и уже в 1976 году первая группа наших военных советников

прибыла в Мозамбик. Она начала работу по созданию генерального штаба и основных видов вооружённых сил и родов войск. Разрабатывались планы строительства вооружённых сил, производился отбор контингента для обучения в высших военных учебных заведениях в Советском Союзе. К 1981 году в стране уже насчитывалось 230 советских военных инструкторов. В вооружённых силах Мозамбика планировалось создать сухопутные войска, военно-воздушные силы и войска противовоздушной обороны, военно-морские силы и пограничные войска. Советские военные советники и специалисты проделали огромную работу по планированию боевой подготовки и обучению военных кадров на местах. Большую помощь советские военные оказали мозамбикской стороне в организации центров по мобилизации и призыву. После заключения соглашения о военном сотрудничестве в Мозамбик из Советского Союза начали поступать боевая техника и вооружение. К этому времени в СССР прошли подготовку лётчики-истребители, экипажи для транспортных самолётов и вертолётов Ми-8, технический персонал. В 1979 году в порт Накала прибыли 25 самолётов МиГ-17. Сборка и облёт самолётов проводились советскими специалистами. Мозамбикские лётчики, прошедшие обучение в СССР, совершенствовали боевые навыки под руководством опытных советских инструкторов. В 1985 году была сформирована эскадрилья МиГ-21бис. На этой базе советские офицеры-десантники сформировали и подготовили парашютно-десантный батальон, проводили учения с десантированием и боевой стрельбой. Список нашей помощи по военной линии можно было бы продолжить, но нужно помнить и о том, что за годы войны в Мозамбике, только по официальным данным, погиб 21 советский военный специалист из почти двух тысяч, которым довелось выполнять интернациональный долг в этой стране. По другим неофициальным данным, число погибших было в два раза больше. Светлая память этим людям!

Есть ещё один важный аспект нашей помощи Мозамбику. После того как страну покинули более 200 тысяч португальцев, стране, находившейся на грани экономического коллапса, понадобились квалифицированные кадры. Помощь в решении этой проблемы оказал СССР. К концу 1980 года в Мозамбике уже проживало более 1500 граждан СССР, в том числе учителя, врачи, геологи, газовики и преподаватели. Не случайно наше посольство в этой стране было одним из самых больших в Африке. В стране до сих пор проживают наши соотечественники. По данным посольства России, в Мозамбике русская диаспора насчитывает около 250 человек и состоит в основном из врачей, учителей и женщин, вышедших замуж за мозамбикцев. Можно встретить и российских предпринимателей. С одним из них, выпускником моего института (по этическим соображениям не буду называть его имени), я познакомился в свой третий приезд в Мозамбик. В звании майора он выполнял миротворческие миссии на континенте в 90-е годы, да так и задержался здесь надолго. На просторах Африки я встречал и других бывших офицеров, в основном переводчиков, оставшихся на ПМЖ в разных странах после окончания командировки в начале 90-х. Возвращение на родину тогда было делом бесперспективным. Армия, как я уже отмечал, оказалась никому не нужна. Сегодня наши люди, успешно ведущие бизнес в Африке, являют собой кладезь бесценных знаний и опыта работы в разных странах. Их багаж — это годами наработанные полезные личные связи и знакомства, так важные в бизнесе. По рассказам знаю, что приходилось им порою очень нелегко. Но они выстояли и знают теперь, как быть успешным в Африке. Ведь главное — это понимать культуру и психологию местного населения; обладать такими личными качествами, без которых невозможна эффективная бизнес-коммуникация с африканцами. Эти люди обшаются и в международной среде.

В Мозамбике сейчас полно иностранных специалистов. Мой российский коллега знакомит меня с представителями итальянского концерна ENI. По манере общения вижу, что отношения самые тёплые. Газпром и ENI хорошо знают друг друга на других рынках, а потому приглашение сотрудничать в газовой сфере Мозамбика звучит вполне естественно и логично. Тактично ухожу от ответа. Это не мой уровень, но, вероятно, есть над чем подумать, ведь аналогичные приглашения о сотрудничестве в Африке я получал от французской Аревы, немецкого Сименса, американской Дженерал Электрик и многих других.

В то время, когда западных компаний на рынке континента уже тысячи, у нас по-прежнему наблюдается стойкое неприятие Африки. Отрадно, что не у всех. Российская госкомпания «Роснефть» в альянсе с ExxonMobil выиграла тендер по проектам на мозамбикском шельфе. Не обошлось и без личного участия И.И. Сечина, главного исполнительного директора компании, который в 80-х годах в течение двух лет работал в Мозамбике переводчиком в боевых условиях. Африка не даёт себя забыть! Да и сам пример сотрудничества, о чём я писал выше, очень хороший.

Не против нашей кооперации в Африке и китайские компании. Правда, с некоторыми из них лучше не связываться. Будучи в Мозамбике, познакомился с предпринимателем из Поднебесной, занимающимся заготовкой древесины. То, как они работают, я узнал позже от мозамбикских друзей. В отдалённых районах Мозамбика китайцы организуют нелегальные делянки, где производится вырубка ценных пород. На побережье лес грузится на суда и отправляется в Китай. Без всяких контрактов и таможни. Делянки охраняют вооружённые китайцы, которые близко не подпускают местных граждан к району расположения, угрожая автоматами. Мозамбикцы в отчаянии, но сделать ничего не могут.

Со своими партнёрами из Мозамбика я познакомился в Йоханнесбурге. Это молодые и образованные люди,

хорошо говорящие по-английски. Многие учились в соседней ЮАР. О роли нашей страны в становлении Мозамбика не слышали практически ничего. Как правило, это выходцы из семей высокопоставленных чиновников. Дети продолжают политическую клановость своих родителей. На момент знакомства все они были друзьями сыновей президента Арманду Гебузы (Armando Guebuza), а следовательно, имели доступ к различным направлениям бизнеса. Несколько раз предлагали встретиться с президентом. В Африке это намного проще. Высокопоставленные лица могут по знакомству или по протекции принять вас в своей резиденции или в любом другом месте в неформальной обстановке. Складывается впечатление, что бизнес делается также легко. На самом деле, президент никогда не будет заниматься вашим бизнесом лично, но политическое благословение высшего должностного лица всегда важно, особенно для иностранных инвесторов. Понимая, что идти на встречу нужно с конкретными предложениями, которых не было на тот момент, я отказался. К сожалению, не получили развитие контакты с председателем совета директоров Государственной компании по углеводородам, министром природных ресурсов страны, членом совета директоров Банка Мозамбика, дочерью первого президента Мозамбика Жозиной Машел, другими высокопоставленными чиновниками и бизнесменами, с которыми меня познакомили мои партнёры. Африканцы при встречах, особенного такого уровня, требуют конкретики, определённых договорённостей. Их в меньшей степени интересуют простые рукопожатия, протоколы о намерениях, меморандумы о взаимопонимании, письма с выражением интереса и тому подобное. Встречаясь с вами, особенно как с представителем известной государственной компании, они надеются на совместные проекты. Вот почему для российского бизнеса важно понимать, зачем он идёт в ту или иную страну, наметить конкретные цели своего пребывания и способы их достижения. И только потом

обращаться к высокопоставленным чиновникам или местным бизнесменам. К сожалению, наблюдал и другое — «деловой туризм»: переговоры ради переговоров, фотографии на память с президентом или премьером в стиле шоу-бизнеса, нелепые подарки. Всё это наносит непоправимый репутационный урон нашей стране. Африка динамична, и если русские не реагируют конкретными делами, быстро придут другие. Что-то быстро «схватить» сейчас и «убежать», как во времена колониализма, уже нельзя.

Все богатства Африки уже давно поделены и находятся либо в государственных, либо в частных руках. Новые проекты должны быть ориентированы на среднесрочную и долгосрочную перспективы. Поскольку речь идёт о Мозамбике, это не только газ. Для российского бизнеса интерес, прежде всего, могут представлять руды редкоземельных металлов (тантал, ниобий, бериллий, цезий), драгоценные и поделочные камни, бокситы, медь, золото, уголь, древесина ценных пород, графит, морепродукты. В перспективе — туризм, ведь в стране вдоль побережья тёплого Индийского океана протянулись шикарные песчаные пляжи на целых 2600 км. Уже сейчас многочисленные иностранные туристы посещают страну, где могут выбрать все виды отдыха на свой вкус и кошелёк — от фешенебельных пятизвёздочных отелей до очень доступных по цене гостевых домов. В национальных парках и морских заповедниках Мозамбика обитает множество диких животных и более 400 видов птиц. Я писал о парке Крюгера в соседней Южной Африке. Это не единственный большой заповедник во всём регионе. Национальный парк Горонгоса в Мозамбике — один из главных в стране. Красивые водопады, пышные тропические леса, большие кофейные плантации и масса экзотических животных делают это место незабываемым. А какая кухня в Мозамбике! Особенно морепродукты. Инвестиции в строительство новых курортов неизбежны. Будем ли мы этим заниматься, покажет время. Если организовать чартер из Москвы в Мозамбик, перелёт будет куда легче физически (вдоль меридиана, практически без смены часовых поясов), чем, скажем, в ту же Доминикану. Пока, вероятно, это только мечты.

Вернувшись на родину, я продолжил следить за ситуацией в этой стране. На момент написания книги превращение Мозамбика в «новое Эльдорадо» явно замедлилось, но подвижки в развитии бизнеса, особенно газового, идут серьёзные. К стране растёт внимание со стороны глобальных энергетических концернов: Total, ExxonMobil (paнее Anadarko), Shell, CNPC. Реализуются три крупнейших в Африке проекта по сжиженному природному газу: проект Total (Anadarko) стоимостью 20 млрд долларов, проект Coral FLNG (ENI и ExxonMobil) стоимостью 4,7 млрд долларов и проект Rovuma LNG (ExxonMobil, ENI и CNPC) стоимостью 30 млрд долларов. Получат ли простые мозамбикцы хоть что-то от освоения их природных богатств западными гигантами — это ещё вопрос! Пока же наблюдается полное пренебрежение правами местных граждан со стороны западных корпораций, бесцеремонная экспроприация их земельных угодий, игнорирование требований о предоставлении работы, завоз иностранной рабочей силы и материалов вместо создания рабочих мест и локализации.

Газовая колонизация Мозамбика происходит на фоне резкой активизации исламского радикализма в стране. По причине череды болезненных поражений террористических группировок в странах Ближнего Востока акцент борьбы всё сильнее смещается в Африку. Центром атак в данном случае становится Мозамбик. Участники исламской радикальной секты, возникшей на волне недовольства социально-экономическим положением в северной провинции Кабу-Делгаду, сумели организоваться в банды и начать распространение воинствующей идеологии на сопредельные районы. За сравнительно короткое время это объединение, получившее название «Ансар ас-Сунна», смогло взять под

контроль торговлю наркотиками и доставку контрабанды, что обеспечило ему финансирование, развитие и пополнение вооружением. Как оно появилось в стране и получило широкое распространение, подробно описано в различных публикациях. Когда осенью 2017 года на севере Мозамбика начались спорадические нападения неизвестных групп на населённые пункты, это было расценено «происшествиями уголовного характера», инспирируемыми из-за границы. Для правительства страны они стали полной неожиданностью. Чтобы не спугнуть инвесторов, факты нестабильности и терроризма на севере просто замалчивались. Как результат, несмотря на то, что количество мусульман в Мозамбике составляет менее 1/5 населения, в стране развернулся крупный мусульманский мятеж, цель которого — превращение Мозамбика в исламское государство, управляемое согласно законам шариата. К началу 2021 года «Ансар ас-Сунна» стала представлять собой группировку в несколько тысяч бойцов, установившую связи с ИГИЛ и готовую перейти к масштабной террористической деятельности против мирного населения. В истории появления исламистских террористов в нужное время и в нужном месте в стране, стоящей на пороге экономического бума в связи с открытием огромных месторождений природного газа, нефти, драгоценных камней и графита, просматриваются не только обострившиеся противоречия различных группировок правящей элиты Мозамбика, стремящихся обеспечить контроль над этими ресурсами, но и интересы неких внешних сил. Эксперты предполагают, что в нагнетании обстановки страха в стране и срыве планов строительства газоперерабатывающего комплекса могут быть замешаны отдельные монархии Персидского залива, ведь Мозамбик — это их прямой конкурент на близких рынках Юго-Восточной Азии. Второй Катар им явно не нужен. Растущий бизнес сотен американских компаний, занимающихся добычей и переработкой природного газа, включая сланцевый, окажется также под

угрозой. Азиатские рынки стали главным экспортным направлением Соединённых Штатов с ростом в 67% в прошлом году. Рост СПГ-мощностей в США за счёт недавнего запуска новых проектов ориентирован на увеличение почти вдвое экспортных поставок американского газа—с 184,06 млн куб. м в 2020 году до 342,63 млн куб. м в 2023, главным образом в Китай и Южную Корею. Всё говорит о том, что исламизм становится фактором экономической конкуренции.

Эфиопия

По стечению обстоятельств завершаю эту книгу 18 февраля. Это день памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества. Было бы несправедливым забыть в этот день наше активное участие в делах ещё двух африканской стран, одну из которых мне довелось посетить несколько раз уже после 2014 года. Речь идёт об Эфиопии. Сначала мы активно помогали соседней Сомали, отправляя туда с 1963 года танки, истребители, БТР и артиллерию. Когда сомалийцы предприняли первую попытку разрешить территориальный спор с Эфиопией, Советский Союз сделал максимум дипломатических усилий, чтобы достичь перемирия. В начале 1977 года эти две граничащие между собой африканские страны вступили в очередной военный конфликт. Посчитав действия эфиопов более справедливыми, СССР усилил их поддержку. Эфиопия стала получать в большом количестве не только оружие и технику, но и военных специалистов. За три года (с 1976 по 1979) в этой стране побывало не меньше 4000 военнослужащих из СССР. Примечательно, что многие из них попадали в эфиопскую армию прямиком из сомалийской, ведь сомалийцы выслали практически всех советских военных советников (около 2000 человек) и начали искать поддержку на Западе. Советское командование организовало специальный

«воздушный мост» для такой переброски, справедливо полагая, что опыт, полученный в армии теперь уже противника, пригодится нашим военным на новом месте.

Осенью 2013 года я уехал из ЮАР на родину, совсем не предполагая, что летом следующего года вернусь сюда снова. Это было новое погружение в африканскую реальность на долгие 3,5 года. Но это уже другая история, связанная с «атомной» Африкой, которая позволила близко познакомиться ещё с десятком африканских стран и взглянуть на континент совсем по-другому.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работая над книгой, заглянул в интернет для уточнения некоторых деталей нашего сотрудничества с Африкой в советское время и, честно говоря, пришёл в некоторое расстройство, переходящее в негодование. Чего только не пишут об Африке! Начну с того, что некоторые, вероятно, очень «знающие» товарищи весьма скептически комментируют воспоминания наших ветеранов, которым довелось участвовать в локальных конфликтах. Мол, делать старикам нечего на пенсии, вот и сочиняют разные героические байки, чтобы обратить на себя внимание. Все повествования ветеранов, по мнению таких псевдоисториков, носят субъективный характер, и верить им нельзя. Это вопиющее неуважение к тем людям, которые только совсем недавно получили возможность рассказать правду о пережитом в Африке, приоткрыв важную страницу нашей истории. Все они — достойные люди, высокопрофессиональные специалисты, настоящие патриоты своей страны. Не хочется это даже комментировать, пусть такие заявления останутся на совести написавших.

Далее цитирую: «В результате вмешательства во внутренние дела других стран (Африки — примечание автора) Советский Союз никакой геополитической выгоды для себя не получил». Во-первых, никакого вмешательства не было. Африканцы, освободившиеся от колониализма не без влияния победы СССР над фашизмом, увидели в нашей стране мощную опору, надёжного союзника и альтернативный путь своего развития. Советский Союз пришёл в Африку как друг, предложив новую идеологию сотрудничества, резко отличавшуюся от безжалостной эксплуатации природных и человеческих ресурсов западными колонизаторами. Наше появление в Африке стало результатом обращения к нам только что освободившихся государств за помощью. Ставший сильной мировой державой СССР был заинтересован

в установлении нового миропорядка и поиске с этой целью союзников по всей планете, в том числе и на африканском континенте. Наши интересы совпали. Глобальное геополитическое, экономическое, идеологическое и военное противостояние со странами Запада, и в первую очередь с нашим главным противником США, в период холодной войны проявлялось и в Африке. «Внутренняя логика противостояния требовала от сторон участия в конфликтах и вмешательства в развитие событий в любой части мира»²⁶. Значение Африки в этом противостоянии в военном плане трудно переоценить. С территории наших военных баз в Северной Африке мы следили за каждым движением США в Средиземном море. Советская стратегическая авиация, взлетая в Анголе или в Гвинее, контролировала большую часть Атлантики, взаимодействуя с нашими подлодками, которые несли боевое дежурство непосредственно у берегов Америки, обеспечивая адекватную угрозу территории США. «Тут следует заметить, что к середине 1960-х годов в ВМФ сложилась новая форма поддержания сил в высшей степени боевой готовности в мирное время — боевая служба. Её содержание заключалось в том, чтобы мероприятиями и действиями флота, проводимыми по единому замыслу и плану, предотвратить внезапное нападение или ослабить до минимума возможные ракетно-ядерные удары ВМС США и НАТО. Эта цель могла быть достигнута при своевременном обнаружении атомных подводных лодок с баллистическими ракетами и авианосно-ударных соединений противника и уничтожении первых до старта ракет, а вторых — до массового подъёма палубной авиации в воздух. Заблаговременное развёртывание части боевых сил ВМФ в определённых акваториях морей и океанов для немедленного их

²⁶ Послевоенное противостояние двух социальных систем. Военные блоки и «холодная война». Режим доступа: https://megaobuchalka.ru/9/1895.html

применения в случаях неконтролируемого развития военно-политических кризисов стало объективной необходимостью»²⁷. Наши подлодки и надводные корабли заходили в порты африканских стран, пополняя запасы воды и продовольствия. В начале своей книги я упомянул советское военно-морское присутствие в Анголе. Командиры наших субмарин рассказывали мне, как умудрялись подходить необнаруженными непосредственно к берегам США, прячась под днищем противолодочных кораблей и авианосцев противника, и как ускользали от преследования американцев, ловко маневрируя в океане. Нокра — военно-морская база ВМФ СССР в Эфиопии (Красное море) в период с 1977 по 1991 год изначально предназначалась для ремонта советских подводных лодок, оперирующих в зоне Индийского океана, а впоследствие была переоборудована для восстановления кораблей ВМФ СССР. Она также обслуживала подводные лодки ТОФ и СФ, которые несли многомесячные боевые дежурства в Аравийском море. Так что насчёт отсутствия геополитической выгоды авторы инсинуаций явно поспешили. С помощью Африки мы поддерживали ядерный паритет, создавая симметричную угрозу США на дальних подступах, обеспечивая мир и стабильность для развития нашей страны.

Теперь по поводу того, что «СССР кормил всю Африку», отказывая себе в самом необходимом²⁸. Простое обращение к статистике Министерства внешней торговли СССР тех лет показывает, что основой нашего экспорта в африканские страны была продукция машиностроения, которую мы продавали, а не дарили, приобретая для советских граждан

 $^{^{27}}$ Широкорад А.Б. Российские военные базы за рубежом XVIII–XXI вв. М.: Вече, 2013. 359 с.

 $^{^{28}}$ Тетекин В.Н. Советский Союз «кормил всю Африку», получая за это золотом // ВПК. 01.10.2019, № 38 (801). Режим доступа: https://vpk-news.ru/articles/52750

кофе, какао-бобы, чай, орехи, апельсины, бананы, ананасы, специи, хлопок, вино, древесину ценных пород и т.д. СССР имел соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве с 37 странами Африки. Мы участвовали в сооружении около 600 объектов инфраструктуры (на конец 80-х вступили в строй порядка 300), многие из которых имели стратегическое значение: Асуанская ГЭС в Египте, ГЭС «Капанда» в Анголе, цементный завод в Диаму (Мали), горнорудный комплекс в Киндиа (Гвинея-Конакри). Последний покрывал 30% потребностей алюминиевой промышленности СССР в бокситах, а 50% доходов этого предприятия направлялось на погашение кредита, предоставленного Советским Союзом на его сооружение. Для нашей атомной промышленности мы получали свинцовый концентрат с рудника Мфуати (Республика Конго), а 80% добываемого золота на руднике Калана в Мали направлялось в СССР в счёт погашения кредита. Мы продавали африканцам рыбу, выловленную в их же прибрежных водах, ремонтировали наши суда в их портах и, как я уже писал, использовали их территорию для наших военных баз. Основными принципами экономического сотрудничества с африканскими странами в советский период провозглашались равноправный характер, суверенитет над своими природными богатствами и отсутствие дискриминации в международном разделении труда. Такой подход способствовал утверждению положительного имиджа СССР в Африке. Вместе с тем идеологическая основа нашего экономического и военного сотрудничества, зависящая от степени желания той или иной страны строить социализм, оказалась слабым местом советской политики, приведшей с распадом СССР к сворачиванию наших отношений. Не от хорошей жизни, вступая в Парижский клуб в 1997 году и подчиняясь его уставу, Россия была вынуждена списать своим должникам большой объём долгов. Военные долги составляли около 80% общего объёма российских активов. Кроме того, Россия стала

обязанной списывать долги странам, относящимся к разряду «бедных» и «развивающихся». Африканцы не отказывались платить. Мы сами ушли с рынка, спешно свернув все возможности для товарооборота и своими собственными руками уничтожив колоссальный потенциал экономического взаимодействия с Африкой, плоды которого сейчас пожинают Китай и страны Запада. Практика списания долгов слабым странам со стороны сильных существовала всегда, но, как правило, в обмен на преференции (доступ к ресурсам, закупка товаров и услуг и т.д.). Мы же такой возможностью так и не воспользовались, предоставив её другим.

Показывая пальцем на Африку и сокрушаясь по поводу недополученных миллиардов, которые могли бы быть направлены на улучшение жизни нашего народа, мы как-то скромно замалчиваем тот факт, что ежегодно на протяжении уже многих лет из современной России вывозится от 30 до 50 млрд долларов в год. По консервативной оценке экспертов агентства Bloomberg, общая стоимость выведенных из России за четверть века активов составила от 750 млрд до 1 трлн долларов. С этой цифрой солидарны и наши специалисты. Из оценки платёжного баланса, опубликованной Центробанком, чистый отток капитала из России в 2021 году вырос на 42,8% по сравнению с предыдущим годом и составил 72 млрд долларов. Подготовка того, что сейчас называется «мягкой силой» в наших политических интересах, была одной из главных задач СССР в Африке. Дело это недешёвое, но крайне необходимое. Американцы говорят: «Money spent on brain is never spent in vain» (Расходы на мозги никогда не бывают напрасными), и сегодняшние реалии в мире, и в частности в Африке, это доказывают. Под влиянием западной пропаганды русофобия в Америке и в Европе зашкаливает. Процент положительно относящихся к России африканцев неуклонно падает. Против нас в ООН голосуют такие африканские

страны, как Демократическая Республика Конго, Египет, Ливия, Камерун, Гана, Нигерия, Габон, Кения, Ботсвана и др. А ведь было всё по-другому. Во времена СССР мы готовили свою «мягкую силу». Профессиональная подготовка велась по очень широкому кругу специальностей: врачи, агрономы, энергетики, геологи и даже физики-ядерщики. Не забывали мы и о специалистах гуманитарного направления: экономисты, журналисты и даже философы. Подготовка военных кадров для национально-освободительного движения африканских народов и национальных армий это отдельная страница наших отношений с африканскими странами, о чём я неоднократно упоминал в книге. Все эти люди укрепляли авторитет и наши позиции на континенте и служили опорой нашему сотрудничеству с африканцами. С распадом СССР мы забыли про Африку, заговорили о её ненужности, о «террористах» (так стали называть подготовленных нами бойцов национально-освободительных движений) и о возврате долгов. Африканцы стали говорить о нашем предательстве.

Хотелось бы развенчать ещё один тезис, который периодически проскальзывает в научных исследованиях и работах зарубежных и наших учёных-африканистов, родившихся уже в современной России. Речь идёт о нашем коммунистическом прошлом. Если мрачные краски тоталитарной действительности СССР в работах западных историков ещё вписываются в западную пропагандистскую логику, то не понятно, откуда такое примитивное понимание советских реалий у наших молодых ребят. Применительно к Африке пишут буквально следующее: коммунистический режим, дескать, насильно направлял наших специалистов в африканские страны для насаждения там своей идеологии; люди, мол, сильно страдали от этого, но ничего сделать не могли. Хочу отметить, что все мы были обычными гражданами, абсолютно не пришибленными никакой идеологией. У меня нет ностальгии по прошлому. Просто время было

другим. В основе нашей морали, которая пронизывала всё общество, лежали гуманистические принципы добра, уважения, взаимопомощи, справедливости и сострадания. Нас так воспитывали семья, школа, институт, работа. Мы не ощущали себя несвободными людьми и могли реализовываться в жизни согласно нашим желаниям и планам, наверное, лучше, чем сегодня. Возможностей для этого было хоть отбавляй. Человек чувствовал себя востребованным в обществе. Вот почему, когда нам предлагали командировку в Африку, мы с радостью соглашались. Ведь фактически это означало признание твоих профессиональных заслуг. Отбирали лучших. Чтобы выехать в Африку, нужно было пройти несколько отборочных комиссий и собеседований, где всегда звучал вопрос о наличии препятствий личного или рабочего характера, мешавших выполнению поставленных задач. Работая с африканцами, мы руководствовались нашей моралью, принципы которой во многом совпадали с африканской. Вот почему советским людям было легко найти общий язык с местными гражданами. Мы вписывались тогда в их национальную психологию, были на одной волне эмоционально. Не буду скрывать, фактор материального стимулирования играл не последнюю роль. За 2-3 года пребывания в африканской стране можно было скопить, по советским меркам, приличную сумму, чтобы обзавестись символами успеха советской эпохи — автомобилем «Жигули» или «Волга», японскими холодильником и телевизором, ондатровой шапкой, югославской дублёнкой с мохеровым шарфом, ну и купить что-нибудь из французского парфюма и сногсшибательных западных шмоток для супруги и детей. Позже появилась возможность и приобретения кооперативного жилья — сначала за чеки Внешпосылторга, затем и за рубли. Но для этого нужно было сдать государству свою старую квартиру, если она имелась на тот момент. Приватизация началась значительно позже. Это может вызвать сейчас скептическую улыбку, но с позиции того времени, материальное благосостояние советских граждан, побывавших в зарубежной командировке, в частности в Африке, получало существенный толчок.

Ну и последнее, против чего хотел бы возразить. Это высказываемые отчаянные сожаления наших ветеранов и специалистов уже позднего, перестроечного периода по поводу того, что «все наши риски и усилия пошли насмарку, оказались никому не нужными, а стоило ли тогда рисковать жизнью и лишать себя комфорта и разных жизненных благ у себя на родине?» И снова готовность обвинить во всем африканцев. Давайте не будем забывать наше прошлое. Ну не оказалось в нашей истории русского Дэн Сяопина в тот момент. Ошибки политиков в переломные моменты страны превращаются в преступления. Я был свидетелем того, как наши войска волею М.С. Горбачёва в спешке покидали Германию, оставляя собственность на миллиарды марок. Их выводили в «чистое поле», в палатки на российской территории вместе с семьями. Прилетев однажды в Африку уже в 90-х, я ехал в такси, когда водитель-африканец вдруг спросил меня, из какой я страны. Я ответил, что из России. «Ааа», — обрадовался он и, приговаривая «Болька Ельца, Болька Ельца», стал шлёпать себя внешней частью ладони под челюсть. Хорошо знакомый жест, не правда ли? Вот таков в те времена был уровень восприятия России и её президента даже в Африке. Да, обидно и больно за то, что, побросав наших друзей в Африке, мы просто оттуда сбежали. Снявши голову, по волосам не плачут. Это на совести тех людей, кто разваливал Россию и годами сформированные отношения с Африкой. Все наши специалисты достойно выполнили свой профессиональный долг, и мы можем этим гордиться.

Оглядываясь назад и оценивая роль СССР на континенте, можно отметить, что она была всеобъемлющей и прогрессивной, глубоко повлияв на социально-экономическое развитие молодых африканских государств. Во многих

странах наше сотрудничество положило начало созданию современной национально-ориентированной экономики, производственного, научно-технического и военного потенциала. Взаимодействие с СССР по всем направлениям развития нарушило монополию западных стран, создавая для африканцев возможность выбора условий для достижения целей своего прогрессивного развития. Безусловно, дух советско-африканского сотрудничества и взаимопонимания до сих пор служит основой сохранения высокого имиджа России в Африке и важной платформой для нашего возвращения на континент. Острое понимание того, что Африка нам всё же нужна, приходит особенно сейчас, когда под воздействием агрессивной политики стран Запада во главе с США происходят радикальные изменения в существующем миропорядке, а мировая экономика перестаёт быть единым целым, становясь основной сферой геополитического противостояния.

Возникает вопрос, как нам обеспечить стабильность и благополучие нашей страны. Безоговорочное ориентирование нашей экономики на Запад после распада СССР закончилось нынешним состоянием, которое можно охарактеризовать известным выражением: «За что боролись, на то и напоролись». Хорошо, что успели ещё вовремя обратить внимание на наших партнёров с Востока. Курс Запада по возрождению «холодной войны» и выдавливанию нашей страны со всех крупных экономических рынков мира заставляет Россию искать новые пути для манёвра. В своей книге «Как вести бизнес в Африке» я постарался подробно ответить на вопрос, зачем Россия обязана вернуться на континент. В одной из статей газеты «Завтра»²⁹ депутат Госдумы Российской Федерации VI созыва, доктор исторических наук В.Н. Тетёкин подробно аргументировал

 $^{^{29}}$ Тетекин В.Н. Нужна ли нам Африка? // Завтра. 15.12.2021, № 49 (1459). Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/nuzhna li nam afrika

необходимость пересмотреть наше отношение к Африке. За последние 30 лет Африка не стояла на месте. Собираясь вернуться на континент, мы должны понимать, что Африка стала другой. Сегодня это колоссальный рынок с огромным экономическим потенциалом.

Ностальгируя по прошлому или намекая на то, что возвращаемся за долгами, мы новые отношения с Африкой не построим. Как и весь мир, Африка стала жёсткой и прагматичной. О нас вспоминают редко. Западные средства массовой информации десятилетиями промывали мозги африканцам в духе отъявленной русофобии. В руководстве африканских стран появилось много молодых, образованных на Западе политиков и управленцев. Весь бизнес в этих странах строится по западному образцу, но с местным африканским колоритом. Эту специфику важно понимать. Без знания менталитета и культуры африканцев наскоком задачи возвращения России на континент не решить. Но то, что нас ещё помнят и хотят с нами сотрудничать, о чём африканские лидеры заявили в 2019 году на первом саммите «Россия-Африка», даёт современной России надежду на то, что всё получится.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ФОТО 1. Советский военно-транспортный самолёт Ан-12

ФОТО 2. Советский бомбардировщик Ту-16 в сопровождении американского «Фантома»

ФОТО 3. К перелёту в Египет готов!

ФОТО 4. Советский бомбардировщик Ту-16, переданный ВВС Египта, на базе Кайро-Уэст

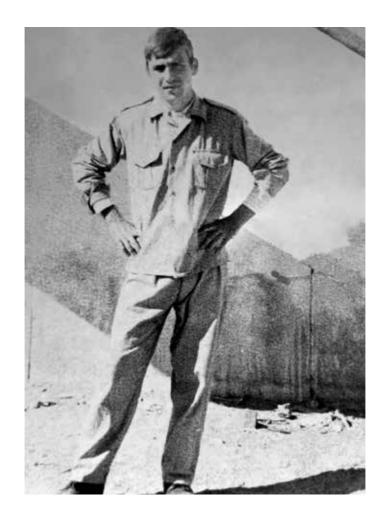

ФОТО 5. Асуан, 1972 год

ФОТО 6. Советский истребитель-перехватчик МиГ-25 в небе над Каиром

ФОТО 7. Советский стратегический бомбардировщик Ту-95

ФОТО 8. Гвинейские женщины

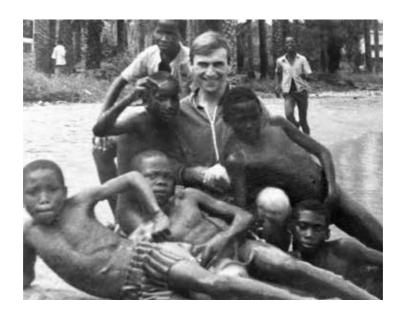

ФОТО 9. Берег Гвинейского залива, 1974 год

ФОТО 10. Посещение большого противолодочного крейсера «Москва» дипкорпусом Луанды, 1982 год

ФОТО 11. Тяжёлый авианесущий крейсер «Новороссийск» у берегов Анголы

ФОТО 12. Полковник Н.В. Курушкин. Слева — командующий ПЛАН Питер Наньемба

ФОТО 13. Генерал-майор Н.В. Курушкин вручает автору орден Красной Звезды, 1989 год

ФОТО 14, 15. Серпантин Серра да Леба, 1983 год

ФОТО 16. С намибийцами, Москва 1976 год. Слева — сын первого президента Намибии

ФОТО 17. Встреча Президента СВАПО Сэма Нуйомы на военно-морской базе г. Луанды

ФОТО 18. На борту сторожевого корабля «Неукротимый», Ангола, 1982 год

ФОТО 19. С советскими военными моряками на базе ВМС в Луанде, 1982 год. Слева — посол Советского Союза в Анголе В.П. Логинов

Литература

- 1. Пирамиды Гизы, Википедия. Режим доступа: https://ru. wikipedia.org/wiki/Пирамиды_Гизы
- 2. Группа советских военных специалистов в Египте, Википедия. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Группа_советских_военных_специалистов
- 3. Боевые действия в Египте. Режим доступа: http://memorial. sfu-kras.ru/voiny-internatcionalisty/boevye-deystviya-v-egipte
- 4. Как СССР помогал Египту в войне с Израилем Режим доступа: https://russian7.ru/post/ kak-sssr-pomogal-egiptu-v-voyne-s-izrai/
- 5. Ту-16, Википедия. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ty-16
- 6. Операция «Кавказ», или Приключения советских туристов в Египте. Режим доступа: https://gilljan.livejournal.com/3390472.html
- 7. Операция «Кавказ» Советские ракетчики в Египте. Режим доступа: https://topwar.ru/104935-operaciya-kavkaz-sovetskie-raketchiki-v-egipte.html
- 8. Война Судного дня, Википедия. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Война Судного дня
- 9. Война Судного дня. Противостояние флотов СССР и США. Режим доступа: http://alerozin.narod.ru/oktovr.htm
- 10. Голда Меир. Моя жизнь. Война Судного дня. Режим доступа: https://jhist.org/zion/golda17.htm
- 11. Забытые войны эпохи развитого социализма. Помощь Гвинее. Режим доступа: https://versia.ru/v-1971-godu-sovetskij-flot-pomog-vlastyam-gvinejskoj-respubliki-pojmat-myatezhnikov
- 12. Серра да Леба. Режим доступа: https://wikiway.com/angola/serra-da-leba/
- 13. Крепость Сан-Мигель. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Крепость Сан-Мигель
- 14. Республика Конго. Режим доступа: https://afrika-raj.ru/strany-afriki/respublika-kongo.html

- 15. Провинция Мпумаланга. Режим доступа: https://geosfera.org/afrika/yuar/2417-mpumalanga-provinciya.html
- 16. Провинция Лимпопо. Режим доступа: https://geosfera.org/afrika/yuar/1733-limpopo-provinciya.html
- 17. Свакопмунд. Режим доступа: https://tftwiki.ru/wiki/ Swakopmund
- 18. По праву братства. Пять африканских стран, в которых служили советские военные. Режим доступа: https://histrf.ru/read/articles/po-pravu-bratstva-piat-afrikanskikh-stran-v-kotorykh-sluzhili-sovietskiie-voiennyie
- 19. В.Н.Тетёкин. «Советский Союз «кормил всю Африку», получая за это золотом». Режим доступа: https://vpk-news.ru/articles/52750
- 20. В. Н. Тетёкин «Нужна ли нам Африка?» Газета «Завтра» №49 (1459), декабрь 2021
- 21. Красный закат СССР давал африканским странам миллиарды на борьбу с Западом. Почему эти деньги были потрачены зря? Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2021/01/18/komms_africa/
- 22. Комуикакв Африке помогал СССР. Режимдоступа: https://news.rambler.ru/other/38940954-komu-i-kak-v-afrike-pomogal-sssr/
- 23. Как потратился СССР на помощь своим африканским союзникам. Режим доступа: https://lifeglobus.ru/kak-potratilsya-sssr-na-pomoshh-svoim-afrikanskim-soyuznikam/
- 24. Интервью И. О. Абрамовой. «Африканский сюжет. Почему Россия спустя десятилетия после распада СССР возвращается в Африку» Режим доступа: https://rg.ru/2019/12/03/pochemurossiia-cherez-tridcat-let-vozvrashchaetsia-v-afriku.html 25.Про то, как СССР Африку кормил. Автор Тимур Фокин, 9 декабря, 2018 Режим доступа: http://ursa-tm.ru/forum/index.php?/topic/296478-pro-to-kak-sssr-afriku-kormil/

Список сокращений

AKM	_	автомат Калашникова модернизированный
АНК	_	Африканский национальный конгресс
БТР	_	бронетранспортёр
BBC	_	Военно-воздушные силы
ВДВ	_	Воздушно-десантные войска
виия	_	Военный институт иностранных языков
ВМС	_	Военно-морские силы
ВПП	-	взлётно-посадочная полоса
ГлавПУР	_	Главное политическое управление
ГЭС	_	гидроэлектростанция
довсе	_	Договор по ограничению вооружённых сил в Европе
дшк	_	крупнокалиберный пулемёт Дегтярёва–Шпагина
ЗРДН	-	зенитно-ракетный дивизион
ИНМАРСАТ (от англ. International Maritime Satellite Organization, MPLA)	_	Международная компания спутниковой связи, основанная в 1979 году, первоначально как межгосударственная организация
КОУ	_	командир огневой установки
МПК	_	межправительственный комитет
МПЛА (от португ. Movimento Popular de Libertaçao de Angola)	_	Народное движение за освобождение Анголы, правящая политическая партия Анголы
ОЗРБ	_	отдельная зенитно-ракетная бригада
ПВО	_	противовоздушная оборона
ПЗРК	_	переносной зенитно-ракетный комплекс

ПЛАН (от англ. People's Liberation Army of Namibia, PLAN)	_	Народно-освободительная армия Намибии
ПМ	_	пистолет Макарова
ПМЖ	_	постоянное место жительства
ПО	_	программное обеспечение
РЭБ	_	радиоэлектронная борьба
CBAПО (от англ. South-West Africa's Peoples Organization, SWAPO)	_	Народная организация Юго-Западной Африки, политическая партия
СПГ	_	сжиженный природный газ
СССР	_	Союз Советских Социалистических Республик
СФ	_	Северный флот
ТОФ	_	Тихоокеанский флот
ФАПЛА (от португ. Forças Armadas Populares de Libertação de Angola, FAPLA)	_	Народные вооружённые силы освобождения Анголы
УНИТА (от португ. União Nacional da Independência Total de Angola, UNITA)	_	Национальный союз за полную независимость Анголы
ФРЕЛИМО (от португ. Frente de Libertação de Moçambique, FRELIMO)	_	Фронт за национальное освобождение Мозамбика
ЮАР	_	Южно-Африканская Республика

Подписано в печать 28.04.2022. Формат 60х84/16. Гарнитура РТ Serif. Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,63. Тираж 22 экз. Заказ № 108585.

Отпечатано в типографии ООО «Роликс» 117105, г. Москва, Нагорный проезд, д. 7, стр. 5 Тел.: +7 (495) 661-46-22 www.roliksprint.ru

ISBN 978-5-91615-179-4